

Т.Чоргорр

Тень ищет
своё место

В холодном мире Голкья одна за другой оживают самые странные и страшные сказки. Неуёмные пассионарии расшатали давно устоявшийся порядок, попрали закон и обычаи. Выйдет ли из этого что-то хорошее, или все перемены — к худшему? Пока мудрые спорят о нужности и цене прогресса, охотники — зимуют зиму, наву Ромиге из Тайного Города хорошо бы решить свои личные проблемы и вернуться домой живым.

«Маленький мальчик гранату нашёл...»

«Опаснее дурака — только дурак с инициативой!»

Тихий, вкрадчивый голос звучит скорбью и укоризной:

— Это была твоя последняя ошибка, Стурши! Помнишь, о чём мы с тобой договорились? Помнишь? А ну, посмотри на меня! Я же знаю, что ты проснулся!

Глаза открывать не хочется, отвечать — тем более. Угораздило же его, осторожного и хитрого, так безрассудно сунуть голову в силок! Доверился старому другу, не распознал зелье глухого сна в такой изумительно вкусной пряной похлёбке! А теперь голую спину леденит камень, пещерный сквозняк гонит мурашки по коже, руки и ноги растянуты ремнями так, что не только шевельнуться — дышать трудно и больно.

Нет, кабы не зелье, никакие ремни не удержали бы Стурши. Но тот, кто угостил его и связал, слишком хорошо знает удалого колдуна. Стурши тоже уверен был, что знает своего собеседника, и напрочь не понимает теперь, к чему всё это? С Великим было ясно: он любил злые забавы. Этот, известно, не любит...

— Я помню наш уговор, и я его соблюдаю, — угрюмо цедит Стурши сквозь зубы. — Все мудрые живут, пока поют свои Великие Песни. Пусть ещё побоятся, предатели, подрожат за свои поганные жизни!

— Тот, кого ты ранил, тоже пел и должен был петь дальше. Я говорил тебе, Стурши, подожди!

— Ранил? Я его убил. Такие, как он,дохнут от «слёз голкья». Я взял его жизнь за жизнь Великого. Никто не в праве запрещать мне мстить убийце! И кстати, я терпеливо ждал. Всё по уговору! Он сам на меня полез...

Собеседник не спорит, лишь вздыхает тяжело:

— Эх, Стурши! А помнишь ли ты, где ты был, когда Великого убили? Твоя преданность достойна награды, и ты её скоро получишь. Открой глаза, дурень, ты должен это видеть!

Стурши неохотно разлепляет ресницы и упирается взглядом в пещерный потолок, густо испятнанный копотью. Чёрные разводы и потёки прихотливостью своей притягивают взгляд, но лишь несколько вдохов спустя Стурши понимает, что это роспись. Искусная и замысловатая! У чёрных зверей, зыбкими тенями стекающих к центру свода — точнёхонько над колдуном, распяленным за руки, за ноги на плоском камне — нет ни голов, ни лап, ни хвостов, по крайней мере там, где ожидаешь их увидеть: лишь отверстые пасти да лютые, ненасытные очи. Звери будто щурятся от слишком яркого света и облизываются в предвкушении. Кто добыча? Глупый вопрос! Стурши рвётся из ремней со всей своей недюжинной силой — больно и бесполезно. Щерит клыки и отпускает себя в панику: ужас ныне — помощник, он заглушит боль и удесятерит силы. Рывок, ещё... Нет, привязали слишком надёжно, без ворожбы не уйти, а ворожба... Никакая ворожба, увы, всё ещё недоступна. Изблевать бы из себя ту похлёбку, да поздно: отраву успела растечься по телу. Бесполезный вой — не песнь! — только дразнит зверьё. Кажется, или чёрных пятен на потолке стало больше? Обессиленный, но пока не отчаявшийся колдун замолкает и перестаёт дёргаться. Он тяжело, жадно дышит, успокаивает себя, собирается с мыслями, чтобы заговорить с другом-врагом. Приподнимает голову, ищет взглядом того, кто всё это время молча стоял в стороне и наблюдал за попытками привязанного освободиться. Поганый

предатель блестит глазами на густо зачернённом сажеем лице... Ой, а это-то ему зачем?

Чернолицый улыбается:

— Ты силён, Стурши: и телом, и волей, и даром. Я вижу, ты им очень понравился. У нас всё получится.

— Что ты задумал, выползок?

Чернолицый не отвечает. Обходит Стурши кругом, ненадолго пропадая из поля зрения — крепко хватая за волосы и подносит к губам сосуд с изогнутым носиком, из которого удобно поить лежачего. Колдун пытается вырваться, отвернуться, стискивает зубы.

— Стурши, дружище, ты же понимаешь, я сейчас зажму тебе нос и волю силой? Пей, не дури, это зелье — доброе. Я не хочу прикармливать их болью, нам хватит всего остального.

— Чего — остального? — спрашивает колдун между глотками.

Разговаривать с врагом, узнать и понять его замысел. Отыскать слабое место, выиграть время и ускользнуть от угрозы хотя бы в самый последний миг, как Стурши всегда удавалось... Собеседник — обычно не молчун, но сейчас болтливым его не назовёшь. А «доброе» зелье вкусом напоминает то, чем Великий напоил Стурши, когда вёл сквозь огонь, воду и лёд. Похоже, да не в точности.

Тело начинает странно неметь: то ли от долгой неподвижности в мучительно неудобном положении, то ли от зелья. Всё труднее дышать, пульс отдаётся в висках гулким рокотом щуровых барабанов. А прежний друг чем-то шуршит и позвякивает там, где Стурши его не может видеть.

— Эй! Чего и для чего тебе хватит? Чего остального, предатель? Что ты собираешься со мной делать?

— Я не собираюсь, я делаю, — ответ звучит слишком глухо и равнодушно для того, кого Стурши всё-таки неплохо знает. Чернолицый в трансе? Стурши ещё раз пробует освободиться или хотя бы позвать на помощь мысленной речью, но не чувствует ни рук, ни ног, ни дара.

Вздых ветра срывает пламя с единственного светильника и погружает пещеру в непрогляднейшую, первородную тьму. Вдых ветра? Нет, начало песни. Голос Чернолицего вибрирует на глубочайших низах, едва слышно и долго-долго: непонятно, откуда в живой груди столько дыхания. Голос гудит, тысячекратно переотражаясь в пещерных сводах, взлетает ввысь и снова проваливается в едва слышные низы. Стурши знает много колдовских песен, но Великий никогда не учил его ничему подобному. Жутко! Кажется, что-то чуть более осязаемое, чем подземный сквозняк, исследует на ощупь тело колдуна. Щекотит легчайшими прикосновениями, слизывает выступившую на коже испарину...

Стурши с бешено колотящимся сердцем, задыхаясь, приподнимает голову на задеревеневшей шее, тарашит слепые в пещерном мраке глаза. Сквозь искры и круги в них... Кажется? Нет, не кажется: в непроглядной тьме его тело начинает светиться, будто свет растворён в крови и сочится изнутри сквозь кожу. Алое свечение всё ярче, уже можно рассмотреть не только собственные очертания — низко нависший свод и чёрные тени на нём. Они свились в тесный клубок, они кишат, открывая то тут, то там дыры глаз и пасть, они ждут, предвкушают!

Прилипнув взглядом к потолку, где ожили самые жуткие из сказок, Стурши пропустил взмах руки, и как что-то острое чиркнуло по груди и животу, вспарывая туго натянутую кожу. Края раны тут же поползли в стороны, лучи ослепительного света выметнулись вверх,

к тварям, а вниз по бокам потекло горячее и мокрое... Странно — не больно. Даже когда вторым-третьим проходом кривое лезвие прорезало живот до потрохов, когда рассекло рёберные хрящи, даже когда враг раскрыл тело Стурши, словно ракушку, даже тогда колдун не дождался боли. Предатель по старой дружбе угостил его очень добрым зельем, правда!

Пристальный взгляд из темноты на истекающего живым светом колдуна. Песнь, которую ничто не в силах прервать. Ничто и никто: Стурши вдруг осознал это с полной определённой. Его разум вопреки всему оставался ясным, он продолжал искать выход, он не сдался, как не сдавался никогда. Но выхода не было! Ужас заледенил сердце, пока ещё бьющееся в раскрытой груди. Алое сияние замерцало, будто костёр на ветру. Чернота на потолке сгустилась, стянулась в одно пятно, набухла тяжёлыми каплями. Первая капля оторвалась и упала вниз, прямо в него.

Трое мудрых в Пещере Совета вели прелюбопытнейшую беседу, когда Вильяра вдруг услышала зов своего воина: «Меня ранили. Обсидиан ядовит для меня. Убери осколки, иссеки омертвелые ткани. Иначе не выживу».

В единый миг двадцатью двадцать раз пожалела мудрая, что даровала чужаку частицу себя. Сумеет ли она быстро порвать их связь теперь, когда Нимрин при смерти? А вдруг он умрёт раньше? Нет, сама колдунья, скорее всего, выживет. Только останется калекой, и не исцелит её от такого увечья даже превращение Летучей песни. Сможет ли мудрая с прорехой в душе служить клану, как должно? Или придётся Лембе бросать свой дом и кузницу, терпеть боль и страх посвящения? Или не Лембе, а на кого укажет Совет? И кто потом ещё Младшего Вильяру учить станет? Искалеченной Старшей могут не дозволить даже этого, и будут, возможно, правы. Коротка дорога изнанкой сна, а сколько на ней Вильяре передумалось...

Каморка в Снежных норах, недвижный Нимрин на полу — дальше раздумывать некогда, пора действовать. Аура чужака тускнеет, он ещё не мёртв, но уже не вполне жив. Он очень быстро уходит. Быстрее Мули, а ей-то Вильяра ничем не смогла помочь. Но пока не ушёл совсем, есть капелька времени: забрать у него всё своё и остаться целой. Потом Вильяра обязательно отомстит за убитого...

Хранительница клана должна бы, не мешкая, запеть разделяющую песнь — а знахаркина дочь не в силах отпустить раненого к щурам, даже не попытавшись его спасти. Она встаёт на колени рядом с телом, ищет пульс на неловко заломленной при падении руке, потом на шее... Нету! Зажигает в воздухе рой колдовских светляков, чтобы лучше видеть. Ворочает тело, находит единственную рану. Вильяра знает, как должна выглядеть кровь чужака: иначе, чем у охотников. Но не то пузырящееся, зловонное, что сочится сейчас из дыры в его чёрной шкуре! А нажмёшь возле раны — под пальцами странно клякло.

Одежда чужака не рвётся и плохо режется: проще снять. Вильяра умеет... Быстро! Тёмное, ослизлое пятно на светлой коже — будто гниль на клубне сыти. Каменный клинок вошёл глубоко, застрял и обломился. Не выдернуть, или... Кривясь от отвращения, Вильяра запускает пальцы в чёрное месиво, вглубь, нашаривает отломок и почти без усилия вытягивает из раны. Плоть вокруг расплзлась в жижу, и даже рёбра... Скорее убрать всё омертвелое, как сам Нимрин напоследок попросил! Большой целительский набор, увы, не с собой, но и нож сгодится: подарок мастера Лембы, острый, как бритва. И в поясном кошельке имеется кое-что для первой помощи. И песнь очищения ран поможет отделить живое от мёртвого...

Убирая гниль до здорового мяса, до твёрдой кости, удаляя повреждённую долю лёгкого и часть остановившегося сердца, знахаркина дочь ужасается тому, что и как она творит. Охотник давно умер бы: окончательно и бесповоротно, а этот... Если она верно истолковала его слова... Да, он так и завис между жизнью и смертью. Аура потускнела, но не погасла вовсе. Там, где Вильяра убирает растравленное, густая чёрная кровь застывает в ране, спекается плотной массой. Хорошо: такую дыру в теле толком и не зашьёшь!

Всё. Она сделала, что смогла. Напоследок, заклятием очищает одежду чужака от потёков вонючей дряни, осторожно продевает его руки в рукава, застёгивает, укладывает...

Откуда вдруг уверенность, что чёрная шкура раненому — лучше примочки из морского мха или паутинного шёлка? Ну, связь-то с ним Вильяра так и не разорвала, потому многое про него понимает, как он сам про себя понимал. Не разорвала связь, и теперь уже глупо это делать. Стоило столько возиться, чтобы потом просто взять и добить?

— Малая?

Вильяра сидит на пятках над телом Нимрина. Ноги затекли, значит, сидит давно. Латира, на корточках, рядом. Треплет её по щекам, приводя в чувство... Латира? Кажется, старый с самого начала присутствовал неподалёку. Стерёг? Да, Вильяру-то можно было брать, как пасущуюся белянку. Дурнота накатывает волнами: полумёртвый чужак, близнец колдуньи по духу, тянет силы. Ещё немного, и Вильяра повалится рядом такой же битой тушкой... Стоило ли? Даже если не стоило, мудрая уже не соберёт себя для разделяющей. А на Великую песнь в круге она сейчас тем более не способна. Предупредить...

— Латира, пожалуйста, передай Нельмаре. Мы с Нимрином выпали из общего дела. Пусть он поправит свой расклад.

Латира молчит, смотрит виновато. Или ей показалось? Но как умелого воина, с мудрым на пару, угораздило: шли на охоту, а стали дичью? Вильяра обязательно расспросит их об этом позже, сейчас важнее другое: Нимрину — выжить, ей — уцелеть.

— Старый, ты переправишь нас двоих к Зачарованным Камням? Я надеюсь, Нимрину поможет, как помогло в прошлый раз. А я побуду рядом... Вместо Мули...

Старик не возражает. Он даже не спрашивает, по своему обыкновению, уверена ли она?

— Отведу. И пригляжу там за вами обоими. Спи, малая, всё будет хорошо, — он берёт её за руку, грустно улыбается: последнее, что видит Вильяра, закрывая глаза.

Латира достаточно опытен, чтобы за раз протащить изнанкой сна и малую, и полутруп Иули. Нет, не к Ярмарочному кругу! Хоть и близко чёрный Камень, хоть и любит он чужака, а слишком много там бродит случайных двуногих, востроглазых да болтливых. Вдруг долетит какой слух до Стурши — тот непременно вернётся, чтобы добить подранка. Сможет ли Латира вовремя перехватить незаконного колдуна? Один раз уже не смог, хотя и понял примерно, как тому удалось... Нет, лучше заброшенный круг на отшибе. Безопаснее.

У серого Камня, где Нимрин отлёживался в прошлый раз, всё без перемен. Иглу стоит, и даже припасы, привезённые Даруной и Нгуной, уцелели: сёстры надёжно зачаровали их от всяческой потравы, но пока не забрали обратно в дом. Могут прислать кого-то, и тоже окажутся лишние глаза. Но один-двое охотников — не толпа с Ярмарки. Латира позаботится, чтобы они не разглядели лишнего. Жаль, круг возле его собственного тайного логова — дневной и летний, не подойдёт Иули. А другие места на примете? Слишком далеко, и давно старик там не бывал, и Вильяру нехорошо уносить из её угодий. Так что, здесь.

Сани возле Камня замело позёмкой, закуржавело инеем. Не беда! Мудрый быстро разметал заносы, вытряхнул шкуры от морозной пыли, просушил и согрел. Уложил рядышком раненого и сонно-обморочную Вильяру: тесно, зато тепло. И вообще, лучше этих двоих далеко не растаскивать... Угораздило же малую! Хотя до поры у них с Нимрином всё выходило к лучшему.

Латира сам — по молодости, по глупости — рискнул связать себя подобными узами с закадычным другом. Их общий учитель отговаривал, но препятствовать не стал, лишь предупредил кое о чём. Оба на собственном опыте убедились в правоте старейшего

Тмисанары, разорвали связь душ и разбежались поскорее.

Под невесёлые воспоминания старик обустроил и защитил от разных превратностей стоянку, приготовил поесть себе и Вильяре, проверил, как Иули? Всё так же. Ясно уже, что «слёзы голкья» не убили тёмного сразу. Благодаря малой! Знахаркина дочь справилась лучше, чем мог бы сам Латира. Но рана глубока и опасна, затянется ли? Прежний Иули хвастал, будто, при некоторых условиях, способен отрастить даже сердце, взамен вырванного. Кисть руки у него однажды отросла, Латира видел это собственными глазами. Но то — рука, а то — дыра в полспины.

Разбудить Вильяру старик не смог: лишь кое-как растолкал, подсунул котелок с горячим и ложку. Малая чуть-чуть похлебала суп и заползла обратно под шкуры. Латира посмотрел-посмотрел... Нет, пока эти двое настолько беспомощны, а Стурши — на воле, тут не то что в круг, даже в иглу не отойдёшь подремать. Сам виноват, раз позволил беззаконнику удрать живым. Теперь бди!

Ночь давно перевалила на вторую половину. Ветер с моря тянул сыростью, длинными пальцами облаков стирал с неба звёзды. Латира сидел, привалившись спиной к Камню, потихоньку вбирал силу. Грелся колдовством сам, грел меховое гнездо в санях. Слушал стихии: ещё не успокоились, но близко к тому. Размышлял о превратностях судьбы.

Нельмара так стремился перевалить на Нимрина часть Великих песен, а теперь мудрые отменно справились сами. Не только без чужака: даже без Вильяры с Латирой. Узнав о случившемся в Снежных Норах, временный глава Совета поступил разумно: призвал всех, кого поначалу отстранил. Слишком молодых или старых, неумелых, слабых, трусливых. Цена ошибки уже не столь высока, как в начале, а для мудрых — для всех и каждого — лучше спеть хотя бы по разу. Пусть общее дело запомнится именно общим, чтобы никто не чувствовал себя ни обделённым, ни особо избранным. Латира достаточно пожил изгоем-неудачником, чтобы не желать такой доли никому. И двое Наритьяр пытались встать выше всех — погибли сами и едва не сгубили Голкья. Нет уж, мудрые равны перед стихиями, равны перед охотниками: это закон, да пребудет так! А вспомнит ли потом Нельмара, кто подсказал ему верный путь? У хранителя знаний отличная память, он не забудет и того, что подсказка пришла заодно с дурной вестью.

Латире и Нимрину нельзя было промахиваться на этой охоте! Старый колдун аж взрыкнул от досады. Повезло ещё: Стурши обломал нож об Нимрина, а то запросто уложил бы их обоих... Латире — повезло, Нимрину — наоборот. Не останься клинок в ране, может, не растравило б её так сильно? Лежит теперь, горемыка: ни жив, ни мёртв. И Вильяра — в глухом сне... Нет уж, чем рычать на ветер и грызть себя за непоправимое, Латира лучше песенку споёт. Сам он не знахарского рода, но кое-чему выучился за многие зимы и лета...

Ключок Тьмы стремится к своему истоку. Имя и память, телесность и воля к жизни — всё это разом осыпалось с него. Ныне он возвращается к вековечному первоначалу, готов растворится в нём. Так должно быть, но что-то мешает. Ему нечем больше видеть, незачем, да что такое вообще — «видеть»? Однако он зрит некие нити, пронизавшие... Его нынешнее всё. Он застрял в их переплетении, будто птица в силке или муха в паутине, бьётся, не может вырваться. Образы тех существ — пустое, отжитое. Однако упругие тяжи, сквозь него и вокруг — грубая и болезненная реальность, они не дают частице Тьмы кануть во Тьму. А ведь прежде нав Ромига, так его звали, не только ощущал и видел эту паутину. Прежде он умел переплетать её по-своему. Почему сейчас не способен выпутаться и уйти своим путём? Ах, ему стало нечем? Но если он настолько не цел, примет ли его родная стихия? Вдруг, нет? Лютый ужас...

Ужас — удел живых!

Нет, ему не надо во Тьму! Не в этот раз! Благо, белая колдунья сделала всё, о чём Ромига успел её попросить. Мало того: она лежит рядом, делится теплом, тянет его обратно в жизнь... А он её, стало быть, наоборот? Сама напросилась...

Поблизости ворожит ещё кто-то, оттаскивает их обоих с порога небытия. Спасибо ему, кстати, за этот проблеск сознания. За силу для первого удара сердца, за возможность вздохнуть после долгого — даже для нава долгого — перерыва. Тело, полежав в анабиозе, затагнуло самые опасные повреждения, перераспределило ресурсы и начало оживать. Зачарованный Камень рядом: знакомый, щедрый. Больно до слёз, холодно, душно и тошно, а всё равно, хорошо. Живой!

Вильяра медленно выплыла из тяжёлого, обморочного сна. Показалось, или Нимрин рядом шевельнулся? То ли, да, то ли, нет, но аура — заметно ярче. Прислушалась: дышит, и сердце бьётся. Осторожно, чтобы не потревожить рану, нащарила его руку: холодная, но не ледяная. На пожатие не ответил: либо без сознания, либо бережёт силы. Главное, жив!

Высовывать нос из-под шкур — упускать тепло, ужасно этого не хочется. Вильяра и так слышит, как старый над ними поёт. Можно ему подпеть, нужно подпеть... Не вылезая на холод...

— Малая? Ты там, никак, ожила?

— Да, вместе оживаем, — от воспоминаний о том, что произошло в Снежных Норах. Вильяре запоздалым ужасом скрутило живот, и выход на мороз стал суровой необходимостью. — Вот не думала, старый, что меня так придавит...

Первый учитель непременно попенял бы, что она вообще не думает, когда что-то делает. Много нашёл бы для ученицы злых и обидных слов: она все их помнит, даже грубый, скрипучий голос ей мерещится. Вильяра как бы слушает его, но не вникает, и о поступках своих не жалеет. Тем более, учитель не меньше ругал её, когда она задумывалась и мешкала. Что бы Вильяра ни делала, как ни старалась, похвалы от него дожидаться — что травы зимой. Ну и к шурам его, покойника! Мудрые не за похвалу служат, не за почести... Латира знахаркиной дочке давным-давно это объяснял, а сейчас вон помалкивает, смотрит участливо...

Пробежка до укромной ложбинки, вниз по склону, и обратно, Вильяру здорово взбодрила. Теперь пора позаботиться о Нимрине. Вильяра знает и чувствует, как. Туда, куда она бегала, ему пока не надо. И с раной ничего не нужно делать. Только очень осторожно, под песенку, утоляющую боль, перевернуть его, пока не отлежал себе всё. Убедиться, что от перемены положения не стало хуже. Растереть руки и ноги, расчесать гребешком волосы — удивительно всё-таки, почему у него зимой не растёт подшерсток? Вильяра гладит и перебирает жёсткие чёрные пряди, поёт не умолкая. А ему больно, даже сквозь забытьё — слёзы из-под закрытых век, кожа в испарине. Ещё он мёрзнет, несмотря на согревающую ворожбу Латире, и это ему совершенно не на пользу. Увы, либо тепло жилых покоев, либо сила Камня. Сила для исцеления, конечно, важнее...

— Старый, ты греешь Нимрина, как охотника, а надо больше. Надо сделать ему жарко, по-летнему.

— Как скажешь, о мудрая Вильяра. Может, в иглу его? Изнанкой сна, чтобы не тащить через вход?

Ну, да: лаз в иглу узкий, двойным коленом, для тепла. Но тепло там относительное: чуть перегреешь, и стены потекут. Однако можно зачаровать их от таянья. Так и Камень будет достаточно близко, и раненый — в уютном логове. Решили, сделали.

А Нимрин, между тем, начал хрипеть, потом корчиться и кашлять, выхаркивая чёрные сгустки. Сообразно ходу исцеления, но как же, щурова сыть, тяжело и мучительно! Вильяра бережно приподнимала его, поддерживала, гладила по здоровой стороне спины, а над больной вновь и вновь ворожила: вытягивала, выводила наружу лишнее, болезненное, мёртвое, что не отошло сразу после ранения. С такой помощью — чуточку быстрее и легче, чем самому. Но всё равно промаялись до рассвета, с рассвета — до полудня, с полудня — до темноты. Вильяра лишь ненадолго позволяла Латире подменить себя, грызла что-то съестное, не чувствуя вкуса, дышала морозом для бодрости, стояла у Камня и возвращалась.

Лишь когда отсветы пламени на снежных стенах стали ярче сумеречной синевы, раненый очнулся. Мудрая, в очередной раз укладывая и укутывая тело, обмякшее после приступа кашля, встретила измученный, но вполне осмысленный взгляд. Даром, что от слабости глаза у Нимрина едва открывались — он ещё и руку её поймал, поцеловал в ладонь. Исчерпал этим свою способность шевелиться, говорить даже не пробовал, однако остался в сознании. Морщился от боли на каждом вздохе, но ни единого стога, и слёзы больше не текли. Живучий, сильный, упрямый. Выжил и будет жить, знахаркина дочь перестала в этом сомневаться. Будет ли здоров, не перекосит ли спину горбом — пока не ясно. Но Вильяра сделает всё, от неё зависящее. В следующий раз будет перекладывать — обязательно разденет, проверит, что там и как с его раной.

И всё же... Чёрный оборотень! Воин! Как угораздило такого получить ножом в спину? Да от того, за кем сам пришёл во всеоружии?

Отведя смертельную угрозу, Вильяра мысленно вернулась к этим вопросам, однако задавать их Нимрину было рановато. А вот Латире... Позвала старика в иглу, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Старый не кривил душой, не выгораживал себя, рассказывая о неудачной охоте. Да, он — как все они — здорово недооценил беззаконника. Нимрину простительно, он чужак. Простительно было бы Вильяре, любому из молодых недоучек. Но Латире-то все выверты Стурши знакомы!

Да, мудрый тоже умеет стеречь себя, глядя из сна через других двуногих или четвероногих, отчасти подчиняя их своей воле. У Снежных Нор беззаконнику явно служила

прошмыга, существо своенравное, мало подходящее для таких фокусов, зато зоркое и сообразительное. А может, и Пурна позвал мудрых не сам, а заманил в ловушку по воле Стурши. Очень уж быстро после этого Пурна помер, подозрительно быстро, будто сновидец выпил из него остатки жизни, умножая свои беззакония. Нет, пока Латира не взглянет на тело, то не скажет наверняка, так ли это. Всё-таки Пурна тяжело болел. Но со слов трактирщика, у которого на леднике прибавился новый мертвец...

А как Стурши ранил Нимрина и безнаказанно ушёл? Как исхитрился? Да так же, как сама Вильяра мгновенно уходит на изнанку сна. Сложнее бить оттуда, почти не высовываясь, но прицельно. Латира давно этого не делал, однако умеет. Многие из мудрых поопытнее тоже могут.

Латира попросту не ожидал столько мастерства, проворства и наглости в недопосвящённом. Не ожидал! А должен был, зная про Стурши всё, что знает.

Слушая Латиру, Вильяра сперва страшно злилась. И на старика, и на себя, что отправила своего воина на эту поганую охоту. А потом снова поймала тёмный взгляд из-под ресниц — теперь показалось, любопытный — и сразу успокоилась. Сказала Латире:

— Ладно, Старый, нечего корить себя. Бывает, и матёрый зверь по белянке промахивается. А тот колдун — вовсе не белянка. Его и Нельмара с Наритьярой боятся. Я думаю, Стурши ещё вернётся за нами за всеми, так постараемся быть готовыми. Научишь меня тем фокусам? Я как раз хочу немного вздремнуть. Как найти и приспособить себе четвероногого соглядатая? Двухногих-то, кроме нас троих, тут нету... Я надеюсь, нету!

— Вот и проверишь, есть или нету. А как? Да так же, как мы зрим иные миры глазами их обитателей. Выверт в том, чтобы не улетать на другую сторону звёзд, не бродить по всей Голкья, а захотеть увидеть себя со стороны.

— Так это же удобнее из призрачного обличья?

— Удобнее и проще. Но призрака почует любой одарённый, или надо мудрёно прятаться. А на белянку или побегайку не обратят внимания. Как мы с Нимрином — на прошмыгу. Правда, Малая, попробуй. Вдруг, у тебя сразу получится? А если нет, то хотя бы отдохнёшь. Я-то всё равно караю, и за раненым пригляжу.

Мудрые беседовали, Ромига слушал. Интересно, но впрок. Он запомнит, а после обдумает. Под бубнёж голосов проще отвлечься от нудной, выматывающей боли, перетерпеть позывы к кашлю. Хватит уже, полезнее отдохнуть.

Сны. Среди прочего, Вильяра с Латирой говорили о колдовских снах. Для охотников сновидения — куда более весомая часть их жизни и магии, чем Ромига привык. На Земле, в Тайном Городе, в Тёмном Дворе предпочитают жить и колдовать наяву. Кое-кто из сильных магов вообще истребил у себя «примитивную потребность, бездарно сокращающую время бодрствования». Их единственный отдых — медитация. Молодой нав подобных высот не достиг и поспать любил. Сны видел яркие, красочные и вещественные: помнится, даже хвастал этим. А попал на Голкья — словно отрезало. Поначалу Ромига опасался встретить на изнанке сна своего неведомого врага и дремал вполглаза. Позже мудрые усыпляли его и таскали за собою «прицепом», и сам он засыпал крепко, терял сознание, даже почти умер — но никаких видений, кроме странного бреда, будто застрял в паутине. Будто утратил некое ценное умение, гораздо ценнее и важнее, чем какие-то там дурацкие сны. Или то и другое — разные части его утраты, без которой Тьма не узнает его и не примет? Сломанной стреле не место в колчане?

От мыслей таких нестерпимо худо. Хуже, чем от раны! Аж дыхание перехватывает, и слёзы опять на глаза наворачиваются. Знала бы Вильяра, какой редкий и ценный ингредиент для зелий пропадает зря, попусту впитываясь в шкуры...

Стоп! Естественно, Тьма не приняла того, кто не завершил свои дела среди живых и, при том, в состоянии выжить. Да, Ромигу многое удерживает в мире: в его родном, а теперь и в этом. Паутина — логичный и внятный образ, чего уж проще! А что он такое, якобы, особенное умел? Оклемается, разберётся. Главное сейчас — правильно дышать, следить за соразмерностью напряжения мускулов, направлять нервные импульсы, ток крови и магической энергии к местам повреждений. Заживление такой раны — тяжкий и кропотливый труд не только для целителей. Эрлийцам он сдал бы себя со всеми потрохами и забылся под «пыльцой Морфея», а назавтра встал бы с койки здоровеньким, подписал счёт и ушёл. Вильяра хороша, но не настолько. Чтобы не учить её потом перекраивать рёбра и мышцы, следи за собою, нав, неустанно! Держи себя сам!

Лёгкая, тёплая рука Латиры на затылке, и то ли в ушах, то ли прямо в голове звучит песнь, которой старик утешал и успокаивал Мули, потерявшую отца. Зоркий, сообразительный! Заметил и понял, что раненого корёжит не только от боли. Досадно, что эта помощь сейчас — тоже не лишняя. Но раз не лишняя, то принимается с благодарностью, и хорошо бы эту благодарность проявить зримо. Ромига приоткрыл глаза, попробовал улыбнуться — губа треснула.

Жажда донимает. Пожалуй, воды уже можно, и сейчас он попросит...

Жизнь белянки проста: кормись и берегись хищников. Весной прибавится ещё одна забота, да до весны попробуй, доживи... Мысль слишком велика для маленькой пушистой головёнки. Задремавшая колдунья недовольно морщится, потеряв полноту ощущений незамысловатого, но яркого чужого бытия. Она отбрасывает лишние мысли и возвращается. Зыркает по сторонам, быстро-быстро роет снег твёрдыми острыми коготками, опускает в него мордочку по самые глаза, скусывая горьковато-терпкие на вкус почки зеленохвойника. Стараётся дорыться до шишек с семенами, но они глубоко в снегу, а снег плотный, не занырнёшь в него — надо раскапывать, оставляя на поверхности толстый уязвимый задок. Выше по склону снег выдуло ветром. Кусты торчат почти целиком, а шишки на них, кажется, никто не расшелушил. Опасно отбегать далеко от норы, но кричавки уснули, четвероногие хищники на эту гору ходить не любят, двуногие же... Двуногие засели в своей круглой берлоге-сугробе, и дела им нет до пасущейся поблизости белянки.

Точно? Заскочить на бугорок повыше, осмотреться, послушать, понюхать воздух. Точно! Никого, кроме других белянок ниже по склону и пары зверей... Далеко, в долине, не опасны. Скорее к шишкам, пока никто до них не добрался! Стремительными бросками-перебежками, от куста к кусту. Чем выше, тем обильнее и вкуснее еда. А уж какие лакомства прячут двуногие у себя в берлоге...

Белянка — не прошмыга, которая из любопытства лезет всюду, и даже заклёвывая её нипочём. Белянке для счастья хватило бы почек и шишек, которых тут, правда, хоть заешься! Это Вильяра нарочно её подманивает, по слову Латиры: «увидеть себя со стороны». Неожиданно трудно быть белянкой со всеми её повадками, нуждами, страхами — и в то же время удерживать цель как бы беспорядочных шныряний от куста к кусту, настойчиво и терпеливо подводя своего соглядатая ко входу в иглу.

Свет огня пугает белянку, а запахи съестного манят. Замереть столбиком, принюхаться, прислушиваться, подбежать чуть ближе. В логове никто не шумит, и она, наконец, решается. Проворные лапки ступают по утопанному снегу тихо-тихо. Нора у двуногих широкая. Нырнуть в неё, пробежать вперёд: с готовностью в любой миг развернуться и дать дёру. Выскочить из углубления лаза на ровное место — та же тишина, ровное дыхание троих. Лежат, спят, не шевелятся. Жарко в берлоге, будто летом. И наивкуснейшая еда, орешки, рассыпаны прямо на полу! Странно даже... Поскорее набить защёчные мешки и удрать...

Белянка потянулась к первому ореху — что-то рухнуло ей на загривок, вцепилось в шкуру, вздёрнуло вверх с громовым рыком:

— А вот и суп к нам пришёл!

Она истошно завизжала, извиваясь на весу, брыкаясь всеми лапами, щёлкая острыми зубами, но так и не дотянулась до ухватившей за шкуру руки. Двуногий поднял её повыше, встряхнул:

— Эй, малая, где ты видала таких буйных белянок? Можно подумать, она бешеная, в суп не годится.

Вильяра подскочила, просыпаясь. Сердце стучало под горлом, будто саму её сцапали и собрались совать в суп. Колдунья злобно уставилась на Латиру, который держал на весу и разглядывал её незадачливого четвероногого соглядатая. С пробуждением Вильяры связь

разорвалась, и теперь белая вяло обвисла, прикинулась дохлой, как все они, пойманные.

Латира встряхнул свою добычу ещё раз:

— Жирненькая. Камень отпугивает хищников, вот и отъелась тут в безопасности. Хороший суп будет. Лучше, чем из мороженой рогачины.

— Латира, пусти! — голос колдуньи сорвался на рычание.

Зловредный старик нарочито медленно потянулся второй рукой — будто свернуть добыче шею. Вильяра глубоко вдохнула и выдохнула, с трудом избавляясь от наваждения. Спросила, уже спокойнее.

— Старый, ты в самом деле собираешься лить кровь у Камня? Тут даже двадцати шагов нет. Нехорошо.

— Правда твоя, малая, нехорошо. Да и неохота по темноте возиться, разделявать. Захотим, утром ещё наловим, — Латира развернул пленницу мордочкой к выходу, опустил в лаз и слегка подпихнул сзади, чтобы отмерла. Кинулась прочь, только снежной пылью из-под коготков плеснуло.

— А знаешь, старый... Нарит... Учитель велел бы мне отнести её подальше от Камня, убить и съесть сырьём. Чтобы я ни на миг не равняла себя с дичиной. И не жалела существо, с которым была связана.

Латира вздохнул, улыбнулся:

— Со связью ты, о мудрая, в самом деле переборщила. Вот смотри: Иули твой лежит. Вы срослись с ним гораздо прочее и глубже, чем ты с этой белой. Она-то убежала и всё забыла, и ты её в другой раз не узнаешь. А твоему близнецу по духу сейчас очень больно. Однако ты, не раздумывая, загораживаешься от его боли. Не пускаешь её в себя. Знаешь всё, что нужно знать о самочувствии того, кого лечишь. Но не страдаешь вместе с ним, и это правильно! Твоя мама, знахарка, умела и тебя научила.

— Да, иначе б мы не выжили, — скрипнула зубами Вильяра. Охватила себя за плечи, помолчала, прикрыв глаза. Имела в виду поветрие в доме у Синего фиорда и себя с матерью. Но про Снежные Норы так сказать — тоже правда будет. Не спасла бы она Нимрина, кабы не суровая материна наука. И сама... Кто знает...

— Прости, малая, что разбередил дурную память.

— Да что уж теперь, всё прошло... Хочешь сказать, я умею то, что нужно, только в ход пустить не догадалась? Мне в этой белой было так забавно и любопытно, так легко... Пока ты не сцапал! Тут уж я не успела загородиться от её испуга. Но со мною бы ничего страшного не случилось бы, даже если б ты её придавил. Поганый сон, и только... Хуже, ум в какой-то миг стал совсем белочий. Орехи на полу — это ж такая явная приманка! А я не сообразила сразу, не увела соглядатая прочь. Так торопилась скорее набить защёчные мешки, — Вильяра хлопнула себя по щекам и вдруг расхохоталась, до слёз.

Латира смеялся вместе с ней. И даже Нимрин улыбнулся, на их веселье глядя. А потом вдруг спросил, безмолвной речью: «Вильяра, скажи, а почему нельзя лить кровь у Камня?»

Вот уж озадачил! Закон так крепко засел в уме, с первых детских шагов за порог дома, что любознательная Вильяра всего лишь уточняла у своего учителя края дозволенного. Первый раз, когда он пролил её девичью кровь даже не у Камня — внутри круга. Поганое воспоминание потянуло за собой другую муть. Колдунья раздражённо фыркнула:

— Потому что нельзя! Нимрин, ты у нас разучился говорить вслух?

«Не разучился. Не хочу сбивать дыхание. А всё-таки, что будет, если? Я же не просто

так спрашиваю. Я кашляю. Из меня выходит изменённая кровь. Если тут нельзя...»

— Тебя убивали в другом месте, это главное. Такая кровь уже не считается. Даже если подранок дополз до Камня и умер... Хотя... Старый, может, ты знаешь больше про круги и кровь? Объясни чужаку, почему возле Зачарованных Камней нельзя охотиться и сражаться? Почему круг, осквернённый смертью разумного, запечатывают, самое меньшее, на две луны? Меня учили, будто от крови, особенно от смертоубийства, Камни дичают, нрав их становится дурным и непредсказуемым. Могут напитать большой силой, могут отобрать всю до капли, а то и вовсе лишит дара. Могут заморочить и завести, куда бешеная кричавка не летала, голодный зверь не забегал. А в старых сказках сказывают про злые бродячие Камни-алтари, жадные до жертвенной крови. Кто прикоснётся к ним, того сведут с ума, сделают своим слугой, незаконным перевёртышем, убийцей и живоедом. А сами они — сегодня на одном холме, завтра — на другом, а то вовсе занырнут вглубь Голкья, и не найдёшь их. Но в угодьях Вилья такая погань не водится, я бы знала. Если не от учителя, то от кого-нибудь из охотников.

— Не зарекайся, малая! На Нарии Голкья диких Камней искони было мало, и мудрые ловили-запечатывали их старательно, на совесть. Но вряд ли совсем извели. Теперь, когда Наритьяры своим примером раззадорили всех жадных до незаконной силы...

Латира запнулся, будто что-то вспомнил. А может, услышал чей-то зов и отвечал безмолвной речью. Подождав немного, Вильяра спросила:

— Старый, а откуда те бродячие алтари вообще взялись? Сколько нужно поливать Зачарованный Камень кровью, чтобы у него завелись подобные привычки? И какой мудрый допустит у себя в угодьях такое беззаконие?

— Поливать нужно долго, а в наше время никакой мудрый не рискнёт заколоть даже единственную жертву. По крайней мере, в здравом уме! Об этом не рассказывают. Этим песням и обрядам больше не учат. О многом запретном я сам слышал лишь краем уха. От моего учителя Тмисанары, от Нельмары, от тех же неудобопоминаемых Наритьяр. Там, сям, помаленьку. Слышал, что в додревние года, когда кругов ещё не умели ставить, а только одинцы, тогда Камни часто поили жертвенной кровью. Одарённый своей рукой убивал у Камня что-то живое и получал больше силы. Для обыденных нужд охотникам хватало мелкой дичи, вроде твоей белянки. Но во дни беспокойных стихий особо избранные колдуны клали к Камням и шерстолапов, и зверей, и даже двуногих. А зарезав на Камне другого одарённого, колдун мог разом обрести великое, по тем временам, могущество. Примерно, как мудрый после круга. Кстати, мудрых тогда ещё не было. Колдуны, не закалённые стихиями посвящения, дурели от крови и силы. Большинство из них быстро и страшно дичали. Жили эти бешеные не дольше, а меньше других охотников. Обычно в день низкого солнцестояния новый колдун приносил в жертву старого, чтобы послужить своему дому или клану, а после в свой черёд умереть. По преданию, первый Совет мудрых основали одиннадцать сильных колдунов, которые сохранили более-менее здравый рассудок и правдами-неправдами избегали ежегодного жертвоприношения. Подробностей уже никто не помнит, даже Нельмара и старейшие. Эти одиннадцать, со учениками, ещё приносили кровавые жертвы, но уже искали, как получить великую силу иначе. Не скажу, сколько поколений минуло, пока нашли. Пока могущество мудрых, их долгая жизнь, их безупречное служение кланам убедили всех одарённых, что этот путь — верный. Ещё немало снегов выпало и сошло, прежде чем смертельное кровопролитие возле Зачарованных Камней объявили беззаконием, а жертвы стихиям сохранились лишь в страшных сказках.

— То есть, предшественники мудрых вынуждены были приносить жертвы, потому что у них не было правильного посвящения и кругов?

— Примерно так, Малая.

— А сейчас-то зачем? У нас же всё это есть?

— У нас с тобой — да. А у таких, как Стурши?

— Думаешь, он...

— На самом деле, не знаю, — пожал плечами Латира. — Есть много способов приумножить своё за счёт чужого, присвоить колдовскую силу, дар, жизнь. Не все они незаконные, но все — на краю. Кстати, самые изощрённые способы изобрели не древние колдуны, а те из мудрых, кому своего не доставало. Иногда нам не хватает на самые благие цели, ради клана. И жертва готова идти в круг добровольно. И даже не вполне жертва: никто никого не убивает. Все эти «ключи»: они взялись именно оттуда, понимаешь? А лёд тонок. Например, один мудрый приневолил в круге девицу, напугал и обидел — получил через неё очень много. Стал впредь так поступать и других учить. Ученик, на него насмотревшись, испробовал. Понравилось. Захотел ещё больше. А кто-то под ним однажды возьми да умри. Или не однажды. Очень уж тот мудрый переменялся, и круги у Наритья сильно чудили... Помнишь историю с вулканом? А я ведь про Среднего нарочно узнавал в доме, где он вырос. Расспросил одного старого знакомца. Посвящали-то спокойного, добродушного, рассудительного парня, откуда потом что взялось?

Дикие Камни, жертвоприношения, как интересно... Ромига и прежде подозревал, что у Голкья — богатая история. Археолог Роман Чернов, «альтер эго» нава, занудно уточнил бы: какая такая история? Письменные источники — где?

Да, Ромига ни разу не встречал в этом мире ни малейших следов письменности. Рисунки на стенах в доме Лембы видел, и даже примитивное подобие чертежей, и отменного качества планы местности, и замысловатые, похожие на орнамент, календари. Охотники умели считать на пальцах и на счётных досках, умели записывать числа, но почему-то даже не пытались зафиксировать речь. Или Ромига пока не сталкивался? Он решил, что разъяснит этот вопрос позже, и если мудрые ведут что-то вроде летописей, обязательно до них доберётся.

Пока же заботы его — простые и сугубо телесные. Например, перевернуться с живота на бок: наконец-то, он сумел это сам. А вот чтобы размяться и потянуться, нужна помощь. И будет очень неприятно, однако он вытерпит, а после попросит Вильяру уложить его на спину, поровнее. Пора: пробка застывшей крови в ране размягчается изнутри, переплавляется в живые ткани. Чтобы всё повреждённое и удалённое восстановилось правильно...

Чёрная капля набухла. Повисла. Оторвалась. Долог ли полёт с низкого, рукой достать, пещерного потолка? А перед Стурши вся жизнь промелькнула... И погасла, стоило капле долететь. Он всё-таки ждал боли, возможно — холода или жара, а дождался лишь пустоты там, где только что билось, замирая от ужаса, его сердце. Сияние изнутри быстро меркло — или у него темнело в глазах? Но распяленный на камне колдун ещё видел, как набухают, срываются и падают вниз новые капли. Как тени с потолка перетекают... Заполняют... Уже последний страх ушёл: все чувства Стурши занемели, как прежде тело. Скорее всего, он умер, но почему-то сохранил способность сознавать происходящее. Тени выпили свет, растворённый в его крови, и насытились. Пещера вновь погрузилась во тьму. Песнь, звучавшая долго-долго, умолкла, и тот, кто пел, не издал больше ни звука. Вездесущие запахи... Странно, он не заметил, кажется, в этой пещере их не было изначально. Ничего не осталось: зримого, слышимого, обоняемого, осязаемого, осязаемого магическим чутьём. Лишь время текло дальше, и Стурши был здесь, в этом чёрном нигде. Его всё сильнее тяготила пустота, всё невыносимее. Как странно, противоестественно, мучительно: он есть, а больше ни-че-го...

Голос, живой голос, он слышит голос! Радость, и не важно, какие слова голос произносит... То есть, важно! Ему же велят слушать, иначе так и оставят во тьме и тишине, наедине с ничем!

— Слушай меня, Тень! Слушай и внемли! Ты — Стурши!

Ну, да. Зачем напоминать, он и так прекрасно помнит себя? Но пусть голос говорит, что угодно, лишь бы звучал! За великое счастье — слышать живые звуки — Стурши готов терпеть любые глупости.

— Я — твой хозяин. Моя воля — твоя воля. Твоя сила — моя сила. Твой облик, разум и память — да останутся при тебе.

Стурши, не раздумывая, повторяет следом:

— Я — Стурши. Ты — мой хозяин. Твоя воля — моя воля. Моя сила — твоя сила. Мой облик, разум и память, по велению твоему, остались при мне.

Он сказал это вслух, да?

Стурши помнит нож, вспоровший его. Помнит руки, ломавшие рёбра. Странно, как после этого получается говорить? Дышать? Но вместе с собственным голосом возвращаются ощущения тела: целого, ни к чему не привязанного, только замёрзшего до одеревенения. Он свернулся клубком на чём-то жёстком, сыром, холодном, бугристом... На каменном полу первородной пещеры... Сквозь веки пробивается свет...

— Эй, Стурши! Ну ты и забрался! Я еле нашёл тебя! Просыпайся, дурень! Ещё и одежду всю где-то растерял, и светильник...

— Скундара? Ты? Какого шура?

— Вот и мне любопытно, какого! Может, я переборщил с пряностями, но не думал же, что тебя с них так развезёт, да ещё на приключения потянет! Как ты шею не свернул и не замёрз? А ну, вставай!

Стурши быстро, покорно поднимается с пола, хотя затекло у него всё. Шипит сквозь зубы, судорожно зевает, дрожит от холода. Его одежда бережно сложена в дальнем углу

пещерной залы... Той самой? Ужасно похожа, только ни плоского камня-алтаря, ни чёрных зверей на потолке. Друг возится со вторым светильником, найденным возле стопки одежды, а Стурши под стук зубов ощупывает и осматривает себя. Пара свежих синяков, шишка на темени, ссадина на колене — законная добыча путешественника по диким пещерам, а более ничего. Он ведёт рукой по груди, по животу, вдавливая пальцы в кожу почти до боли. Бьётся внутри сердце, голодно урчит желудок: всё, как обычно.

— Стурши, ты чего застыл столбом? Дурман из тебя не вышел? Вот же островная кровь! Мне с марахских травок только весело стало, а тебя до сих пор корёжит. Спеть тебе, что ли, для прояснения рассудка? А ну, одевайся, и пошли отсюда!

Штаны, куртка, сапоги, пояс — всё ледяное, волглое и тяжёлое от пещерной сырости. Но одетому всё равно проще согреться. Стурши трясёт головой: слишком странные в ней бродят мысли. Лучше бы не произносить вслух того, что неудержимо рвётся на язык — но он почему-то не в силах смолчать:

— Представляешь, Скундара, что мне приснилось?

Заинтересованный взгляд и поощрительное:

— М-м-м?

— Будто ты принёс меня в жертву на древнем алтаре. Будто пещерные Тени пожрали мои потроха, а потом я принёс тебе присягу. Такое яркое наваждение, до сих пор не по себе!

Хищно блеснули в сумраке пещеры зрачки и зубы, а миг спустя — знакомый кривой нож мелькнул в руке Скундары. Показался и скрылся. Пока Стурши хлопал глазами — было, не было? — друг подошёл вплотную, взял его за плечи, уставился в лицо.

— Удивительно, что ты помнишь... И ты не смолчал, значит, ответил на мою невысказанную волю. Мне же любопытно, да... А скажи-ка мне, Стурши: было ли тебе больно?

Колдун ответил, даже не подумав, желает ли он продолжать этот бредовый разговор? Говорить ли правду?

— Нет.

— А страшно?

— Да. Мне показалось, я умер от ужаса.

— А злишься ли ты на меня? Или, может, обижен моим вероломством?

Стурши внимательно прислушался к себе и с удивлением отметил вслух:

— Нет, Скундара. Я не зол и не в обиде. Хотя должен! Если ты, правда, сделал со мной такое. Если не померещилось мне с твоих поганых травок. Я и за травки-то на тебя сердит бывал, ты же помнишь. А сейчас — нет.

— Хорошо. Очень хорошо, Стурши, — друг стиснул его плечи крепче, в зрачках полыхали грозные огни. — А теперь забудь про жертвоприношение и присягу. Ничего такого с тобой не было. Тебя повело с марахских пряностей. Ты заплутал в пещере, уснул, чуть не замёрз, пока я разыскивал тебя, дураля...

— Скундара, да провалиться тебе с твоей дурман-травой! Что ж меня до сих пор-то с неё так шарахает! Помню, ты сказал, пойдём отсюда. Почему мы до сих пор здесь?

— Да потому что я никак тебя в чувство привести не могу! Держи светильник и пошли. Пока ещё выберемся...

Путь наружу долог и не прост. Первородная пещера — совершенно не то, что вырубленный в теле Голкья, правильно зачарованный жилой дом. Холод: пронизывающий, хуже мороза наверху. Сырость и сквозняки. Ни единого шага по ровному. Щели, в которые

нужно протискиваться, пресмыкаясь, подобно выползку. В этой пещере хотя бы грязи не много: внешние потоки приносят сверху песок, а не глину. Стурши пробирается следом за другом и удивляется, как глубоко залез. А главное, зачем?

Друг бросает, не оборачиваясь:

— Стурши, мы сейчас поднимемся, и я покормлю тебя... Обещаю, больше никаких особых приправ! Немного отдохнёшь и уберёшься отсюда, как пришёл, изнанкой сна. Я не хочу, чтобы тебя видели в моих угожьях.

Колдун покладисто отвечает:

— Да, я помню, Скундара. Мы с тобою, для всех, друг друга не знаем.

— Слушай меня дальше! Ты не вернёшься на Ярмарку у Вилья и куда-либо на Нариголья. Ты перестанешь преследовать мудрых Наритьяру, Латиру, Нельмару, Вильяру. И в угожьях Наритья тебе тоже нечего делать. Вообще, ты пока не будешь мстить никому из своих знакомцев.

Стурши внимает. Вчера заспорил бы, или просто пустил пожелания друга мимо ушей. Но сегодня ему него возразить даже в уме, да и не хочется. Колдун отмечает это, как мимолётную странность, и тут же забывает, ожидая от Скундары продолжения.

— Твой путь — в угожья Альди. Ты бывал там?

Стурши пожимает плечами:

— Давно и не долго.

— Это хорошо, значит, ты не успел там сильно нагадить. Или успел?

— Нет, меня там не запомнили. Только со старым Альдирой мы знаем друг друга в лицо. Он помогал Ульдаре... Когда эта кричавка драная ловила меня и наказывала.

— Отлично!

— Что отлично?

— Замечательно, что вы с мудрым Альдирой знаете друг друга в лицо, и у тебя есть свой, выстраданный интерес убить его.

Колдун искренне удивляется:

— Мы же договорились не трогать никого, кто поёт Великие песни? И чтобы я прекратил мстить моим знакомцам?

— Уточняю: не трогать никого, кроме тех, на кого укажу я. Альдира... Впрочем, не важно, тебе незачем знать. А сделай-ка ты, друг мой Стурши, чтобы мудрый Альдира не вышел из круга. Если он сорвёт Великую песнь и перевернёт половину своих угожий, это будет ещё лучше. Ты понял меня, друг? Сделаешь?

— Я постараюсь, Скундара.

Друг резко обернулся, сверкнул зрачками:

— Стурши, что значит, «постараюсь»? Будто не от тебя слышу!

— То и значит! Я не хочу тебе врать... Вернее, не могу... А вдруг, я пообещаю и не сделаю? Я ни разу не убивал мудрого, поющего в круге, и пока не придумал, как так исхитриться. Для начала нужно выследить, куда он отправится петь. А после Зачарованные Камни защищают, и тем надёжнее, чем сильнее ворожба. Великий учил меня многому, но не всему. Ты — сам из мудрых. Если у тебя есть мысли, или ты что-то знаешь, посоветуй, а?

— Ладно, Стурши... Слушай меня внимательно.

Боль — удел живых. Обычно она враг, но может быть и союзником, Ромига знает это давно. Неприятно? Ещё как приятно: со всей остротой ощущать себя живым! До искр и тумана в глазах, до эйфории... Стоп! Если позволишь сознанию уплыть на этих волнах, уже не отличишь боль, которая на пользу, от той, что во вред.

Вильяра — понятливая. Ромига легко объяснил ей, в каких упражнениях нуждается, но не может делать сам, и теперь она играла им, будто тряпичной куклой: гнула, скручивала так и эдак, тянула за конечности. В должной мере плавно, медленно, осторожно. Уверено и безжалостно... Нет, отчаяние от собственной беспомощности — не впрок. И ярость не к месту. Он сам попросил, и так надо. Вильяра — лучшая помощница. Чуткая как... Если не смотреть, легко представить, будто оказался в руках собственного двойника. Если сфокусировать взгляд... А не слишком ли ярко разгорелись чужие серебристые глаза? Розовый язычок облизнул влажно блеснувшие клыки...

— Эй, охотница, не гляди на меня, как на еду. Отравишься!

— А вот ты, Нимрин, и вслух заговорил! Раздышался? Раздумал идти к щурам?

Хотел ответить, что да, и не дождутся. Хватанул воздуха — резковато, не в такт — прострелило, опоясало, свело судорогой рёбра вместе с диафрагмой, только захрипел сквозь зубы. Вильяра вдвойне осторожно уложила его ровно и запела. Магия, облечённая в звуки, постепенно уняла боль до терпимой. Перед разминкой Ромига нарочно просил целительницу не глушить ему никакие ощущения, но сейчас был ей очень благодарен. «Хватит. Отдохну. Спасибо тебе».

Лежал навзничь, глядел в потолок сквозь ресницы, чувствуя себя чем-то вроде медузы на песке. Искалеченный дух, дырявая память, раненое тело. По крайней мере, последнее повреждение — заслуженная расплата за самонадеянность. И от стыда не сдохнешь, раз уже не сдох от обсидиана в сердце: Тьма не взяла. И жить-то хочется. Пустота небытия, которой он успел отхлебнуть и распробовать, задним числом страшит до озноба.

А колдунья заглядывает в глаза, гладит по лицу, по волосам. Что-то ласково мурлычет. Ей его исцеление тоже обошлось не дёшево. А он только сейчас и может, что улыбаться... И выздоравливать побыстрее! «Вильяра, я отдохнул. Продолжим.» «Уверен?» «Да.» «Нет, Нимрин! Ты боишься и спешишь. А ещё, будто наказываешь себя. Не надо так! Ты быстро поправляешься. Быстро и хорошо, я вижу, слово целительницы. Наберись терпения! Я рядом, я буду с тобой, пока вылечу тебя, пока поставлю тебя на ноги...»

Он ловит миг, когда её шершавая ладошка касается губ, и целует. Мечтает поскорее оклематься достаточно, чтобы пойти со своей колдуньей в круг. Возможно, завтра или послезавтра... «Вильяра, сколько дней ты меня лечишь?» «Ночь, день, вторая ночь идёт.» Сутки, значит. А ему в полузабытье показалось, дольше. И всё же следует прояснить один момент, пока не ткнули носом: «Нельмара... Помню, как мы с ним договаривались. Он рассчитывал на меня. Я сильно вас всех подвёл?» Вильяра отвечает спокойно, без малейшей запинки: «Хранитель знаний рассчитывал на тебя, но мудрые справляются сами. Латира говорит, так даже лучше, и я ему верю. Если ты сейчас можешь слушать стихии, убедись и успокойся. Всё хорошо, Нимрин. Всё будет хорошо.»

Ненадолго отвлечься от беспорядка в собственном теле — вовне. Полночь, новолуние:

Тьма в такое время закономерно сильна... Ой, нет! Тьма сегодня нарочито, неестественно сильна. Тьма сыта и довольна, словно обожравшийся хищник. Равновесие не просто восстановили — кто-то заметно качнул его в другую сторону, и это сделал, точно, не полуживой нав. Хотя ему с того хорошо: быстрее выздоровеет. Но в целом — ситуация кажется тревожной. Кажется? «Вильяра, скажи, а сама-то ты их слушаешь? Ты не замечаешь ничего странного?»

Нимрин бы не сказал, Вильяра не заметила! Мудрую учили каждый миг её жизни слышать воздух и воду, лёд и пламя, камень и зелень. Но что поют миру старшие, изначальные стихии — обычно не важно, слишком всеобъемлющи их голоса, слишком неизменно-размерены шаги.

Поганец Средний разбередил Свет. Волей-неволей пришлось восстанавливать равновесие, петь Великие тёмные песни. Ярче Свет — глубже Тени, таков закон. Но без постоянной привычки трудно следить за тем, что прежде не нуждалось в присмотре. Вот и прокараулила... Что? Что-то.

— Мудрый Латира, ты спишь?

— Уже нет, малая. Что случилось?

— Не знаю, старый. Тени как-то разом набрали силу.

Старик послушал, а после ругнулся щурами на десять колен, зло и замысловато, чего за ним обычно не водилось.

— Старый, что? — требовательно переспросила Вильяра.

— Хочу ошибиться... Но не знаю другого способа напитать одну стихию, не затронув остальные. Кажется, какой-то выползков выкормыш спел над алтарём-камнем песнь Повелителя Теней. Да кто ж таких недоумков в мудрые напосвящал! Чтоб его щуры наизнанку вывернули да присолили!

Вильяра невольно, совсем по-детски, расширила глаза и прижала ладони к щекам. Она слишком хорошо помнила сказки про Повелителей Теней и их зачарованных слуг: жуткие и увлекательные. Слушать — заслушаешься, а вот в жизни... Нет, после Великих песен, после поединка воли с Наритьярой Средним мудрую Вилья мало что могло напугать по-настоящему. И в тех же сказках Повелитель Теней никак не страшнее Солнечного Владыки. А самое ужасное, самое смертельное, их схватка, уже миновало Голкья: Средний мёртв. И кто бы сегодня ни зачернил лицо сажей, ни встал над древним алтарём, он не успел набрать много силы. И не успеет, мудрые быстро отыщут среди себя перевёртыша... Если только он из мудрых! А кто ещё достаточно силён и дерзок, чтобы рискнуть?

— Латира, а вдруг это Стурши?

— Мы с Нельмарой как раз говорим об этом. Погоди, малая...

Скундара смотрел на приятеля, сосредоточенно уплетающего мясо, и не мог отделаться от неуютной раздвоенности. Вроде бы и забавно, смеху ради, приказать Стурши что-нибудь унизительно-нелепое. В очередной раз убедиться в своей власти над колдуном, который даже Великому Безымянному кланялся из уважения и приязни, а не с перепугу, как все остальные. Отныне и навсегда дерзкий Стурши — подвластная Скундаре, покорная Тень. Сила недопосвящённого очень пригодилась Скундаре в круге, где молодой мудрый, обмирая от страха, спел свою первую Великую песнь. Но спел же! Смог! Значит, дело того стоило! А справился бы он сам, без изуверского обряда? Теперь уже никогда не узнаешь, и это досадно.

Ещё нет-нет, а подташнивает от тупого, не рассуждающего послушания Стурши. Кажется, лучше бы лихой дружок просто окошел на алтаре, пополнив стаю бессловесных пещерных Теней. Вот зачем было призывать его обратно? Альдира... Да провались этот Альдира к шурам сам собой! Ничего он не заметит, а заметит — так молодого, неопытного соседа заподозрит в запретной ворожбе последним. Может, отвести Тень обратно и развоплотить? Вроде бы, для этого достаточно простого приказа...

Стурши резко вскинул голову, поймал взгляд мудрого, и ярко-синие глаза плеснули чернотой.

— Не изгоняй меня, о Повелитель, я тебе пригожусь! — кривая ухмылка-оскал, упрямый напор в голосе. Так похоже на прежнего, живого Стурши, и вопреки всем предостережениям, Скундару это радует. А Тень продолжает говорить. — Если ты раздумал убивать Альдиру до смерти — давай, не будем. Тебе же хватит, чтобы твой матёрый сосед просто на несколько дней застрял в круге? Следы развеются, и никто ничего про тебя не узнает. Правда?

— Я же приказал тебе всё забыть!

— Что забыть? — Стурши вскинул брови. — Забыть, что ты — мой хозяин и повелитель?

Скундара опешил от такой наглости зачарованного, но тут же взял себя в руки и быстро ответил:

— Нет! Обряд забыть!

Стурши рассмеялся, будто славной шутке.

— Я не помню никакого обряда и вспоминать не хочу. Я служу тебе всем, что у меня есть, о мой Повелитель. Я помню, что раньше было иначе, и не знаю, почему стало так. Но мне всё равно. Мне нравится, как сейчас. Так что же с Альдирой? Убивать? Не убивать? Чего ты хочешь?

Вопрос вопросов! Скундаре показалось, его мысли и желания засновали туда-сюда, будто кричавки над падалью. Но мудрого всё-таки учили собираться. Он подумал и велел почти уверенно:

— Путь Альдира застрянет в круге... Да, пусть он там хорошенько застрянет. Пусть это случится поскорее. И пусть он догадается, что это устроил ты, Стурши, но не поймёт, что ты теперь — тень! Никто, кроме меня и тебя, не должен знать о твоей новой природе. Ты понял меня?

— Да, я буду хранить нашу тайну, о мудрый Скундара. Ну, что, я пошёл?

— Иди. Если что-то помешает тебе исполнить мой приказ, шли мне зов в любое время дня и ночи.

— Надеюсь, если понадобится, ты будешь не в круге, — фыркнул Стурши, без спросу пряча в мешок недогрызенный кусок мяса. — До встречи, Скундара, Повелитель Теней... Вот же нас с тобою угораздило! Обхохочешься!

Стурши исчез, как умел, мгновенно, но смех его ещё метался эхом по тайному убежищу Скундары. Мудрый недовольно тряхнул головой и вытащил из поясного кармана жертвенный нож. Погрел в ладонях полулунное лезвие, провёл пальцем по острию и, как всегда, удивился, порезавшись. На вид, грубоватая поделка из чёрного сланца казалась безнадежно тупой. Она и не резала ничего, кроме живой плоти, да не чьей попало, а лишь разумных: Скундара проверял. Ещё весной нашёл древний улу на речной отмели, зачем-то подобрал, таскал с собой, заботливо поил своей кровью, никому не показывал...

Наритьяра Младший, вернее, уже единственный, смотрел на звёзды из середины Ярмарочного круга. С тех пор, как он обрёл право и возможность выбирать, он всегда ходил за силой в одиночестве. Камни без «ключа» дают меньше и медленнее? Да, зато можно не остерегаться и не накручивать себя. Просто дойти до середины круга, рухнуть навзничь и перестать быть, а потом вдумчиво и неторопливо собрать себя заново. Это как превращение Летучей песни, только не для тела, а для рассудка и чувств. Младший выучился этому сам, от лютейшего страха перед учителем и Средним, от отчаяния и безнадеги, от смертельной усталости. Долго-долго стихии Голкья обращались с ним ласковее, чем двуногие.

До посвящения всё было иначе: тёплый родительский дом. И сейчас многое переменялось к лучшему, только он пока не привык... А стоит ли привыкать к хорошему, если за беззакония троих Наритьяр мудрые спросят с последнего выжившего? Пока стихии не успокоились, он нужен и жив. А потом — сразу суд. Может ли Совет его оправдать, или приговорит к изгнанию? От щемящей тоски раскрытые в небо глаза заплывают слезами. Холодно и больно, будто кристаллы льда прорастают сквозь сердце. По делам, последний из Наритьяр готов изгнать себя сам. Давно ли Кьяри из дома Занна с радостью и гордостью принимал служение? Боялся одного: что не выдержит испытаний. Желал хранить охотников своего клана и всех обитателей Голкья. Вместо этого Наритьяра Младший насильничал, убивал, живоедствовал, творил запретную ворожбу над теми, кого обязался хранить. А других хранителей, добросовестных, он подставлял под удары стихий, заманивал в ловушку Старшего, помогал Среднему приводить братьев и сестёр по служению к жуткой, незаконной присяге. Он всё видел, понимал, участвовал. Очень хотел остановиться и остановить творимый ужас, но не смог. Не хватало сил, опыта, знаний — а главное, духу. Он трусливо, покорненько лёг под Среднего и ждал, хитрил, выгадывал. Дождался. Сделал так, чтобы мудрые смогли удержать Голкья на краю гибели. Удержали! Ещё шесть или семь песен, и «качели смерти» остановятся. Наритьяра мог бы протянуть дольше: не направлять, не согласовывать столь безупречно усилия поющих. Но он слишком устал, а кратчайший путь к цели — по лучу, как Солнце светит.

По воле Среднего, Младший тоже изменил себя силой Солнца. Изменил настолько, что ему трудно и больно входить в ночной, зимний Ярмарочный круг. Особенно в круг, который недавно возродился родственной ему силой Теней и щедро, от избытка, сочтется ею. Даже странно! Наритьяра никогда не видел возрождённых кругов, впервые прикоснулся к этой древней сказке. Не с чем сравнить, хотя... Нет, чем валяться тут битой тушкой, оплакивать свою непутёвую жизнь и бездарное служение...

Мудрый размазал рукавом слёзы, поднялся на ноги и ещё раз поблагодарил возрождённые Камни за мгновения покоя, за подаренную силу. И сразу же завёл песнь перехода, шагнул в любимый круг Среднего, полуденный. В тот самый круг, возле которого чужой воин Нимрин убил несостоявшегося Великого Голкиру, а позже сам пел и едва не сгорел. Тут было очень странно: надо предупредить Вильяру и всех, чтобы этими Камнями пока не пользовались.

Наритьяра ушёл в третий круг, далеко в стороне, где ничего выдающегося за последние дни, луны и года не происходило, где даже Великих песен в этот раз не пели. Нет, больше никаких сомнений: сила Теней возросла везде. Мягонько, вкрадчиво, так что даже чуткий колдун, внимательно слушавший стихии, не сразу это заметил. Он-то отслеживал затухающий ритм «качелей», а тут, видимо, произошёл один быстрый, но плавный сдвиг.

Что бы это значило? Догадки — очень неприятные, надо обсудить их с хранителем знаний. Да не безмолвной речью, а лицом к лицу.

Наритяра вернулся в Ярмарочный круг и, не мешкая, вышел вон. Едва миновал каменные ворота, привычно втянул голову в плечи, зыркнул по сторонам, как белая мышь вылезает из норы. Никого. Запечатал Камень и побежал под гору. На бегу уже спел Летучую: так быстрее, и подбить труднее, если Стурши караулит поблизости.

Вообще, удивительно! Нимрин убил Среднего, а сам едва не погиб от руки Стурши, от которого Младший легко увернулся в закоулках ярмарки. Можно подумать, он, увернувшийся, ловчее всех троих. Или просто удачливее? Лишь бы удачи хватило, чтобы закончить с «качелями»! Дальше — будь, что будет...

Мудрый Нельмара зевнул до хруста в челюстях, безмолвной речи это не мешало: «Значит, мудрый Латира, по-твоему, некто угостил Тени кровью живого, разумного, одарённого?»

Ответ собеседника отдался болью в затылке — признак крайней усталости. Латира, который вытащил Нельмару из глухого сна своим зовом, был явно бодрее: «Да, о мудрый Нельмара, я уверен, что кто-то провёл запретный обряд в круге или на тайном алтаре. Призвал ли он Тень в дневной мир, я пока не знаю. Но надеюсь выяснить вскорости. Ты же помнишь, мой учитель выследил и упокоил последних древних Теней на Арха Голкья и островах. Альдира успел побывать у него загонщиком. На мою долю добычи не досталось. Однако всем приметам, уловкам и песням старейший Тмисанара меня научил... А поделился ли он с тобой, о хранитель знаний?»

Нельмара сердито фыркнул, хотя собеседник не мог этого слышать: «Тмисанара — скрытный поганец, да настигнет его почесуха по ту сторону звёзд! Он сказал мне, что передал всё нужное из рук в руки своим ученикам, и этого довольно. Тогда я с ним согласился! Но стараниями Наритьяр, из восьми учеников Тмисанары живы остались только вы с Альдирой, а вы учеников не брали.»

«Мы не брали? А нам кто-нибудь давал?» Возразить на такой упрёк хранителю знаний было нечем, только просить прощения, но для этого нужно видеть глаза. Промолчал.

«Ладно, Нельмара, дело прошлое!» — продолжил его незримый собеседник, — «Двое — не так уж мало. Могло быть хуже.»

Тяжкий вздох: «Могло. А ещё, Латира, я рассказал Среднему всё, что знал о Тенях. Конечно, Солнечная сторона интересовала поганого перевёртыша сильнее. Но знания о запретных обрядах всех старших и младших стихий, о древних блуждающих алтарях он вымучил из меня до капли.»

«Ну, Средний-то мёртв и не признается, что от него дальше утекло, и кому. Старший — тоже. А вот живые... Хорошо бы ты, Нельмара, собрал Совет, обязал явиться всех-всех-всех и задал вопросы. А мы с Альдирой посидели бы в разных уголках да поприглядывались. Повелителя Теней, который начал набирать силу, должно быть видно».

Нельмара поскрёб в затылке: «Как ты думаешь, Латира, можем мы обождать со сбором день или два? До окончания Великих песен?»

«Не знаю. При желании и умении, за день можно наплодить целую стаю новых Теней. Но раньше-то ты всё равно всех не соберёшь?»

«Вернётся из круга Наритьяра, я уточню с ним расклады по времени и кругам, тогда решу... Ты придёшь с Вильярой и Нимрином? Как они?»

Латира ответил коротко: «Живые». И тут же добавил: «Придём втроём, если не случится ничего нового». И переспросил: «Стурши больше не объявлялся?»

Нельмара снова тяжело вздохнул, вопрос — больной: «Ласма смотрела на изнанке сна, Груна — по следам в Снежных норах. Сказали, ушёл. Ты доверяешь трактирщикам со своей ярмарки?»

«Принимаю их свидетельства, но опасаясь, что Стурши — дичь им не по зубам.»

Нельмара мог бы напомнить, что дичь оказалась не по зубам даже мудрому с воином на

пару. Куда уж там трактирщикам! Но воздержался: «Мы-то с рыжиком не побегим по следам Стурши, пока не закончим подчищать за Средним. Сам понимаешь, Латира!»

«Понимаю... С рыжиком, говоришь? А ты, что, передумал настаивать на изгнании Младшего Наритьяры?»

«Я беседую с ним все эти дни. Смотрю. Думаю. Не могу решить. Кажется, после Среднего, он — самый толковый из молодых мудрых. Но в том-то и дело: после Среднего. Как тот поганец втёрся мне в доверие?! Не хочу ошибиться второй раз...»

Латира не ответил прямо. Помолчал, а потом заговорил о проявлениях Солнечной стихии и об одарённых, в ком она сильна. Любимым детям Солнца свойственно ослеплять всех вокруг сиянием истинных или мнимых достоинств, обещать тепло, привлекать и манить... Конечно, мудрый Нельмара сам знал всё это! Тем более досадно, как задёшево он купился на солнечное очарование Среднего Наритьяры. Осталось раскопать корни своей тёплой приязни к Младшему... Эх, рыжик!

«Нельмара, а правильно ли я понял, что ты сейчас этому мелкому поганцу — временный учитель?»

«Уговора меж нами нет, но вроде того».

«И ты видишь, как он рвётся на части, чтобы исправить содеянное? Скажи-ка, мудрый Нельмара, чем бы всё закончилось без него?»

«Сам знаешь, Латира! Плохо бы всё закончилось... Э, то есть, ты — за жизнь для Наритьяры? Напоминаешь мне, что учитель обязан защищать ученика, даже временного и необъявленного?»

В ответных словах собеседника Нельмара с удивлением ощутил тепло улыбки: «Учитель в миг опасности встаёт между учеником и стихией, грозит ли она ему извне, или берёт верх над ним изнутри. Ты сам знаешь, что Наритьяра Старший не баловал учеников заботой и защитой. Я не сужу, чего твой рыжий заслужил своим служением. Но думаю, если после остановки «качелей» его понесёт кувырком, то худо будет всем».

«Даже не поспоришь с тобою, серый! Где столько ума набрался? В ярмарочном шатре на шкуры бросали?»

«И там — тоже.»

Резко повеяло холодом. Струя позёмки втекла в Залу Совета, взвилась, завихрилась — и вот уже молодой колдун, о котором говорили, стоит посреди залы. Взъерошенный, явно чем-то растревоженный.

— Мудрый Нельмара, скажи, что ты знаешь о внезапном усилении одной стихии? — с места, скороговоркой, и быстрый взгляд в глаза, насторожённый, требовательный.

— Какой именно стихии? Младшей или старшей? — нарочито спокойно уточнил Нельмара, принимая вопрос как бы в общем.

Рыжик мотнул головой, сердито вздёрнул губу:

— Теней. Я их в круге почувствовал... В трёх кругах: в Ярмарочном, у Синего фиорда, на Красном холме. Дальше проверять не стал, поспешил вернуться, чтобы посоветоваться с тобой.

Нельмара одобрительно кивнул ему:

— Латира подтверждает, что Тени набрали силу. Он обнаружил это сегодня ночью, недавно, разбудил меня. А больше пока никто ничего не заметил. Разбираться будем. Быстро, но без спешки.

Рыжий фыркнул:

— Не заметили? Или не сообщили ни тебе, ни мне? Хорошо, если помалкивает один, кто накормил Теней! А если целая стая его покрывает?

— Стая? — переспросил Нельмара. — А расскажи-ка мне, братец Наритьяра, что ты обо всём этом знаешь?

— О стае — ничего. Просто подумалось нехорошее... Про молодых архан... Никого не подозреваю, однако дураков там больше, чем везде.

Нельмара неопределённо покачал головой, соглашаясь и не соглашаясь: дураков-то больше. Но не самоубийц же?

Наритьяра скинул куртку, развязал и стянул сапоги. Завалился на шкуры, подгрёб себе подушек в изголовье, устроился поудобнее. Нельмара отметил, что рыжик наконец-то перестал сворачиваться клубком и кутаться в пять мехов. Привык доверять сухому, ровному теплу Залы Совета. Телом поверил в уют и безопасность этого места, но на старшего мудрого поглядывает всё равно исподлобья, с опаской... Улёгся и продолжил говорить.

— Ты спросил, что я знаю о Тенях? На исходе осени учитель провёл меня по тайным пещерам Наритья. Он показал мне наш Дом Теней и объяснил, как призвать туда бродячий камень-алтарь. Рассказал, как выбрать и подготовить жертву. Заставил выучить песнь Повелителя Теней и все сложные места обряда...

— Запретного обряда, — напомнил Нельмара.

— Да, конечно. У меня тогда хватило дерзости спросить учителя, зачем он передаёт мне явно запретное знание? Он расхохотался и ответил, что для истинно мудрого никакое знание не запрещено — лишь некоторые действия. Да и любые запреты суть порождение обстоятельств. Обстоятельства изменятся, запреты падут, знание пригодится.

Нельмара недовольно передёрнул плечами:

— Так бывает, правда. Но всё-таки груз знаний о запретных обрядах несут старейшие, а законы меняет Совет. Как думаешь, рыжик, зачем он передал тебе это?

— А я не думал. Сказали хранить — храню, — Наритьяра умолк, нахмурился: то ли вспомнил нечто, то ли обдумывал. Нельмара терпеливо ждал продолжения. — Я-то не думал... А в день гибели учитель сам открыл мне, чего он ждёт от меня. Безмолвной речью, коротко. Сквозь боль, как мне показалось. Не знаю, возможно, он уже угодил в западню и потерял надежду выбраться... Раньше он об этом молчал, а тут вдруг предупредил, что алтарь-камень можно призвать для знакомства единственный раз в жизни. После первой неудачи, вторая попытка — смерть. Сам он позвал, и камень ему не явился, теперь мой черёд. Мол, только Повелитель Теней остановит Солнечного Владыку, когда тот уже набрал силу. Он спросил, желаю ли я остановить Среднего, и чем готов за это заплатить? Я растерялся и ответил, что попробую. Больше я учителя не слышал.

— Попробовал?

— Нет, я... Я соврал учителю. Понимаешь, Нельмара, я же не просто присягнул Среднему, как другие. Я сотворил ему Полуденное поклонение. На крови, в круге, ты понимаешь? Я теперь слишком солнечный, чтобы соваться к Теням. Мне даже в Ярмарочном круге слегка не по себе. Сперва я думал сохранить обряд в тайне, я же ничьей крови не пролил, кроме собственной. Но последствия обряда видно, если знаешь, куда смотреть? На Совете кто-нибудь высмотрит, да?

Куда смотреть, мудрый Нельмара знал. Почему не проверил раньше? Ужасно не хотел давать волю подозрениям. А ещё боялся: слишком много боли принёс ему прошлый взгляд в сокровенное... Да, солнце рыжика — тоже в зените. Тоже ослепило и обожгло, но не так,

как неистовое солнце Среднего, сквозь иглы льда и ветер-шкуродёр. Воспоминание жуткое, наравне с побоями и позорной присягой. А у Младшего, чуть приглядишься — залюбоваться можно. Солнце середины лета питает зелень до самых глубоких корней, сияет наперегонки с летучим пламенем, играет бликами на воде, золотит облака и снег на вершинах гор. Благодатный союз стихий даёт робкую надежду, что Младшего не понесёт кувырком вслед за Средним.

Итак, расклад: Солнечный Владыка против Повелителя Теней. Оба начинают путь, силы не набрали, и пока более-менее в своём уме. По крайней мере, один из них... Нельмара мысленно помянул щуров, а вслух сказал почти спокойно:

— Мудрый Наритьяра, ты молодец, что признался мне сам, сейчас. Я благодарен тебе за доверие. Я высоко ценю твою долю в общем деле этих дней. Если хочешь, я объявлю тебя своим временным учеником. По старому обычаю: в круге и перед Советом.

— Спасибо, я очень хотел бы учиться у тебя! — просиял Наритьяра, и тут же погас. — Но ты же... Учитель же отвечает за ученика? Ты решил защитить меня, Нельмара? После всего, что мы натворили?

— Да, я решил тебя защищать и буду. Если ты назовёшься моим учеником, мне будет проще.

— А если Совет встанет против? В изгнание? Вместе?

— Если мудрые окажутся не мудры, мы с тобою, рыжик, вместе отправимся дорогой сна на другую сторону звёзд. Уж как-нибудь найдём, чем там заняться.

— Нет, мудрый Нельмара, прости, я не смогу! Мой прежний учитель за непослушание заклил меня, навсегда привязал к Голкья. С тех пор я даже снов иномирных не вижу, не то, чтобы призраком или телом уйти на ту сторону звёзд. Изгнать меня можно только к щурам. Да я и заслужил.

Если бы Нельмара выяснил раньше, что Наритьяра Старший творит над кем-то эдакую погань... Тоже запретную и позабытую... Ох, не видать бы беззаконнику новых учеников! И не то, чтобы заклятие безнадежно не снимаемое, однако на годы труда. Слабое утешение для рыжика сей миг! Тошно смотреть, как он опять кукожится, сворачивается в ком, будто перепуганная щитоспинка. И слишком часто моргает, хотя слёз не видно.

— Заслужил-заслужил! Долгую жизнь, чтобы выправить всё, что вы наворотили! Ты уже начал, у тебя здорово получается. Кстати, что с «качелями»? Нужны ли ещё поправки? А то Латира просит срочно собрать всех мудрых на Совет по Теням. Всех-всех-всех, он настаивает. Утром получится?

— После полудня, — вздохнул-всхлипнул Наритьяра, вскакивая на ноги. Призвал образ Голкья, подсветил Камни. Некоторое время рассматривал мерцающий огоньками шар то с одной стороны, то с другой, думал, высчитывал. — Вот смотри, мудрый Нельмара, всего пять песен, и мы закончим. Сейчас я пошлю зов Скьяре, Альдире и Шункуре, поменяю им время и круги. Как только они споют, я подправлю ещё двоих, надеюсь, последних: Гилмиру и Тнару. Если не случится ничего непредвиденного, утром мы с тобой, Нельмара, будем свободны. Только давай, до Совета пройдемся по кругам, где давно не пели Великих песен, послушаем там Тени? Разница силы выдаст место, где их накормили. Через ночь или две всё выровняется, но пока след не простыл... Пещеру мы сразу не найдём. Но хотя бы определим голкья. А если повезёт — клан...

— Угодья. Мудрый клана может оказаться совершенно не при чём, — уточнил Нельмара.

— Может и не при чём, — согласился Наритьяра. — Сложись иначе, я сам отправился бы в наш Дом Теней. Но не у всех нынешних кланов они были. Многие завалены, запечатаны наглухо. Какие-то просто забыты. Так что, кто именно, куда пролез — следует выяснять отдельно. Высматривать на Совете, как предложил тебе Латира. Старший говорил, ярмарочный прошмыга учён охотиться на Теней в дневном мире?

— Учён, да, — коротко подтвердил хранитель знаний.

Нельмара наблюдал юное Солнышко со смесью восхищения, злости и страха. Рыжик излагал, пожалуй, наилучший план из возможных. При этом он больше не жался, не сутулился. Непролитые слёзы высохли, глаза разгорелись. Раздувал ноздри, встопорщил гриву, говорил звонко, чётко, уверенно. Ещё бы: Солнечный Владыка встал на след своего природного врага, Повелителя Теней. Все сомнения прочь, все печали забыты! Сам пойдёт на край жизни и дальше, за край. Других поведёт, и потянутся за ним, за таким ярким, не думая!

— Мудрый Наритьяра, ты понимаешь, что ты сейчас творишь?

— А?

Во взгляде — смущение, привычная опаска, но не гнев: хорошо.

— Скажи, ты сейчас слушаешь подсказки своей стихии или звучишь ею?

— А... Ну, да, я понял разницу... Пожалуй, звучу. Это плохо?

— Сам-то ты как думаешь?

— Мудрый должен стоять между двуногими и стихиями, да? Значит, когда стихия увлекает меня, я изменяю своему служению... Правда же, получается, так. Но изнутри я не чувствую край... Не почувствовал, пока ты меня не спросил... Дела мои плохи, как у Среднего? Я встаю на его место, да?

— Не настолько плохи. Но не сказать, чтобы хороши, — подтвердил Нельмара.

Рыжик оскалил клыки, встряхнулся всем телом, словно мокрый зверь.

— Мудрый Нельмара, а если я соглашусь назваться твоим временным учеником, ты поможешь мне выдержать зов Солнца? Мне страшно, понимаешь? Уже не за себя, мне-то полюбому, похоже, не жить. Но если мы с тем, вторым, развернёмся в полную силу и схлестнёмся лоб в лоб... В сказках сказывают, в этой схватке не бывает уцелевшего. Только сама схватка для Голкья — немногим лучше «качелей смерти».

А Солнышко-то заботливое! Сочувствие попавшему в беду, но упрямо барахтающемуся собрату по служению вытеснило страх и злость. Нельмара улыбнулся.

— Чутьочку получше. И благодаря тебе же, Наритьяра, мы знаем теперь, как быстро успокоить стихии. Ты объяснил мне суть дела, я открыл ещё пятерым старейшим. Будет, кому согласовать Великие песни, будет, кому петь. Голкья устоит.

— Это хорошо, — вздох облегчения, улыбка до ушей. — Тогда я должен отыскать Владыку Теней и сразиться с ним поскорее, пока мы оба слабы.

— Если ты согласен на ученичество, давай, всё-таки попробуем избежать схватки. В сказках не сказывают, но так тоже бывало, и обходилось для всех меньшей кровью.

— Согласен ли... Мудрый Нельмара, а скажи, пожалуйста... Прости мне глупый вопрос... Ты позволишь своему временному ученику не становиться тебе «ключом» в круге? Старший говорил, без этого нельзя, а я ужасно не люблю! Если верить сказкам, раньше бывало иначе. Может, не только в сказках?

И такая отчаянная надежда в глазах! Только что готов был убиться насмерть о Повелителя Теней, а на мнимых обязанностях ученика споткнулся? Как же его ломали через

колено!?

— Вот поганец твой наставник Старший! — не выдержав, ругнулся Нельмара. — Да чтоб ему шуры гнилым суком глаза в черепушку вдолбили! Конечно, Наритьяра, я позволю тебе не быть «ключом». Научу иначе, не бойся. И прежде, чем мы с тобою скрепим уговор, я обещаю не посягать на тебя во время ученичества, а позже — только по воле твоей, прямо и ясно высказанной... Это по этикету мудрых. А попросту, по-охотничьи, выстарился я уже. И раньше парни не влекли... Понял меня, ученик? Чтобы с твоей стороны — без глупостей!

— Уговорились! — радостно, звонко воскликнул рыжий. — Значит, до утра, до круга?

Плюхнулся рядом на шкуры, чуть не заработав ласковый учительский подзатыльник, однако Нельмара сдержал себя. Ученик — недотрога, и теперь понятно почему. Вообще, жутковато думать обо всём младшем поколении мудрых! Об их нравах, привычках, и чем умы забиты, вместо полезных знаний? И что с ними, такими, делать дальше?

Нельмара решил, что поразмыслит об этом позже. До следующих великих песен осталось не так уж много времени: на обстоятельный безмолвный разговор с несколькими собеседниками, чуточку — на отдых.

Стурши открыл глаза, выходя с изнанки сна — тут же зажмурил их обратно. Криво ухмыльнулся брызнувшему в лицо утреннему солнцу, повернулся к нему спиной. Мельком подумал, что на ярмарке Вилья ещё ночь, и оказаться там было бы приятнее. Вспомнил, как подростком, впервые услышав от кого-то из старших про «зелёный луч», скакал в призрачном облике с холма на холм, с горы на гору, ловил солнечные восходы. На втором или третьем десятке уже и сказочку про «луч» забыл: просто млел от красоты расцветающих небес, пока не разбудили... Вот же дурень был!

Щурясь от резкого света, Стурши из-под ладони оглядел пологие, складчатые отроги Рыбьей горы в угожьях Альди. Улыбнулся веселее, заслышав звонкие голоса, а после высмотрев желаемое: ватажку охотников, цепочкой бредущих вверх по склону. Десятка три молодых парней и девчонок собирали почки краснятки в подвязанные к поясам туески. Самая целебная краснятка растёт на Рыбьей горе, так говорил сведущий в зельях Скундара. А луна до высокого солнцестояния и луна после — лучшее время её сбора. Почки налились пряным соком и дремлют, но ещё не уснули. Мороз начала зимы выгнал из них лишнюю воду... В отличие от приятеля, Стурши в зельях не разбирается. Однако предположил и, тайком посетив дом Травников, убедился, что даже беспокойные стихии не заставят сборщиков краснятки отсиживаться дома при такой ясной погоде и насте, который выдерживает охотника без лыж. Теперь Стурши радовался своему точному расчёту и ловкости. Осталось выбрать самую лакомую добычу.

Охотники и охотницы, переговариваясь, пересмеиваясь, двигались в сторону Стурши. Кусты они обципывали бережно и с умыслом: только кончики побегов, чтобы на следующий год ветвились гуще. Ватажка приближалась довольно быстро, не успеешь заскучать в ожидании... А вот и цель, кстати.

Шустрая рыжеватая девчонка держалась чуть на отшибе от остальных и не болтала, не смеялась — пела. Заливисто, звонко сплетала голос со словами. Одарённые никогда так не делают, да и не одарённые обычно опасаются. Небось, набралась дурнины у обитателей иных миров, где песнь — не ворожба, а забава? Если так, хорошо: для задуманного Стурши нужна была сновидица, которую не слышат стихии. Колдун в засаде облизнулся, разобрал слова. Девушка ловко, будто умелый сказитель, приставляла их друг к другу, и выходила у неё песенка-побасенка про ожидание милого, про сладкое томление и предвкушение встречи... Вот уж тебе! Аура у тебя самая, что ни на есть, подходящая!

Стурши фыркнул и тоже запел: глухо, под нос. Как же он любил это заклятье, и вообще всех морочить! Набросил на себя облик Альдиры, как его помнил. Помнил не слишком хорошо: видел-то мудрого Альди давно и не долго. Зато охотники знают своего мудрого, их воображение дорисует все нужные мелочи, сделает за Стурши большую часть дела. Потом-то они очнутся, вспомнят истинный облик того, с кем говорили. Будут недоумевать, как приняли совершенно непохожего незнакомца за своего Альдиру? Хорошее заклятье: забавное и полезное!

Крепкий, кряжистый пожилой мужчина вышел из-за кустов, осыпав с них искрящуюся снежную пыль. Девушка выпрямилась ему навстречу, радостно и чуть испугано распахнула ярко-золотые глаза:

— Мудрый Альдира? — поспешно поклонилась. — Митая из дома Травников приветствует тебя, о хранитель Альди! Простишь ли ты, мудрый, что я снова переплетала узоры слов и пела попусту? Но мне так веселее, а стихии всё равно не слышат.

— Считай, на этот раз услышали, — улыбнулся Стурши девчонке ласково и предвкушающе.

Сейчас было не важно, что говорить: заклятье заставит всех вокруг слышать знакомый голос Альдиры, и даже самым странным словам никто не удивится. Молодые охотники один за другим оставляли работу и подходили ближе к лже-мудрому. Правильно, его должны хорошенько рассмотреть все, а не только добыча. Стурши терпеливо ждал. Болтал с девчонкой о том, о сём: о неожиданно хорошей погоде при беспокойных стихиях, об урожае краснятки, об её, Митай, прекрасных глазах, высокой груди и крепкой заднице... По тому, как девчонка заалела щеками и разулыбалась в ответ, по жару её руки в своей, Стурши убедился, что уведёт желтоглазую куда ему угодно и ни капельки сопротивления не встретит. Хорошо! Кстати, пора.

— Митая, ты нужна мне в круге, — улыбнулся он добыче.

— А почему вдруг она? Она же бездарная, только сны снить горазда? — выступила вперёд высокая, снежно-белая, среброглазая красавица, похожая на Вильяру. — Почему не я, о мудрый Альдира! Возьми с собой Руну из дома Травников?

— В другой раз, снежиночка моя, — подмигнул Стурши беленькой. — Мне нужна именно сновидица, — с этими словами он притянул добычу к себе, прикрыл ей глаза ладонью и зажмурился сам. Шепнул Митаяе на ушко. — Усни! — и утащил за собой на изнанку сна.

Мудрые к Зачарованным камням так не ходят, Стурши это многие говорили. Ну и пусть себе топчут лыжни и тропинки, карабкаются, пыхтя, по крутым склонам. Десятка шагов до иссиня-серого, ноздреватого, покрытого наледью Камня на Рыбьей горе вполне достаточно, чтобы с ним договориться.

Альдира свой любимый круг, конечно же, запечатал. Но Стурши знает особую песенку, и неколебимая вера сновидицы, что именно её спутник — здешний хранитель, тоже помогает самозванцу. Камень покорно теплеет и двоится под его ладонями. Лже-Альдира берёт Митая за руку и ведёт в круг. До середины, без малейших препятствий.

Двадцать четыре Камня, плотный снег под ногами, сумеречное небо над головой. Хороший круг! Стурши тоже умеет быть почтительным, он поёт приветственную песнь за двоих, пока Митая озирается, дрожит и жмётся к нему спиной. А допев, колдун решительно накрывает ладонями упругие девичьи груди, притискивает добычу к себе теснее. Лижет смешной, длинный и мохнатый, как у побегайки, кончик уха, и шепчет:

— Сладкая моя! Камни приняла нас, всё хорошо, не бойся.

Стурши знает: в круге чужой облик на нём не удержится. Но прежде, чем он позволит Митаяе разглядеть своё лицо, он заласкает её до потери разума. Долго ли умеючи? Тем более, сновидицу круг не питает силой, а только слегка дурманит, дарит грёзы. Стурши готов побыть чужой грёзой, ему легко и приятно. Ей тоже, хотя в телесном обличье Стурши оказался у неё первым. Надо же, как распалилась от умелых поцелуев и ловких воровских пальчиков! Даже кровь обронила — не заметила...

Что там крови? Пара капля, а запах ударил в ноздри, туманя рассудок уже не ей — ему. Стурши снова и снова жадно тянул в себя терпкий дух, так и эдак наявивая свою добычу. Девчонка изо всех сил упиралась в снег локтями, коленками, иногда даже лбом. Поначалу

косила жёлтым глазом через плечо, потом лишь глухо выкрикивала что-то невнятное, подавалась навстречу при каждом толчке. Долго не удержать такой пыл, да они и не стремились!

— Arrrrrr!

Стурши продолжал ещё изливаться в неё, Митая блаженно корчилась и содрогалась под ним, когда ловкие пальцы колдуна на ощупь потянули нож из ножен. Второй рукой Стурши приподнял голову девушки: за волосы на затылке, ей было всё равно. Ничего не замечала, жмурила глаза от свирепого, перетряхнувшего всё её существо наслаждения... Пора!

Быстрый тычок в шею сбоку: пышная грива охотницы не защитила её. Рывок лезвием от себя, вскрывающий горло. Алые струи ударили в снег, девичье тело напряглось, забилося под Стурши. Как-то даже слаще ему показалось, чем только что изведанная вершина любовной игры! Но по старой привычке охотник отскочил подальше от агонизирующей добычи. Чистоплотен был и брезглив, никогда не любил мараться в крови... Дурень! Она же так вкусно пахнет, такая яркая, и кажется, даже немного светится!

Странное свечение напомнило жутчайшую жуть, которую Стурши повелели забыть накрепко. Он ненадолго остолбенел, раздираемый противоречиями. Велеть-то ему велели, но недостаточно уверено, а перед тем, наоборот, оставили всю память... Ладно! Кое-чего он сам не желает вспоминать. А чего желает? Отведать печень и сердце умирающей девчонки. Вот чуточку полюбуется агонией...

Так и стоял полуголый, не чувствуя мороза, играл ножом, облизывался. В лицо добычи не смотрел, будто не видел его вовсе. Мысленно разделявал тело, выбирал самые лакомые куски.

И когда голкья вдруг содрогнулась под ногами, припал на колено, но не удивился, не испугался: бывает. Встал — снова трянуло, сильнее, ещё... Стараясь удержаться на ногах, Стурши не сразу заметил, что весь круг идёт волнами от тела Митая, будто от камня брошенного в воду. Миг спустя понял: иначе. Волны бегут к середине, девушку засасывает вглубь, как в трясину. Несколько вздохов-волн, и пропала не только Митая — весь кровавый снег вокруг неё, и даже разбросанные вещи. Колдун испугался, что его тоже затянет, однако, нет. Постоял, отдышался, огляделся.

Ромига, отдохавший после очередной разминки, приоткрыл глаза и сказал:

— Мудрые, чуете? Снова что-то произошло.

Выслушал витиеватую ругань в два голоса и невольно улыбнулся. Тьма насытилась второй раз, и от щедрот её серый Камень дарил наву особенно подходящую магическую энергию. На фоне всё ещё отвратного состояния и мерзкого настроения это было приятно! Внушало робкую надежду, что сегодня к вечеру Ромига поднимется на ноги. Нет, если обстоятельства сильно припрут, он, вероятно, встанет и раньше. Но как же хочется сперва хорошенько восстановиться! Мысль об осложнениях, уродующих тело и снижающих боеспособность, совершенно не радует. И так-то придётся надолго забыть о привычной выносливости: сердце и лёгкие регенерируют медленно. Нав — калека: скажи кому в Тайном Городе, засмеют, не поверят. Однако, вот он...

— Иули, а ты не чуешь, где произошло? Хотя бы, в какой стороне?

— Нет. Увы.

— Жаль. Но ты обязательно говори нам, если снова что-нибудь заметишь.

Ромига молча покривил уголки губ и закрыл глаза. Индикатором он для них побудет,

это не трудно.

Странные волны отнесли Стурши на десяток шагов от того места, где исчезла Митая. Известно, что шагнув в круг, двигаться можно только к середине, а сойдя с середины, лишь наружу. Этому правила не нарушают распоследние беззаконники. Да и зачем? Зачарованные Камни приняли жертву... Как-то даже слишком приняли, Скундара о таком не предупредил! Делать Стурши тут больше нечего, особенно, без котомки с запасами, куртки и пояса. Конечно, погода не та, когда мороз калечит и убивает. Да и силы в колдуне достаточно, чтобы согреться даже нагишом. Просто неудобно. Но где-то по горе бродят сборщики краснятки, можно втихую изловить и раздеть кого-нибудь из них... А заодно, для верности, подпоить кровью второй Зачарованный Камень!

Скундара ночью долго тужился и кое-как наколдовал образ соседских угодий со всеми их Зачарованными Камнями, жилыми домами и прочим. Показал и объяснил Стурши: где именно под Рыбьей горой Альдира живёт, по какой тропе ходит за силой. Скундара сказал, его сосед постоянен в привычках, да и старые следы это подтвердили. А Великую песнь Альдира должен спеть в полдень на Мохнатых холмах. Времени, чтобы подстроить ему западню и там, у Стурши было предостаточно.

Беленькую красотку, которая так настойчиво предлагала себя вместо Митаи, Стурши не стал дурачить разговорами. Судя по ауре, стихии её любили, а сны — нет. Потому девушка не почуяла ни вставшего за спиной колдуна, ни усыпляющее заклятье. Пошатнулась, рассыпала краснятку из почти полного туеска, начала оседать в снег. Соседи в трёх и в пяти шагах даже охнуть не успели, как Стурши сцапал добычу и утащил напрямик к Камню на Мохнатых холмах.

Глянул на светло-серую, с прозеленью, невысокую глыбу и сразу понял, что это круг ему не откроется. Всё-таки проверил: спел, дотронулся — руки обожгло. Злобно плюнул на Камень — плевков исчез в полёте. Глянул на крепко спящую на снегу охотницу. Очень красива, поразительно похожа на Вильяру. Мудрую убивать ему не велено, а эту... За шиворот вздёрнул добычу на ноги, перехватил за гриву и заколол мгновенным ударом в горло, как Митаю. Удерживая бьющееся тело, облил Камень кровью сверху донизу. Показалось мало: вспорол девице живот и навалил выпадающими потрохами на вершину глыбы. Одарённая, живучая добыча всё ещё сопротивлялась смерти: хрипела, сучила ногами, скребла по алому непослушными пальцами. Да, это куда слаще любовной игры! Как он раньше убивал, а не замечал? Любопытно, возьмёт ли Камень жертву целиком, как прошлый раз, или оставит? Охота полакомиться...

От молнии в голову Стурши едва увернулся! Мигом ушёл на изнанку сна, запетлял призрачными тропами, путая их за собой. Проверить бы, кто кого: мудрый или недопосвящённый, как они говорят? Но убивать Альдиру Повелитель Скундара передумал. Потому схватка с разъярённым хранителем угодий в намерения Стурши не входила. И не высмотрел бы Альдира лишнее... Нет, мудрый неожиданно легко стряхнулся с хвоста. Всё-таки Голкья редко рождает сновидцев, подобных Стурши! А чтобы такого одарённого ещё и стихии слушали — двойная редкость.

Гордясь своим поразительным даром и удалью, Стурши явился обратно в логово Скундары. Хозяина не застал и решил пока не звать. Чтобы тот не напридумывал новых

заданий, пока прежнее не выполнено. Альдира ведь не сунется в круг, где у него на глазах умерла беленькая? Он может спеть Великую песнь в любом соседнем, и Скундаре о своих планах не доложит. Ищи ветра! Зато на Рыбьей горе — его любимый круг, там он часто бывает, туда обязательно пойдёт. И там Стурши почти не наследил, а что наследил, легко заметёт. Потом уже посмотрит, что будет дальше.

Колдун счистил с себя кровь: брызги раздражали, как всегда, и не было в них никакой сияющей притягательности. Пошарил в Скундариной кладовке, оделся. Погрыз вяленого мяса — парного-то дважды не перепало — и вернулся на Рыбью гору. Тени стали короче, но ещё не полдень. Видимых следов плотный наст не держал, нюх и магическое чутьё подсказали, что после Стурши с Митаей здесь не ходил больше никто.

Стурши замёл и эти скудные следы, а после, прикрывшись «морозной дымкой», устроил лёжку недалеко от Камня. Тени укоротились, потом начали удлиняться. Полдень миновал, Альдира бродил неизвестно где и не собирался совать голову в ловушку. А колдуну стало очень-очень не по себе. Сквозь обычную для охотника досаду — упустил добычу, бывает, не впервой — пещерным сквознячком сочилось иное чувство, донельзя тягостное и мучительное: будто не исполнив приказ Скундары, Стурши сам перестаёт быть, проваливается в пустое чёрное нигде. Его так разобрало, что он едва не послал зов Альдире, мол, приходи сражаться на изнанку сна. Кое-как удержался от этой, затем ещё от дюжины лезущих в голову глупостей. Сделал одну, вроде бы, умную вещь — послал зов Скундаре. Услышал: «Мы с тобою дурни, Стурши! Оказывается, Нельмара поменял всем время и круги, Альдира пел на рассвете у Долгого озера. Неизвестно, когда теперь пойдёт в какой-нибудь круг.» «Когда-нибудь пойдёт. Тут, на Рыбьей, всё истоптано его старыми следами. Мне караулить дальше, или бросить?» «Бросай пока! Возвращайся скорее в убежище, есть разговор». Тяжесть рухнула с плеч, Стурши ухмыльнулся Зачарованному Камню, превращённому в ловушку, и поспешил навстречу новым приказам... Своего Повелителя, да!

Альдиру он не дождался совсем чуть-чуть, но «чуть» не считается.

Повелитель был хмур. Не захотел слушать смачный, со всеми подробностями, отчёт об осквернении двух Камней. Одобряюще хлопнул Стурши по плечу, мол молодец, правильно всё сделал, и тут же отстранился, поджал губы, смерил холодным, строгим взглядом:

— Стурши, я повелеваю тебе: спрячь нашу общую силу и спрячься сам, пока я тебя не призову. То есть, сиди в пещере и не высовывайся в дневной мир без моего прямого приказа. Понял?

— Понял, исполню, — а чего ещё скажешь, когда воля Повелителя достаточно непреклонна, чтобы стать их общей волей? Но вопросы-то задавать никто не запрещал. — Скундара, а что случилось-то?

— Нельмара объявил общий сбор всех мудрых. Я иду в Пещеру Совета. На мне не должно быть печати Теней, заметной другим мудрым... Да, ещё кое-что я отдам тебе на сохранение, — пальцы Скундары неуверенно дрогнули, лицо скривила гримаса, но он быстро пересилил себя и собрал волю воедино. — Стурши, береги эту вещь до моего возвращения!

Принимая из рук в руки поясной кошель с чем-то тяжёлым и плоским, Стурши не ведал колебаний. Конечно, он сбережёт достояние Повелителя! Ну, разве, поглядит краешком глаза и чуточку попользуется...

— Сберегу и верну. Иди на Совет со светлым сердцем, Скундара.

Мудрый ответил кривой улыбкой:

— А теперь, Стурши, отстань, отойди и не мешай мне сосредоточиться... Щурова пропасть, как же я этого не люблю!

— Ну и шёл бы в Ярмарочный круг через Камень вниз. Или ты этого тоже не умеешь? — буркнул Стурши, отворачиваясь.

Для мудрого, приятель был никудышным сновидцем: ходить изнанкой сна он кое-как выучился, но ускользать туда легко и стремительно, как Стурши, не мог. Забрестило в памяти, будто кто-то даже смел говорить про Скундару: «Это не мудрый, а сплошное недоразумение! Выбрали очень одарённого парня, а родовая ветвь оказалась бесплодная, дара после посвящения не прибавилось». Кто так говорил? Какой ещё Великий? Какое такое Солнце Голкья? Мысли и воспоминания будто обрезало. Сравнить нынешнего Повелителя с кем-то прошлым Стурши не смел. А Скундара всего через несколько вздохов уснул и исчез. Для него — очень быстро.

Оставшийся в одиночестве колдун тут же распустил завязку вручённого на сохранение кошеля. Вытряхнул в ладонь старый каменный нож-улу. Узнал. Подавился вздохом. Оцепенел на несколько долгих мгновений. Медленно выдохнул.

Сжал пальцы на рукояти и полоснул по второй руке. В полном недоумении уставился на бледный, медленно розовеющий след. Тупое лезвие скользнуло по коже, не оставив даже царапины! Попробовал ещё пару раз. Убедился, что синяк-то, если постарается, сам себе посадит, однако пускать ему кровь ножик Скундары упорно отказывается. Из чистого упрямства Стурши проколол палец стальным клинком, заменившим сломанный об чужака обсидиановый. Глянул, как набухает красная капля, потянулся размазать по отполированному до блеска чёрному сланцу — что-то оттолкнуло. Сунул палец в рот: кровь как кровь. Ладно, понял уже! Нет, так нет! Не хочешь — не надо.

И сразу же будто потянуло куда-то. Куда? К лазу в дикую часть пещеры, надёжно загороженному каменной дверью, завешенному шкурами от сквозняков. Можно ему туда? Можно. Повелитель велел не высовываться в дневной мир — Стурши и не собирается! Просто погуляет по пещере, по всем её закоулкам. А то мало ли, сколько ему тут сидеть?

А вело ощутимо и явно: чем ниже, тем ясней. Он спускался быстро, но за всю дорогу не набил ни шишки, ни синяка, и даже огонь со светильника не потерял ни разу. В конце пути Стурши без удивления, без страха уселся на пол прямо под проступающей на потолке чёрной стаей. Поднял к низкому своду сложенные лодочкой ладони. Подождал, пока звери выпьют свет светильника дотла. И в непроглядном мраке чувствовал, как они продолжают тереться об него и ластиться, как вылизывают его своими лёгкими, щекотными язычками. Тихо радовался, разделяя со своей стаей пережитые за время недлинной разлуки ощущения дневного мира. Им — внове и любопытно, они забыли, как там, вовне.

Улу на поясе навязчиво подсказывал, что Повелитель вручил Стурши довольно власти, чтобы позвать их за собой, дать им новую жизнь. Но старые Тени слишком давно пребывали здесь, слишком сроднились с вечным покоем, с пещерным мраком и тишиной, чтобы по-настоящему желать иного. Незачем принуждать их силой, когда совсем рядом, только позови, бьётся в путях немоты чья-то свеженькая, почти живая тоска, когда чей-то нестерпимый ужас мягкими лапками толкается в сердце...

Стурши понял. Узнал. Позвал:

— Слушай меня, Тень! Слушай и внемли! Ты — Митая! Именем Повелителя Теней Скундары, я, Стурши, возвращаю тебя в дневной мир. Ныне ты повинешься мне, как старшему. Моя воля — твоя воля. Твой дар сновидицы, облик, разум и память — да

останутся при тебе. Только крепко-накрепко забудь всё с того мига, как я ударил тебя ножом в круге на Рыбьей горе, и вплоть до мига пробуждения. Спи мирно и глухо, пока я не разбужу тебя.

Улыбнулся нежному, чуть охрипшему голоску из темноты:

— Я — Митая. Повелитель наш — Скундара, а тебе, Стурши, я повинуюсь, как первенцу среди Теней его. Твоя воля — моя воля. Мой дар сновидицы, облик и разум, вся моя память, кроме смертного мига и бытия среди Теней, остались при мне по велению твоему.

Стурши сидел и лыбился в темноту как последний дурень, слушая наилегчайшее сонное дыхание, ощущая живое тепло рядом, где только что была пустота. Потом он заново разжёл светильник и с любопытством рассмотрел тихонько посапывающий меховой клубок. Митая сладко дрыхла, замотавшись во все одежки, пропавшие вместе с ней в круге. Ну как будить такое растрёпанное чудо? Конечно, поцелуем! Она даже не испугалась, обнаружив себя в новом странном месте. Лишь глянула по сторонам и спросила:

— Стурши, это, что? Твой дом, да?

— Это теперь наш общий дом, Митая. Но мы не будем обитать здесь постоянно.

— А где будем?

— А где встретимся, там нам с тобой и дом, сладкая моя, — подмигнул ей Стурши. — Одевайся, пойдём.

— Вот так, прямо сразу, пойдём?

Митая выпуталась из клубка меха, из перепутанных рукавов и штанин, а теперь медленно, со вкусом потягивалась. Свет светильника играл на нежной коже, Стурши залюбовался ею и понял, что хочет её, прямо здесь и сейчас. Хочет, может... Но нет, не возьмёт, как Скундарин улу не взял его кровь. Женщина тоже что-то такое уловила. Перестала заигрывать, быстро оделась: готова, пора.

И вот уже совсем напоследок её рыжеватая грива, удивительно мягкая и густая, приминается под пальцами Стурши. Легчайший поцелуй в губы. Взгляд в глубоко-чёрные зрачки, окружённые узенькими золотыми каёмками:

— А пойдём мы с тобой, Митая, не прямо, а изнанкой сна. И каждый своей дорогой, побегайка моя. Ты вернёшься в уголья Альди. Слышишь меня? Обойди Зачарованные Камни у всех ваших домов и на каждый из них пролей чью-нибудь кровь. Не обязательно разумного, а хотя бы малой дичи: кого сможешь легко поймать. Чем быстрее ты обойдёшь Зачарованные Камни клана Альди, тем лучше. А потом отправляйся в уголья Вилья и продолжай там. Потом — Наритья. Потом... Не знаю, найдёшь меня и спросишь. Вообще спрашивай, советуйся со мной, если понадобится. Отдыхай в каком-нибудь известном тебе укромном уголке, еду добывай украдкой. Ходи изнанкой сна, прячься ото всех, кто способен помешать тебе: от родни, знакомых, а пуще всего — от мудрых. Как только будет довольно, я скажу. Поняла меня?

Она кивнула, улыбнулась немного грустно. Опустила голову ему на плечо, обняла, прижалась всем телом. Начала тяжелеть, засыпая — исчезла. Не мгновенно, как умел Стурши, но быстрее, чем когда-либо выходило у Скундары мудрого.

Так Стурши передал своей женщине дело, за которое не мог взяться сам, скрываясь в пещере, согласно последнему приказанию Скундары. Но из всех прошлых приказов Повелителя следовало общее желание: учинить переполох и смуту. С простейшей целью: отвести внимание от скромного хранителя клана Скунда. А куда привлечь? Да без разницы: хоть к матёрому соседушке Альдире, хоть к буйному беззаконнику Стурши. Особенно

забавно, если мудрые подумают, будто Повелитель Теней — Стурши. Ловить его будут до вечного лета! Уж морочить-то головы, прятаться и убегать, временами больно огрызаясь, Стурши умеет лучше всех на Голкья! Слегка кольнуло тревогой: а умеет ли так его Митая? Ну, либо скоро научится, либо погибнет в дневном мире и вернётся, откуда он её однажды призвал. Тоже не беда, призовет снова... Если Повелитель позволит...

Колдун запустил пальцы в кошель и нежно погладил старый улу. С неожиданной и крайне соблазнительной мыслью: а не желает ли он, Стурши, насовсем присвоить эту прекрасную и полезную вещь? По праву сильнейшего! Он же сильнее Скундары, правда?

Что!/? Ну уж, нет! Одно дело дурачить всех, изображая Повелителя Теней, а другое — взаправду повелевать, вникая в дела всех вокруг. Стурши нагляделся кое на кого со стороны, и не нужно ему такого счастья! Куда легче и веселее исполнять чужие приказы, каждый раз выворачивая их по-своему. Фыркнул:

— Прости, ножичек! Ты не хочешь от меня крови, я не хочу от тебя власти. Квиты! Давай-ка, ты будешь вести себя смирно, пока не вернётся наш Повелитель Скундара. А после делайте друг с другом, что хотите!

Альдира снял с осквернённого, сочащегося дурной силой Камня изувеченное, обескровленное тело и уложил на снег. Руна из дома Травников, умирая, успела позвать своего мудрого на помощь. Он, мудрый, не успел ни спасти, ни отомстить по горячим следам. Лишь узнал в лицо осквернителя-убийцу и понял про него кое-что важное.

Стурши! Долгое время думали, эта неуловимая погань гадит, где попало, просто потому, что может. Недавно выяснилось: был он тайным посвящённым и карающей рукой Наритьяры Среднего. Ныне Средний мёртв, а беззаконник ходит отнюдь не под Солнцем. Отметины подземного мрака и Теней в его ауре ни с чем не перепутаешь...

Сегодня поутру был разговор с Нельмарой и Латирой. Спорили, может ли колдун, не из мудрых, стать Повелителем Теней? Альдира возражал: мол, второй ведьмы Нарханы наш мир больше не породит. Сегодня же Альдира наглядно убедился в собственной неправоте. Такой колдун, как Стурши, способен стать Повелителем Теней. Но стал ли? Альдира не уверен. Две разные стороны одного запретного обряда оставляют на разумных похожие следы. Встреча-схватка была слишком мимолётной, чтобы различить подробности.

Не схватка — позорище для мудрого. Промазал первым ударом, сгоряча сунулся за поганью на изнанку сна, где кричавкин выкидыш оказался сильнее. Однако Стурши даже не попытался Альдиру убить: просто запутал следы и ушёл. Гнев, досада и горе тлели в сердце мудрого угрюмым и медленным подземным огнём, но не мешали размышлять.

Почему Стурши нагадил именно здесь, именно так, как никогда прежде не гадил? Почему потом не стал драться?

Неспешно, тяжело ступая под монотонную приветственную песнь, Альдира обошёл Камень. Что, собственно сделал Стурши? Кроме того, что убил девушку-радость и совершил очередное своё беззаконие? Что поганец сотворил с кругом, чем это грозит?

Придирчивый осмотр показал: ничего запредельно опасного на Мохнатых холмах не произошло. Стурши лишь перекрыл на несколько лун вход и выход через осквернённый Камень. При том перескочить в опоганенный круг из другого можно, но брать здесь силу и петь точно не стоит. Более-менее опытный мудрый сразу почует неладное и уйдёт. Но есть ещё опасность искажения пространства-времени... Попросту, можно надолго застрять или оказаться не там, куда шёл. Погибнуть — лишь при исключительном невезении. Иными словами, получилась не смертельная ловушка для мудрых, а пакостная потрава, в излюбленной манере Стурши. И в полном согласии с тем, как беззаконник драпанул по изнанке сна: вместо драки и вероятной победы. Зачем — так? Нет ответа.

Почему после угодий Вилья на Нари Голкья, где Стурши пырнул ножом некого ценимого Латирой и Нельмарой чужака, беззаконник вдруг перескочил в угоды Альди на Арха Голкья? Почему именно этот Камень, именно сейчас? Совпадение, или сознательный выбор? Здесь, на Мохнатых холмах, Альдира должен был петь сегодня в полдень. Мудрый глянул на подбирающееся к зениту солнце. Да, если бы он, ничего не подозревая, привычно шагнул сюда с Рыбьей горы, то мог бы крепко застрять. Но Великую песнь в искажённом круге даже не начал бы: отчаянные дни, когда мудрые пели, не выбирая, минули. Не начал бы Великую — не сорвал её. Но застрять мог, да.

Мог — если бы уже не спел раньше, в другом месте. Если б не держался настороже,

зная, что Тени ночью набрали силу... И недавно ещё раз набрали... Если б несчастная Руна не позвала мудрого на помощь.

Слишком много «если»: ловушка, мало, что не смертельная — крайне ненадёжная. Однако выбор круга наводит на нехорошие подозрения. Изначальный расклад Великих песен известен всем мудрым. Наритьяра уточнил расклад, и Альдира пел сегодня у Долгого озера, на рассвете. Но это знали лишь те, кто получили последние поправки: сам Альдира, Скъяра, Шункура, Гилмира и Тнара. Конечно, знали ещё Нельмара с Младшим Наритьярой и возможно прошмыга Латира, с которым эти двое повадились совещаться по любому поводу...

Альдира рад за старого друга, который совсем, было, зачах, а теперь вдруг воспрял... Альдира немного ревнует, немного завидует младшему соученику. Но всё-таки больше рад, что за дальностью расстояния сам не вляпался в кашу, которую Наритьяры заварили в угодьях Вилья, где поселился Латира... Ага! Думал, подкаменник, что не вляпался. Не в ту кашу, так в другую...

Что творили Наритьяры на Арха Голкья все последние года, Альдира, к сожалению, сообразил слишком поздно, и долго сам себе не верил. Поверил, когда матёрых мудрых архан осталось слишком мало для организованного отпора и разбирательства в Совете. Но прежде, чем самому Альдире настал черёд как бы случайно погибнуть, он вызвал Старшего Наритьяру на разговор и рассказал кое-что о своих любимых домашних вулканах, об их повадках и норове. Напомнил, сколько раз волна от падения Лати Голкья обогнула мир, и сколько мудрых погибло, спасая побережья. А между прочим, Три Зверя Альди и выводок их щенков способны на большее! Они непременно покажут двуногим щурову праматерь, если опытная рука перестанет их направлять и сдерживать. Старший Наритьяра внял предупреждению, и много лет двое мудрых очень старательно не мешали друг другу жить-служить. Средний со своим солнечным безумием, вероятно, наплевал бы на вулканы, но он до Альдиры просто не успел добраться...

Вообще, кто и зачем расставляет ловушки хранителю Альди, поющему Великие песни, когда Старший и Средний Наритьяры мертвы? Вот кстати: окончательно ли они умерли? Когда встаёт вопрос о возвращении Теней, в чьей-либо смерти приходится убеждаться с особым тщанием. Но скорее всего, свидетельству Латиры можно верить.

Из трёх Наритьяр остался один. Младший, ныне единственный, согласуя песни, способен был сгубить Альдиру быстро и чисто, никакой зверь не дороется. И Стурши у Младшего, говорят, во врагах. И Тени Младшему — настолько не его стихия, что как бы парня в противоположный край не шарахнуло!

С Нельмарой, Латирой, другими старейшими хранителю Альди делить нечего.

Врагов среди соседей на Арха Голкья он не нашёл. Друзей тоже, кроме хитрушки Ульдары, старательно и умело пасущей свои вулканы: вопрос ещё, у кого они опаснее!

Вся молодая поросль, Наритьярины недоучки, не жалуется Альдиру с Ульдарой, однако ценят, что от матёрых соседей не прилетают им «плюхи», как у молодёжи водится промеж собой. А двое матёрых сдерживаются, не наказывают чужих учеников. Также часть соглашения со Старшим, пора менять! Но пока об этом даже не заговаривали, никто никаких обид не отрастил и не затаил.

Итак, очевидных врагов нет — остаётся неизвестный Повелитель Теней. Сильный колдун, который возможно, знал песенный расклад мудрых. Но пел-то не один Альдира! Все пели, и даже этим утром с небольшим перерывом спели пятеро. Почему удар по Альдире?

Осведомлён ли новый Повелитель о прошлой охоте на Тени, о Тмисанаре и его учениках? А зная, стал бы пакостить и злить последнего из охотников, вместо того, чтобы просто его убить? Конечно, нет: если он умный! Вполне возможно, если он — Стурши. Или его собрат по разуму: среди новопосвящённых такие, увы, не редкость. Один Рийра чего стоит...

Нет, перебирать имена Альдира не станет, надо смотреть на Совете. А пока есть время, он вернёт останки Руны к дому Травников, чтобы родня похоронила девушку. И поговорит с живыми.

Труп — тяжкий груз для путешествия по изнанке сна, но иначе слишком долго, далеко. Ещё тяжелее смотреть в глаза своим охотникам и объяснять, что в угодах Альди произошло убийство. Что не зверь порвал несчастную Руны — зарезал пришлый двуногий. И двуногий не просто погань незаконная, а отмечен Тенями. Что пора доставать из шкапулок древние амулеты и вдвойне осторожно принимать чужаков, да и на своих тоже оглядываться.

Альдира наставлял охотников, зная, что сам-то вряд ли увернётся от Стурши, если тот ударит с изнанки сна. Однако Стурши может быть не один. Сила Теней возрастала, по крайней мере, дважды. Значит, возможно, по Голкья бродят Повелитель Теней и два его зачарованных слуги. В сказках нововоплощённые Тени тупы, немые и ведут себя среди живых донельзя странно. Но бывает иначе: если Повелитель достаточно дерзок и безрассуден... Задерживаться в доме Травников Альдира не стал. Предупредил, велел сообщить другим охотникам клана — поспешил дальше.

Он сорвался на зов умирающей Руны с полпути к своему любимому Камню, где почувал нечто неладное. Сюда же, на Рыбью гору, вернулся.

По следам на снегу и звонким голосам разыскал сборщиков краснятки. Молодые охотники как раз полудничали. С хохотом и шуточками обсуждали, кто из поклонников Руны умеет ходить по изнанке сна? Кто набрался решимости — похитить красавицу? Перебирали имена парней из соседних домов. Гадали, что получит смельчак: поцелуй или взбучку? Никто не заподозрил дурного, не послал Руны зов, чтобы проверить, всё ли у неё хорошо? Вернее, не пожелали портить подружке свидание головной болью и самим страдать от того же. Игрища молодняка под высоким солнцем — довольно буйные, но среди Альди давным-давно никто не терял краёв. Двуногие не привыкли ждать подлости от других двуногих, хранитель клана мог бы порадоваться.

Жуткую новость парни и девушки приняли... Достоинно. Не отняли у Альдиры ни мгновения лишнего. Лима травница, старшая в этой ватажке, спросила только:

— Мудрый Альдира, скажи, а где сейчас Митая? Ты вернул её сразу в дом?

— Митая? Я не видел её сегодня. И не слышал.

Зато внезапно услышал от Лимы, будто он, мудрый Альдира, утром уже встречался со сборщиками и увёл Митаю в круг. После строгого вопроса, точно ли охотники видели именно его, Альдиру, все они, даже самые спокойные, впали в смятение и остолбенели. Как так? Неужели глаза, слух и прочие чувства лгали им? А сейчас? Пришлось ворожить: освободить от остатков чар и успокаивать, после чего охотники дружно, наперебой вспомнили и описали беззаконника Стурши со всеми его особыми приметам.

И снова: зачем — так? Спрятал лицо, но позаботился, чтобы позже вспомнили и узнали. Это же намного сложнее, чем просто спрятать! Приходит на ум двойной обманый облик: некто под временной личиной Альдиры поверх крепкой личины Стурши... Нет, дрался-то мудрый с настоящим Стурши, ауру подделать гораздо труднее, чем лицо. Но здесь — мало ли, кто был за него?

И куда этот поганец увёл Митаю? В отличие от Руны, у рыженькой не было ни малейших способностей к мысленной речи: ни позвать её, ни услышать. Чудачка-сновидица, сказительница, упрямо и самозабвенно слагавшая песни не для стихий, а для охотников. Где теперь её искать? Можно спросить стихии, но сперва Альдира быстро глянет в том месте, куда, якобы, направился его двойник: у ближайшего Камня. Конечно, нет времени подниматься по тропе! Только изнанкой сна, уж прости, Камень...

Камень... Ох, не скоро воспользуется Альдира своим любимым кругом на Рыбьей горе! Снаружи-то всё чисто, даже слишком: кто-то заметал следы. Но на приветствие Зачарованный Камень отозвался такой волной мрака, что Альдира выметнул навстречу щит, а только потом осознал: наука Тмисанары, в горле и руках, не простыла за сотни зим. Хотя от сырой-то силы можно не загораживаться, сила будет нужна. Дурная, дурманящая, кровавая... Что должно произойти в круге, чтобы из-под Камня потекло такое? Ответ известен: кто-то умер, Тень родилась... Довольно!

Альдира метнулся ещё раз к сборщикам краснятки и велел им бегом возвращаться в дом. Ни в коем случае, под страхом смерти, никому не ходить к Зачарованному Камню на Рыбьей горе! А если вдруг встретят Митаю, проверить её амулетами.

— Какими амулетами? — спросил один из парней, заметно побледнев.

— Дома расскажут. Сказки про Теней помнишь?

— Митая — Тень!?

— Возможно, — ответил мудрый, хотя сам в этом почти не сомневался. — Домой! Бегом! Быстро!

Слова поперёк не молвили, подхватились, побежали. Глядя вслед, Альдира послал зов главе дома Травников и повторил всё, что сказал молодняку, и кое-что сверх того. Велел беречь охотников и немедленно сообщать любые новости. Сам отправился в обход угодий, по всем своим Зачарованным Камням, начиная с тех, что стояли вблизи обитаемых домов. До начала Совета у мудрого оставалась ещё восьмушка солнечного круга, изнанкою сна можно много успеть...

Двадцать с лишним Камней — всё чисто! Но не успел Альдира порадоваться, как в урочище Гейзеров обнаружил на Камне выпотрошенную и обескровленную тушку белянки. После Мохнатых холмов это смотрелось очень злой насмешкой. Здесь не такая сильная потрава: мелкая дичина против одарённой охотницы... Только следы на снегу подтвердили худшие опасения Альдиры: отпечатки узких, лёгких девичьих ступней, из ниоткуда в никуда. Трилистник на подошвах сапог делают только в доме Травников... Пропавшая Митая?

Осквернительница приходила к Камню изнанкой сна, быстро и ловко, не ложась в снег. Нюх у Альдиры, к сожалению, не настолько острый, чтобы наверняка отличить запах именно этой девушки. И сонная ворожба, по сути своей, не оставляет внятных отпечатков ауры. И сила, текущая из-под Камня, перебила след недолгого присутствия. Но кое-что мудрый всё-таки уловил: осквернительница мечена Тенями. Тень — сновидица? Да кому ж такое в дурную голову-то пришло? Или Повелитель Теней Стурши принял обманый облик одной из своих слуг? Это многое бы объяснило.

Не делая окончательных выводов, Альдира отнёс подальше и похоронил в снегу трупик белянки, запечатал осквернённый Камень. Отправился к следующему — там было чисто. У двух следующих тоже. А на четвёртом по счёту мудрый обнаружил ещё одну потраву и те же девичьи следы с изнанки сна. Здесь побегайке свернули шею и порвали дичь зубами. Со вкусом драли и жрали! И с Зачарованным Камнем поделились. Мудрый лишь чуточку не

застал трапезу: останки дичи ещё тёплые.

Хранитель проделал всё, что должен был, и присел в снег, размышляя. Прыгать ли дальше от Камня к Камню, пытаться наугад накрыть эту погань? Или звать других мудрых для правильной загонной охоты? Глянул на небо: солнце уже предвечернее, значит, у Пещеры Совета близится полдень, время сбора мудрых. Опаздывать на большой Совет, на сбор всех-всех-всех Альдира не хотел, там сегодня будут решать слишком много важного. Но и бросать без присмотра хранимые уголья, когда по ним мечутся буйные Тени, тоже никуда не годилось. Так что оставшееся время Альдира потратил на оповещение глав домов об опасности. Конечно, одарённые Альди не справятся сами с Повелителем Теней. Но изгонять его слуг из дневного мира они вполне в силах. И выставить стражу у Зачарованных Камней...

Вильяра пропела над своим воином очередную песнь исцеления. После такой страшной раны чужак поправлялся удивительно быстро. И всё же не так быстро, как ему хотелось, как им всем было надо. Оттого у него горькие складки в углах губ, и глаз почти не открывает, и лишнего слова не скажет, хотя может уже говорить не только безмолвной речью, но вслух, понемногу...

Приоткрыл, сказал:

— Вильяра, Латира, простите меня. Я не пойду с вами на ваш Совет. Идите вдвоём, оставьте меня здесь.

На все уговоры — Латира старался! — мудрые получили очень скупые, но совершенно здоровые возражения. Чужаку необходима сила Зачарованного Камня: постоянно. Чужаку нужно большую часть времени лежать на ровном, в определённой позе. Чужак просто не желает представлять перед собранием мудрых, пока настолько слаб, и даже словом за себя постоять не может.

Вильяра тихонько сжала его руку в своей: под горячей кожей, обтянувшей кости — тонкий, как ниточка, лихорадочно частый пульс.

— Мудрый Латира, оставь Нимрина! Он прав! Правда ведь, могут сожрать, просто от злости и растерянности. Ты же представляешь, какая грызня у нас назревает? Я, конечно, встану за своего воина. Ты, надеюсь, поддержишь. Но нужна ли нам сейчас такая забота? А главное, нельзя пока забирать Нимрина отсюда! Слово целительницы!

— А оставлять его в таком виде одного? А, целительница? — в голосе Латиры звучала укоризна, но убавилось убеждённости.

— Мудрые, не беспокойтесь. Я переживу полсуток или сутки в одиночестве. А если вы застрянете, я позову Даруну или Нгуну.

— Тогда лучше Лембу, — поправила Вильяра.

— Или его, — согласился Нимрин.

— Малая, а про Стурши ты не забыла?

— Такое забудешь, старый! Но если Стурши слушал в детстве те же сказки, что рассказывали мне, он сейчас уверен, что убил Нимрина. И кто ему скажет, что на самом деле, не убил? А если беззаконник вдруг случайно забредёт к этому Камню, ты же не зря строил покров и щиты над иглу? А, Латира мудрый?

Ромига остался один, в тишине. Мудрые перед уходом накормили и напоили его досыта. Вильяра вынесла наружу, помогла справиться естественные нужды и вернула обратно. Руки ведьмы — сильные, уверенные и ласковые, она умеет ухаживать за ранеными не хуже эрли! А живительное тепло её... Кто сейчас нужнее наву: Вильяра или серый Камень? Очень трудный выбор, но всё-таки Камень. И на Совете пока делать нечего!

Ромига пьёт силу и то лежит пластом, то пробует потихоньку разминаться сам. Организм до сих пор тратит прорву ресурсов, спешно латая дыры в жизненно важных органах, переплавляя и заново отрачивая повреждённое. И так-то небогатый запас жирка выгорел дотла, мышцы превратились в тряпки. Ромига оклемается и восстановит форму, но время, время: страшно быть таким уязвимым в чужом холодном мире!

Как же его всё-таки занесло сюда? Он лежит и вспоминает свой дом: Великую Навь, Тайный Город и человеёник вокруг, родную Землю. Ромига желал бы увидеть свой мир хотя бы во сне, но сны пусты. Остаётся вспоминать: нарочно выученными некогда приёмами, с превеликим тщанием. Это тяжело, особенно сейчас. Но Ромига упрям, он планомерно и целенаправленно восстанавливает свою биографию с первого мгновения, как осознал себя, и далее, сквозь года. Жаль, нечем и не на чем записывать: лишь во Тьме под закрытыми веками...

А всё же любопытно, зародилась ли уже на Голкья письменность? Есть ли у каменно-ледяного мира история в узком смысле, или только предания и археология? Очень любопытно, но Ромига не будет отвлекаться от главного, от раскопок в собственном прошлом! Пока Голкья не подкидывает ему новых приключений, надо пользоваться.

Долго ли, коротко ли, день-вечер, а нав уже заполнил практически все лакуны своей биографии: вплоть до защиты диссертации Романа Чернова, последней любимой личины Ромиги среди челов. Доклад, обсуждение, голосование, развесёлый банкет на кафедре, милая блондиночка, зовущая к телефону... А дальше по-прежнему клубится туман забвения, и где-то в нём сокрыта загадка: как нав попал с Земли на Голкья?

Но прежде, чем рыть дальше, Ромига с изумлением и всё менее радостными чувствами переваривает один-единственный факт о себе. Он, нав из Великого Дома Навь, был геомантом? Он учился у чела геоманта и достиг кое-каких успехов? Да не бывает такого! Нет, Сантьяга не раз говорил, что Ромиге может быть доступна эта традиционно закрытая для классических магов область. Увидел? Вычислил? Не важно, создателю Аркана Желаний можно доверять.

Не важно... Да что теперь вообще важно, когда вдруг так мучительно пусто и тоскливо? Ромига вспомнил, как ощущал мир и как изменял его... Как! Это! Было! С ним, в нём... А сейчас даже прикоснуться не способен к тому, что творил на пару с маленьким старичком, чем-то похожим на Латиру. Нити во Тьме? Паутинка под закрытыми веками? Нет, лишь глухая темнота и сырость по щекам. Искорёженное сердце уже не просто частит, а щемит и сбивается с ритма, воздуха не хватает, голова кружится... Нет, он не помрёт от этого, ему просто худо... А не в ту ли самую утрату ткнула его носом Тьма, когда отказалась принимать? Сломанная стрела, во всех смыслах сломанная, никчёмная. Нав Ромига не отыщет дорогу домой ни живым, ни мёртвым. Его уже почти нет, и с каждым днём становится меньше...

Нав поднял к лицу правую руку, посмотрел на свою ладонь: кожа да кости. Сжал кулак, прикусил костяшку зубами, так что во рту стало горько. Ну-ну! Не порезаться, как он делал давным-давно, так погрызть себя? Да, в крайних случаях Ромига прибегает к этому дикому, дурацкому способу ощутить себя собой и живым. Но если уж захотелось боли, он удовлетворит своё желание более конструктивным способом: встанет на четвереньки и доползёт до Зачарованного Камня. Возможно, круг примет его и вылечит поскорее хотя бы тело? А дух... Когда они с тем старичком, Семёнычем, создавали ловушку на Ромигиново врага, они заложились на чью-то помощь против супостата. Что осталось от того плетения? Ромига не способен заглянуть и уточнить: он больше не геомант. Но он верит в себя прежнего и в того чела! Потому не станет посылать зов Стурши, чтобы пришёл и добил, а вовсе наоборот: крепко зацепится за жизнь и доживёт до неведомой подмоги.

Сколько шагов от убежища до Зачарованного Камня? Дюжина? Две? А Ромига выбирался из иглу и полз, как недодавленная гусеница, не меньше часа. Дополз. Поднялся на

колени, приложил ледяные, дрожащие от слабости руки к шершавому граниту: левая толком не поднималась, он помог ей правой. Почти без голоса прохрипел приветственную песнь. Круг раскрылся, и путь к середине был короче, чем от иглу до Камня. И лёжа навзничь, глядя сквозь ресницы в ясное вечернее небо, Ромига дышал уже легче. И сердце умерило ритм. И согрелся, как должно: изнутри. И боль всех сортов покинула его, но ощущение бытия вместе с собою не забрала, оставила. А вот усталость не ушла: раскатала по чужой тверди, тянула в дрему. Чувствуя себя в удивительной безопасности, Ромига улыбнулся обступившим его Зачарованным Камням: «Тут у вас хорошо, можно жить!» И уснул.

Снилось ему то, чего он не помнил наяву, и в этот раз, сколько тужился, не вспомнил. Как совсем-совсем юный нав, сдуру и по великому любопытству, забрёл на нижние, запретные ярусы Цитадели. Как вихрилась вокруг растревоженная Тьма, а он ловил её струи руками, гладил самые плотные клубы, приглашал поиграть. Как набродившись по бесчисленным коридорам и лестницам, не разыскал обратного пути на жилые ярусы, но так и не испугался: свернулся клубочком в каком-то углу и задремал. Как был найден там одним из советников, вынесен наверх, разбужен... Ох, и знатная вышла взбучка: в основном, не Ромиге, а наставникам, которые не уследили за подопечным! Впрочем, ему тоже досталось, и хуже всего был запоздалый испуг. Однако все сошлись во мнении, будто Тьма немного поиграла с глупым детёнышем, но не изменила его ни внешне, ни внутренне... Ага, только теперь не пускает обратно без своего особого, редкого подарка... И не надо ему: рановато, ещё побегает... А привычка сладко спать во всяких странных местах у Ромиги с тех пор так и не прошла...

Мир Голкья баюкал в горсти горемычную приبلуду, отпаивал силой, берёг от врагов. Зачем? Только разумные задают себе подобные вопросы и как-то даже отвечают на них. Миры просто существуют. Слепо стремятся к равновесию всеми своими стихиями, но никогда не достигают. Намечать цели и даже иногда попадать в них — ещё одно причудливое свойство разумных. Может, для этого-то разумные мирам и нужны?

С тех самых пор, как любезный взял Митаю в круг, нет у неё иной заботы, только угождать ему. Поручение Стурши ведёт охотницу по незаконному пути? Ну и что? Проливая кровь на Зачарованные Камни, Митая не ведаёт сомнений и страха. Белянки и побегайки, не просыпаясь, выходят из норок и снежных лунок, легко даются ей в руки. Воля сновидицы ведёт их, как она сама ведома волей любезного. Алая горячая кровь так сладка, даже если достаётся Камням почти вся! Сладка чужая жизнь, разрываемая на части, угасающая в руках! Для охотницы — не новость, но раньше Митая не была такой кровожадной. Раньше она была дичь быстро и чисто. А сейчас каждую жертву разделяет наособицу, с выдумкой, обязательно заживо. Зарезать, растерзать бы кого-нибудь покрупнее малой дичи! Но любезный велел быстро обойти все Зачарованные Камни кланов Альди, Вилья, Наритья: времени на обстоятельную охоту у Митаи нет. Разве, кто-то попадётся сам?

Пожилой охотник замер лицом к Камню, вбирая силу стихий, от рождения недоступную Митае. Она предвкушающе облизнулась и отпустила пойманную для очередного жертвоприношения белянку. Достала из ножен нож, скользнула к двуногой добыче по изнанке сна. Встать за спиной, ударить под лопатку или в шею, чего проще? Примерно так Митая добыла своего первого зверя и стала взрослой... Нет, её всю жизнь учили, что с двуногими так нельзя... А надо!

Рука Митаи не дрогнула, но дичь оказалась слишком шустрой. Охотник учуял движение за спиной, извернулся, перехватил руку с ножом, сжал так, что косточки хрустнули, пальцы сами собой разжались. И вторую руку сцапал прежде, чем Митая полоснула ему ногтями по лицу. Свободными оставались ещё ноги и зубы... Но топот за спиной — противников несколько! Засада? Ждали? Митая не задумывалась об этом заранее, однако поняла сразу. Скрылась на изнанке сна, не дожидаясь, пока её скрутят, свяжут...

И у следующего Камня встретила ловцов настороже, и у следующего, и у следующего... Охотники Альди как-то догадались о замысле Стурши и выставили стражу ко всем Камням? Что делать? Не исполнять поручение любезного Митая попросту не способна! Остановиться для неё страшнее, чем попасть в зубы дикой стае. Драться? На свою четвёртую зиму охотница осталась мелкой и слабой. И стихии её не любят. Сновидица — да. Но не настолько стремительно выскакивает она с изнанки сна, чтобы застать врасплох хитрую двуногую добычу. И нож свой потеряла: прежде, чем бить, поди ещё выдерни из ножен чужой... Исхитрилась, стащила нож, снова чуть не попалась... Правая рука болит: опухла, не слушается...

Митая сжалась в комочек под каким-то кустом, роняя слёзы, баюкая переломанную, кажется, руку. Впрочем, боль отступает перед чёрным ужасом: охотница тонет в нём. Бьётся в отчаянии, будто в зыбучем песке. Теряет... Да нет же! Не всё, не всё потеряно! Есть же ещё Вилья и Наритья! Пусть Альди караулят свои Камни — Митая пока уйдёт отсюда. Пусть сторожа немного устанут и потеряют бдительность, потом охотница вернётся и доделает своё дело здесь.

Вилья или Наритья? Север или юг? Старшая служанка Митая из дома Травников не бывала наяву ни там, ни там. Но в призрачном обличье сновидица обошла многие дальние уголья, даже знает там кое-кого. На севере ей всегда нравилось больше, чем на юге, значит,

Вилья. И да простит её любезный Стурши, Митая начнёт обход со знакомого Камня. Вот с этого самого, где лето и ползимы назад она познакомилась с таким же сновидцем, и до самой встречи со Стурши мечтала о нём. Райза из дома Гончаров обещал посвататься в дом Травников наяву. Но пеший путь с Нари Голкья долог и тяжёл, морской — опасен и дорог. А прийти друг к другу изнанкою сна в телесном обличье не смогли тогда ни парень, ни девушка... Уже не важно: Райзу отец женил той весной на любимице стихий из какого-то соседнего дома. И в следующую весну гончар тоже вряд ли позволит сынку взять жену — сновидицу. Против батюшки слюнтяй Райза не пойдёт... Зато у Митаи есть теперь её несравненный Стурши! А дорогу-то к старому месту свиданий, к серому Камню на Косом холме она всё равно помнит. И белянку поймает и забьёт легко, даже одной рукой. А потом отправится дальше, к следующему Камню. Когда ещё Вилья заметят неладное...

Ромигу разбудил всплеск силы. Нав открыл глаза, приподнял голову: круг Камней, тесный, когда Ромига засыпал, раздался почти в бесконечность. Мелькнула паническая мысль: как же теперь ползти наружу? Однако видимые расстояния в кругах Голкья — штука условная. И ползти ли? Ромига прислушался к себе, потянулся так и эдак, перекатился со спины на живот: ему лучше, гораздо лучше! С этим уже можно попробовать подняться. Попробовал. Со второй попытки встал. Сделал пару шагов: шатаясь, кривясь набок, волоча ноги по снегу... Всего-то пару шагов, а круг его будто выпихнул вон. Третий и четвёртый шаг уже из каменных врат... Нос к носу — со встрёпанной девчонкой-охотницей, жрущей белянку сырьём!

Дикие жёлтые глазища, перемазанная кровью мордашка... Охотница шарахнулась, выронила добычу. Рыча, выставила навстречу Ромиге жало крупноватого для её лапок стального ножа. И что-то с ней было сильно не так... Мули, издание второе?

— Эй, тихо, тихо! Ты чего? Я тебя не обижу. Да, я чужак. Но сам я вполне разумный, и разумными не питаюсь...

Ромига старался говорить ласково, успокаивающе... Не помогло, напала! Охотники любого пола сильны, даже такие мелкие. Подранок нав был физически слабее взбесившейся девчонки, но в драках с поножовщиной — опытнее. И колдовать ему ничто не мешало!

Легче всего — убить это недоразумение, но с какого перепугу она драться-то полезла? Выяснить бы? И у Камня убивать нехорошо. Если от одной белянки пошёл такой выплеск силы... Ромига не додумал мысль: оглушённая заклятьем охотница начала исчезать. Однако, не быстрее Вильяры мудрой, покусанной за ухо! Тычок пальцем в болевую точку, вместе с соответствующим арканом, вернул девчонку в действительность: во всех смыслах. Сжалась, заскулила, зыркнула несчастным, со слезой, глазом.

— Тихо! Я же тебе сказал, тихо! Сейчас всё пройдёт. Не станешь убегать и драться — больно больше не будет. Я тебя поймал, но плохого не сделаю. Просто хочу поговорить. Поговорить, понимаешь? Потом отпущу. Как тебя зовут, горюшко?

— Ми... Митая, — сквозь судорожные всхлипы.

— Очень приятно! А меня здесь иногда называют Иули, — почему Ромига не назвался Нимрином, основным здешним прозвищем, он сам пока сказать не мог.

— Тёмный? — девчонка перестала плакать, на лице отразилась работа мысли. — Ты — Тень?

— Да вроде, нет, — рассмеялся Ромига. — Хотя совсем плоский, того гляди, исчезну, — и сменяя тему, кивнул на белянку, драную в клочья. — Митая, я смотрю, ты совсем

оголодала? Хочешь, накормлю тебя горячим? У меня похлёбка осталась, вкусная! На двоих хватит.

Нав предпочёл бы растянуть Латиринау стряпню на два приёма себе, но Митая заинтересовала его всё сильнее. На первый взгляд, обычная охотница, но настолько странный — и тёмный — рисунок ауры Ромига встречал здесь впервые.

Девчонка подуспокоилась, и тоже глядела теперь с любопытством:

— Спасибо, Иули, но я должна спешить.

— Успеешь! — Ромига подкрепил доверительно-ласковый тон капелькой магии. — Ты голодна. И с правой рукой у тебя непорядок. Покормлю, подлечу, отдохнёшь. Потом пойдёшь дальше по своим делам... Куда, кстати?

Жёлтые глазища ожидаемо затуманились, а язычок развязался.

— Я должна напоить... Напоить кровью все Зачарованные Камни в угодьях Альди, Вилья и Наритья.

— О, как! И кто же тебя послал на такое непростое дело?

— Любезный Стурши послал меня! Ты, Иули, знаешь его?

— Знаю, — наву хватило выдержки не уронить челюсть и ответить так, чтобы собеседница не почувала ничего лишнего. — Пойдём, Митая, в иглу, я накормлю тебя, а ты расскажешь мне о моём друге Стурши. Как ему нынче живётся-можется?

Лгать и скрытничать Митая никогда не умела.

Увидела — решила, чужак будет лёгкой добычей, в придачу к белянке. Но поймал-то он её, и сбежать она не смогла. Теперь Митая повинуется этому Иули так же легко и бездумно, как любезному Стурши. Воли их обоих пока не противоречат друг другу, а собственную волю Митая потеряла где-то... Наверное, вместе с девичьей кровью в круге: обронила — не заметила...

А похлёбка-то у чужака как вкусна! И в иглу жарко от умелых чар. И запястье он ей вправил — к счастью, всего лишь вывихнутое — ловко, почти не больно. Тонкие, горячие пальцы бережно разминают пострадавшую руку, а взгляд Митаи тонет в бездонно-чёрных глазах Иули. Чужак вызывающе некрасив, и то ли стар, то ли измождён болезнью. Не важно! Митая жаждет получить от Иули, чего недодал ей любезный в пещере-доме! Есть между ними нечто общее: завораживающий мрак в глубине глаз. У Иули — темнее, глубже, подлиннее. Зовёт, затягивает... А дыхание-то срывается, соски тверды, между ног сыро...

Чужак улыбнулся, подмигнул, облизнул губы: он всё видит, но никуда не спешит. Запустил дивно чуткие пальцы в гриву Митаи, медленно перебирает пряди, ласкает... Вроде, прошептал или запел что-то? Ворожит? Показалось? Сознание уплывает на волнах блаженства. Можно Митаю брать, а можно уже и не брать — нет её здесь. Растаяла, как рогачинное масло на сковороде. Уплыла...

Едва прозвучало имя Стурши, Ромига ощутил себя, как на очень тонком льду, да из-под «навского аркана». Безмолвная речь охотников — замечательная штука! Но стоит желтоглазой послать зов, передать Стурши привет от «друга», и второй встречи с беззаконником уже не минуешь! Ромига трезво оценивал свое состояние, возможности: на этот раз Стурши почти наверняка его добьёт.

Правда, Митая быстро успокоила: слово за слово, она разболтала, что безмолвной речью и стихийной магией, в целом, совсем-совсем не владеет. По ощущениям, девушка не лгала. Хотя разобрать, одарённая она, или нет, по такой перекорёженной ауре... Помимо явного избытка Тьмы, там хватало других странностей. Контуры, которые у любого живого существа коконом замыкаются вокруг тела, у Митаи тянулись куда-то вглубь Голкья. И вроде, девчонка слишком настоящая для куклы или проекции-фантома, однако же... Нет, непонятно!

Нав старательно привечал, забалтывал и закармливал странную охотницу — переборщил. Внезапная страсть с её стороны была совершенно некстати: у самого-то ни желания, ни сил, даже если представить на месте Митаи — Вильяру. Но вот если подыграть и воспользоваться иначе: аккуратно залезть девчонке в мозги... Неоправданный риск для обоих? Только не в ситуации, когда Стурши вот-вот задышит в затылок!

Ромига впервые пробовал на Голкья этот аркан, да на столь причудливом объекте. Однако всё получилось, даже сверх ожидаемого.

Мягкое, неразрушающее сканирование мозга даёт меньше «иглы инквизитора», это аксиома. Но память разомлевшей девчонки раскрылась легко, словно кто-то до нава уже взломал все естественные защиты, ограждавшие этот разум. Жизнь Митаи, как на ладони: от рождения, по сей миг. Единственное глухое пятно пришлось на сегодняшнее утро: вот поганец Стурши удовлетворяет Митаю в круге — провал, разрыв — Стурши будит девушку в какой-то пещере. Пока не припекло проверять, но похоже, даже «иглой» эту лауну не расковыряешь! Несколько часов Митая словно бы не существовала вовсе, потом возникла, да не такой, как была. Причём сама она разрыва и перемен не осознаёт...

Раз за разом, на разные лады Ромига сканировал охотницу, пытаюсь разобраться, что ещё с нею не так? Митая пребывала в сладком забытии, слегка подкреплённом чарами: не мешала исследователю и не стремилась смыться изнанкой сна. А кстати, даже то, как её «повело» на чужака, изнутри её восприятия выглядит удивительно! Прежде девушка была переборчива и постоянна в своих привязанностях. Длинный местный год прождала некого Райзу, и ещё зиму готова была ждать без особой надежды: не его, так пока душа ляжет к кому-нибудь другому. Стурши прикинулся мудрым её клана, а мудрым на Голкья позволительно всё или почти всё: она пошла за ним. Обманка скоро развеялась, но в круге со Стурши оказалось настолько хорошо, что бедный Райза не выдержал конкуренции. Допустим, девчонка влюбилась в Стурши без памяти — или он приворожил её. Готова ради «любезного» на всякое беззаконие... И сразу, внезапно, перенесла свои бурные чувства на нава? Потому что Тьма в его глазах более подлинная? Это вообще как?

Сам Ромига видел Стурши несколько секунд перед тем, как начал умирать, потому помнил плоховато. Но вроде, охотник как охотник, без особенностей... Тогда был! А Митая

воспринимала своего «любезного» престранно. Ауры не видела, не умела. Но Тьму в Стурши — и в Ромиге заодно — как-то ощущала и тянулась. Подобное к подобному?

Нав поморщился, потёр ноющие виски. В этот раз рыться в чужих воспоминаниях оказалось на удивление мерзко, словно в гнилом трупке знакомого, при жизни — симпатичного. Прежняя Митая, до встречи со Стурши, имела шансы понравиться Ромиге. Нынешняя... Главное, не подавать виду, что тошнит... Хотя... Вот что теперь с нею делать? Прибить, чтоб не пакостила? Отпустить, по обещанию? Использовать, как проводника к Стурши? Передать мудрым, пусть разбираются? Последний вариант — наиболее здравый. С одной поправкой: Ромига не потащит девчонку в Пещеру Совета, уж очень ему самому туда не хочется. Для начала, расспросит знакомых мудрых... Кого из них? Митая пришла гадить на Вильярину территорию, однако Латира опытнее...

Мудрый откликнулся на зов мгновенно. Едва услышал имя Ромигиной добычи, сразу вывалился с изнанки сна: взъерошенный и злой. А Митая, даже глаз не раскрыв, тут же стала исчезать. Пришлось повторять ей болезненную побудку, выслушивать скулёж и причитания. И сразу — внезапно — разыгрывать роль «доброего» на жёстком допросе с применением магии.

Латира вцепился в девчонку поистине бульдожьей хваткой: кто бы подумал, что он так умеет! Правда, ничего нового (для Ромиги) мудрый не вытряс. Гораздо интереснее — комментарии Латиры безмолвной речью. Вот, значит, как выглядит местная нежить, именуемая Тенями, за которую Ромигу тут периодически принимают. Не слишком-то много общего, но на взгляд в темноте, издалека, да с перепугу, для кого-то, кто еле-еле различает ауру...

Из результатов допроса вытекало следующее. По-видимому, Стурши принёс Митаю в жертву Теням в круге на Рыбьей горе, а в пещере, в Доме Теней, призвал её обратно в дневной мир. Охотница умерла, потом как бы возродилась, но прежней, увы, никогда не станет, и путь духов для неё, вероятно, уже закрыт... Если не лезть в тонкости охотничьего посмертия, то с Митаей всё очень печально, но Латире более-менее ясно. А вот со Стурши... Митая знала его как единственного повелителя. По-видимому, Стурши сохранил своей Тени облик, память и некоторую часть прежнего разума. Без сомнений, именно Стурши отправил Митаю осквернять круги. Более-менее понятно, почему Вилья и Наритья: Стурши точил ножик на хранителей этих кланов со дня гибели Наритьяры Среднего. Но почему вдруг Альди? Внятного ответа у Латиры не было: лишь подозрения, от которых мудрый, с самого начала не благостный, стал мрачнее тучи. С Ромигой он ими не поделился. Сказал наву, мол Повелитель Теней — скорее всего, Стурши. Но может статься, что беззаконник — тоже Тень, а Повелитель — кто-то из мудрых. Время поджимало Латире. Мудрый непререкаемо заявил, что забирает Митаю в Пещеру Совета. Тонком чуть помягче предложил Ромиге присоединиться. Нав покачал головой:

— Нет, я пока останусь здесь.

Про себя подумал: Стурши — серьёзная угроза. Но толпа могущественных и очень сердитых колдунов ничуть не лучше. Уж если Латира так искрит... Мудрый заковыристо ругнулся шурами, однако спорить с навом не стал, ограничился советом.

— Тогда отправляйся-ка ты, Иули, в круг. Сразу, как только мы с Тенью уйдём. А то защита на иглу — от Стурши, каким он был раньше. Но Повелителю Теней или Тени я дорогу с изнанки сна не перекрою. Если только наглухо запру здесь тебя самого. Согласен?

— Нет, лучше я пойду в круг. Надеюсь, наша красавица не испоганила его своей

белянкой до полной непригодности, и меня не зашвырнет в какой-нибудь Дом Теней?

— Погоди, я сейчас проверю Камень. Не отпускай пока Тень на изнанку сна, — Латира нырнул в лаз наружу.

Ромига, не отрываясь, смотрел на зарёванную, осунувшуюся Митаю. После песен, что пел над нею Латира, девушка сидела неподвижно, пялилась в одну точку. От внимания нава чуть ожила: скорчила умильно-жалобную рожицу, шепнула одними губами:

— Ты обещал меня отпустить!

Ромига отрицательно качнул головой:

— Даже не думай.

Слёзы — потоками, но девчонка, не мигая, смотрела наву в глаза... А ему всё труднее было спокойно этот взгляд выдерживать! Будто Ромига впервые в жизни солгал, предал чьё-то доверие по принципу: «ничего личного»! Ну, откуда вдруг столь мерзкое чувство? Словно он выступает на стороне чужих, против своих? Да что ж за наваждение-то?

Наваждение? Он разорвал зрительный контакт и активировал защиту от ментальной атаки, а после уже всерьёз удивился: Тень воздействовала на нава и почти преуспела?

Нет, он удивился не настолько, чтобы упустить её! Третья попытка Митаи сбежать на изнанку сна закончилась так же, как первые две, только Ромига ударил сильнее. И когда девчонка задохнулась от боли, сразу набросил пару арканов из дознавательского арсенала. Бессонница — накрепчайшая привязка к действительности. И паралич всех мышц, кроме дыхательных: чтобы не рыпалась и не болтала. Давно бы так...

Обездвиженная Митая тихо точила слёзы: ей было больно, страшно, тоскливо. А ему — за компанию. Давненько Ромигу не накрывало дурным сочувствием! Вернулся Латира — хорошо, не пришлось долго ждать — сказал с досадой:

— Иули, круг я не стал запечатывать, но только ради тебя. И даже тебе не советую соваться внутрь. Может, всё-таки с нами, на Совет?

— Нет.

Латира присмотрелся к парализованной Митае, к угрюмому Ромиге...

— Иули, скажи, кого ты сейчас жалеешь?

— Никого, а что?

— Если Митаю, то поздно, Стурши её уже убил. А если Тень, по сродству стихий...

Ромига вскинул злой взгляд на мудрого:

— То что?

— То дурак ты! — непривычно грубо рявкнул Латира. — Объясню позже, или сам сообразишь. Освободи Тень от своих чар, и нам пора.

Ромига повиновался нехотя, но быстро. Мудрый сцапал Митаю за шиворот и вместе с нею исчез на изнанке сна. Упустит? Не упустит? Противоречивость желаний и сумбур мыслей по этому поводу следовало немедленно привести в порядок. Нав столкнулся с принципиально новым для себя... Явлением, сущностью, существом? Некоторое время наблюдал, исследовал, информации не так уж мало. А вот познаний по теории магии не хватает, и не возьмёшь у Сантьяги допуск в специальный раздел библиотеки, не пойдёшь озадачивать Куби заковырыстыми запросами... Или это из запретного, из того, что Нав отвергла, как Искушение, не касается сама и не позволяет никому в Тайном Городе? Ясно, что Голкья — не Земля, в другом мире многое иначе. Однако практики, связанные с Тенями, тут тоже под запретом...

Да, но мурашки по коже — не от прикосновения к запретному, как таковому. А от

очередного приступа осознания: насколько Ромига здесь одинок, насколько предоставлен самому себе. И при том, насколько он не в форме! Он даже не может объективно оценить, насколько именно он не в форме! Разомкнутая аура Митаи и его собственная зависимость от Вильяры — не одного ли порядка явления? Возможно, те, кто обзывал Нимрина Вильяриной тенью, были терминологически точны? Да, он чувствует себя навом Ромигой, более-менее живым, и даже биографию свою, в основном, вспомнил. Но несчастная Митая не забыла ничего, а собою быть перестала. Хотелось бы сходу опровергнуть столь бредовую гипотезу, да некоторые вещи видны только со стороны...

Шальная Стрела, бесстрашный исследователь и рискованный экспериментатор, отчаянно боролся с паникой. Кажется, все изжитые страхи вернулись из небытия и разом навалились на него! И нет рядом старших сородичей, чтобы осмотрели, обследовали — успокоили. И живительные объятия Вильяры не упадёшь. И даже в круг Зачарованных Камней Латира советовал пока не соваться... Ромига уже привык ходить туда не только за магической энергией — за глубиной медитации. Но ныне серый Камень не спокоен сам. Кстати, не от того ли Ромигу рядом так «колбасит»? Смешное словечко из лексикона Ромки Чернова охарактеризовало нынешнее состояние, как нельзя лучше. Нав улыбнулся: вопреки раздраю мыслей и чувств, вопреки мерзким ощущениям от заживающей раны. Выполз из иглу, встал на ноги, начал разминку. Главное, держать спину прямее и не останавливаться: пока у него есть собственная воля, или нечто похожее на неё до неразличимости...

Стурши не смел нарушить приказ Повелителя, покинуть пещеру. Но никто не запрещал ему спать и видеть сны. Он спал и видел глазами Митаи, как выполняется его собственное поручение, как тень тени оскверняет Зачарованные Камни Альди. Увы, рыженькой не хватило прыти завалить охотника. А жаль, камень был подходящий, тёмный, и могло бы их, юных Теней, стать уже трое... Но кровь дичи Митая лила очень красиво! Знать не знала, что любезный наблюдает, а делала ему сладко-сладко... Пока не попалась! И кому же?

Стурши от удивления едва не проснулся. Он был уверен, что убил эту погань, хотя... Он же теперь сам из тех, кого изгоняют «слезами голкья». И он чувствует, почему Митаю так потянуло к чужаку, и даже почти не ревнует свою женщину. Он бы сам, пожалуй... Кабы не приказ Скундары...

А вот обижать его рыжулю — всё равно нехорошо! И снова Стурши ничего не мог с этим поделаться, только наблюдать. Ну, разве, чуть-чуть подтолкнул бестолковую девчонку, чтобы намекнула чужаку на родство стихий. Не помогло, поганец стойко держал неправую сторону. А после Латира уволок пленницу в зачарованную от соглядатаев Пещеру Совета, и Стурши стал искать себе новые глаза. Нашёл быстро, да не сразу подманил к нужному месту. Чужак, между тем, выбрался из иглу и танцевал на снегу. То плавно скользил, то застывал в неустойчивом равновесии, то быстро мелькал — и под это завораживающее мелькание сновидца унесло из затаившейся под кустом проشمьги в детство, где маленький Стурши слушал старую страшную сказку...

Сказывала бабка, как давным-давно могущественная ведьма Нархана, будущая Повелительница Теней, путешествовала по ту сторону звёзд. И однажды встретила она там чужака с чёрной кровью, и вспыхнула между ними взаимная страсть. И привела ведьма своего любезного на Голкья, и выстроили они себе дом, и жили там в согласии и достатке почти всю её долгую колдовскую жизнь.

Лишь почуяв приближение старости, Нархана стала горько сетовать на бездетность. Чужак же рассмеялся и сказал, что так и должно быть, ибо чёрная кровь не смешивается с красной. Разгневалась ведьма, и в единый миг приязнь её к чужаку обратилась в ненависть.

И сказала она любезному: «Желала я родить от тебя одарённых дочерей! Но раз ты, зная о своём бесплодии, впустую растрчивал мои лета, пусть старость мою утешают слуги, во всём подобные тебе».

Чужак не поверил и снова насмеялся над нею: «Откуда ты возьмёшь себе таких слуг?»

Она ответила: «Сотворю!»

И расстались они, и минуло несколько зим. Чужак уже почти забыл женщину, с которой сладко почивал и кувыркался на пушистых шкурах. И вдруг Нархана вернулась, да не дряхлой старухой на пороге смерти, как следовало ожидать — вернулась в цвете зрелой красоты и великого колдовского могущества. Пришла она, а с нею верные слуги её — Тени.

Колдунья повелела им принять облик сородичей чужака, какими запомнили их стихии Голкья с давних пор. Сильно удивился чужак и на краткий миг растерялся. И окружили его Тени, и напали, и одолели числом, ибо поодиночке слуги Нарханы всё-таки не равнялись ему ни колдовской силой, ни воинской сноровкой. И долго Нархана держала в плену своего прежде любезного, издеваясь над ним. Требовала признать её победу в их давнем споре. А

чужак слушал, как через жестокий обряд Нархана творила из живых охотников — безвольные и бездумные подобия его сородичей, и проклинал день, когда связался с безумицей. А Нархана гневалась всё сильнее, ибо слуги её, Тени, так и льнули к пленнику. Чужали в нём свой прообраз и недостижимую для них полноту истинной жизни.

Испугалась ведьма, что однажды встанут Тени на его сторону — против своей создательницы. И решила сотворить над чужаком тот же самый обряд, обратить его в Тень, забрать себе его долголетие и его колдовской дар. Опоила она чужака зельями, уложила на камень-алтарь и под злую песнь рассекла его тело. Но в чёрной крови не нашлось ни лучика света, и пещерный мрак ослепил ведьму. Камень-алтарь ушёл в недра Голькья вместе с жертвой, однако Тень чужака на зов Повелительницы так и не явилась.

Много Теней сотворила после этого Нархана, но на других алтарях и только из охотников. И образы чужаков Теням своим больше никогда не придавала.

Когда мальчишка Стурши дослушал сказку, он почему-то сразу спросил бабуку, кто мог в таких подробностях поведать сказителям о единственной неудаче Повелительницы Теней? Услышал, что, якобы, Тени и поведали, пока бродили среди охотников неприкаянными после гибели Нарханы. Нынче, вероятно, он мог бы разузнать всё сам...

Оказалось, Тени-сновидцу не нужно даже никуда ходить, достаточно полюбопытствовать. Видения прошлого рассеялись, и Стурши в плотном призрачном облике оказался в чужом Доме Теней. Он удивился, как легко нарушил приказ Скундары... Или не нарушил? Если пещера не имеет выхода на поверхность...

Обитатели Дома чуть коснулись его — и отступили. Тяжкий смрад, хуже гнилой рыбы, ударил в ноздри. Чтобы не вляпаться в источник зловония и не расшибить башку о низкий свод, Стурши затеплил на ладони колдовской огонёк. Однако даже на свету не сразу сообразил, что именно видит перед собой.

Чьё-то непропорционально длинное тело, растянутое на камне-алтаре, разлагалось... Живое? Стурши ошалело считал редкие, размеренные сокращения тёмного желвака — сердца в раскрытой грудной клетке. Там ещё что-торосло по бокам, вроде нового ряда рёбер... На четвёртом ударе Стурши скользнул взглядом ниже, на ослизлый, перекрученный ком внутренностей там, где когда-то был живот, на торчащие из распадающейся плоти тазовые кости, на чёрные, маслянистые потёки по тёмному камню. Подавил рвотный позыв, глянул выше... У насквозь прогнившего тела было на удивление целое лицо и огромные, глубоко запавшие глаза сплошной черноты. Стурши невольно шархнул от этого взгляда — распятый на алтаре тут же сомкнул веки.

И заговорил!

Нет, не вслух, вряд ли такое было возможно. Но на безмолвную речь он где-то нашёл силы. Внутри головы Стурши его голос прозвучал уверенно, властно, требовательно: «Чья ты Тень?»

Стурши выдернул из поясного кошелька доверенный ему на хранение нож, выставил перед собой и ответил, сообразно приказу Скундары: «Я — сновидец Стурши. Я сам по себе!»

«Кто прислал тебя?» — продолжал допытываться полутруп.

«Я пришёл сам!»

«Зачем?»

«Любопытствую, правду ли сказывают старухи про единственное неудачное жертвоприношение ведьмы Нарханы?»

Тот, на алтаре, видимо, не ожидал услышать подобное, он даже глаза приоткрыл.

Странно, теперь в этих глазах были вполне заметные белки, чернота сошлась в радужку и зрачок. А взгляд — всё равно жуткий: Стурши не встречал, чтобы живые так смотрели. Может, некоторые жертвы Великого Безымянного, незадолго до конца...

Убраться бы подальше: не от опасности — от мерзости разложения. Но вместо этого Стурши жадно изучал обличье своей находки, выхватывая диковинные, совсем не охотничьи черты. Сухая, тонкая, мелово-бледная кожа в серых прожилках сосудов плотно обтянула череп. Спёкшиеся в коросту губы застыли в страдальческом оскале, не прикрывая мелких ровных зубов. Острый подбородок. Тощая, голая кадыкастая шея... На месиво ниже ключиц лучше не смотреть... Нос — тонкий и востренький. Скулы — углами, впалые виски и непривычно открытый, будто залысый, лоб. Длинные космы, чернее пещерного мрака, утекают куда-то за алтарь... Чужак. Похож на Нимрина, которого Стурши едва не зарезал. Больше никаких сомнений, что все эти Иули, древние и новые — одной породы...

Чужак щурился на крошечный огонёк и медленно, с трудом поводил глазами. Молчал. Молчание давило...

Стурши не выдержал, спросил первым: «Ты и есть — пришелец из-за звёзд, любезный Нарханы?»

«Был.»

«Значит, Тени тебя не приняли?»

«Как видишь.»

«Но почему ты до сих пор не помер?»

«Камень хранит меня, питает и не отпускает» — обречённость проскользнула в этих словах. Чужак помолчал, потом добавил с прежней властью. — «Сними меня с алтаря, любопытная Тень.»

«С Камня, который хранит тебя и питает? То есть, ты хочешь, чтобы я тебя добил?» — уточнил Стурши.

«Да, понятливая Тень.»

«И ты напоследок даже водицы испить не попросишь, как во всех сказках?»

«Мне уже не надо. Просто отвяжи, сними с Камня.»

Стурши, смиряя отвращение — в жизни он был страшно брезглив к любой тухлятине — покосился на исковерканный торс чужака. Чуть не спросил, сильно ли это болит, но сдержался. Нет, жалеть-сочувствовать Стурши никогда не умел, просто ворочалось в башке нечто о себе, не вспоминаемое, и скреблись вопросы. Почему воля недотёпы Скундары гнёт лихого колдуна-беззаконника, как ветер траву? Почему воля полудохлого чужака — тоже гнёт, едва ли не сильнее? Не до раздумий, не до вопросов! Молча полоснул ножиком-улу по ремню на иссохшем запястье...

Порыв ураганного ветра вышиб сновидца из сна: опрометью, разом. Стурши подскочил с места, запутался в шкурах, упал... И уже наяву услышал безмолвную речь: «Не вышло. Жаль. Тень, приведи ко мне живого, во плоти. Может быть, живой сможет освободить меня.»

Стурши спросил, не особо надеясь на ответ, ведь любезный Нарханы во всех сказках оставался безымянным: «Скажи, к кому мне звать живых? Как твоё имя?»

Чужак отозвался почти мгновенно: «Онга» И замолчал: то ли сказал всё, что хотел, то ли исчерпал силы.

Старательно отмывшись от воспоминаний о зловонной мерзости, хорошенько подкрепившись, Стурши ещё раз попробовал заснуть в тот Дом Теней — не смог. А ещё он

ничего не скажет про Онгу Повелителю Скундаре: незачем. Стурши совершенно точно знает, какой живой там нужен. Кого, единственного, пропустят Тени, хранящие Дом. Да вот как теперь подступиться к нему — после ножа в спину?

Больной спиной — к серому Камню. Может, в круге и опасно, однако наружу течёт ровно то, что нужно Ромиге для арканов самоисцеления. Нав устал от разминки, в прямом смысле — выдохся. Он слаб, удручающе слаб! Рубец на сердце нарушил правильную конфигурацию кровотока, это надолго, это не пройдёт само собой. Если ему повезёт, то со временем компенсируется. Главное, постоянно иметь вдоволь магической энергии, не перенапрягаться, не голодать. Лихо звучит: в чужом суровом мире, где даже статус его толком не определён, и ни дня без приключений...

Правда, приступ паранойи, насчёт принадлежности к Теням, Ромига, поразмыслив, преодолел. Решил, что ныне покойный Наритьяра Средний сойдёт за стороннего эксперта, а он не посчитал пленника нежитью. Обращался... Противно вспоминать, как общался, но не как Латира с Мули. Проанализировав доступную информацию, Ромига успокоился и даже наметил планы: скромные, чтобы выдержали столкновение с действительностью. Слушал ночь, слушал стихии Голкья. Митая своей белянкой создала некоторые возмущения, и с гор вновь идёт непогода, но глобально всё успокоилось, это очень хорошо. А сама способность слышать местные стихии — плод симбиоза с Вильярой... Вот и первый пункт плана: осмыслить всё, что нав получил от мудрой, соотнести с тем, что мог и умел он сам. С учётом временно утраченного геомантского дара, и без него. Ромига начал эту увлекательную работу с первого дня на Голкья и не прекращает. Главное, должен завершить её к моменту, когда симбиоз будет разорван: по инициативе Вильяры, или по его собственной.

Зверушка выбежала из-за Камня, откуда-то сзади. Проскакала по снегу, села столбиком в десяти шагах: по-местному — прошмыга, а на вид — белка, как есть. Крупная, чёрная, без кисточек на ушах, но и на Земле водятся похожие разновидности.

Любой нав умеет подманить к себе живой символ дома, Ромига — не исключение. Любопытно, сработает ли здесь? Сработало. Через несколько минут прошмыга устроилась у нава на коленке, уплетая орех. А скоро он уже наглаживал и начёсывал пушистые бока под довольное посвистывание. Даже удивительно... Нет, то, что белка далась в руки наву, это нормально. Странно, что дикая тварь ластится умело и старательно, будто приученная к ласке домашняя любимица.

Ромига вспомнил, как похожая живность путалась под ногами в Снежных Норах. Словно хотела предупредить, да только непонятно кого: нава или спящего беззаконника? Латирино мнение по этому поводу известно. Ромига заглянул в чёрные глазёнки зверька, прикинул, каким бы арканом просканировать, и что, конкретно, искать...

— Нимрин! Нимрин! — окрик от иглу, внезапно.

Прошмыга опроремью метнулась к ближайшим кустам. Нав мог бы её удержать, но с шансами, придавил бы. Лучше потом подманить заново.

«Вильяра, я здесь, у Камня. Не кричи, ты мне всю добычу распугала».

— Прошмыг в начале зимы не едят! — пренебрежительно фыркнула мудрая, подходя ближе и склоняясь к следам на снегу. Двигалась колдунья медленно и неловко, словно побитая, хотя физически была цела. Голос звучал глухо, и выражение лица Ромиге совсем не понравилось.

— Ты ушла с Совета?

— Да. От шума лопается голова, никакие чары не помогают. Старый остался за нас двоих. Как только будут решать что-то важное, он меня позовёт. А я хочу отдохнуть, заодно посмотрю твою рану. Пошли в иглу.

Пробираться сквозь узкий коленчатый лаз было всё ещё неприятно, но уже не так, чтобы тормозить из-за этого. Ромига уселся на шкуры спиной к мудрой, расстегнул и спустил с плеч комбинезон. Как мог, выпрямился.

Тёплые ладошки легли ему на загривок, под тихую песнь заскользили по коже, унося болезненное напряжение мышц, вернее, того, что от них осталось. Вильяра снова фыркнула, но без комментариев. Велела Ромиге лечь и принялась растирать и разминать ему спину всерьёз, уделяя внимание и целой стороне, и пострадавшей. Свежий рубец ныл, тянул, однако удовольствию от массажа почти не мешал, нав даже начал задрёмывать.

Закончив, Вильяра укрыла Ромигу меховым одеялом и тихо сказала:

— Рана затянулась очень хорошо. Я не ждала, что заживёт так ровно, и ты так быстро встанешь на ноги. Хорошо.

А судя по голосу, ничего хорошего. Вопрос только, где и что плохо?

— Я стараюсь, — пробурчал Ромига, лёжа носом в шкуры.

— А я-то как старалась! Но почти не надеялась... Таким тебя уже можно показывать Совету.

Нав встрепенулся:

— Расскажи, что там?

— А, щуровы пляски под полной луной! — выдохнула мудрая. Легла рядом навзничь, закинула руки за голову, прикрыла глаза. — Нельмара с Наритьярой созвали всех-всех-всех. Сами пошли проверять круги и где-то застряли. Надеюсь, просто застряли в круге, а не провалились в чью-нибудь ловушку. Сначала мы просто ждали их. Праздновали окончание Великих Песен. Оплакали тех, кто не допел. Потом стали обсуждать Наритьяр... Вот тут-то ключья во все стороны и полетели. Кто виноват больше? Что за это заслужил? Из полезного — нашлись желающие сходить со мной за телом Старшего. Из грустного — ледник отдал нам ещё сорок шесть мертвецов. Мама — там. Глупо было надеяться... После стольких зим... Но я... Я сразу узнала куртку, а всё равно...

Вильяра судорожно всхлипнула, Ромига придвинулся ближе.

— Нимрин, не трогай меня сейчас. Поцелуями ты горе не утетишь, а песни я сама умею. Просто помолчи.

Искала бы мудрая полного уединения — не пришла бы сюда отдыхать, не позвала его в иглу. Но вслух ничего такого Ромига не сказал. Лежал рядом и ждал, пока дыхание Вильяры выровняется, а из-под белых ресниц перестанут катиться слёзы.

— Нимрин, многие мудрые пожелали услышать твой рассказ, как умер Наритьяра Средний, — вновь заговорила она. — мудрый Латира ходил за тобой, вернулся один и сказал, что ты в круге. Потом Латира ещё раз уходил и вернулся с девочкой — Тенью. После этого тебя уже никто не вспоминал. Мы все, кто помладше, увидели воплощённую Тень впервые. Мудрый Альдира с Арха Голкья, ученик старейшего Тмисанары, много рассказывал и показывал, как распознавать их среди охотников. Объяснял, как изгонять.

— И что вы с ней сделали? — переспросил Ромига. — Изгнали?

— Заперли до возвращения Нельмары... Если он вернётся... Нимрин, я, правда, очень-очень хочу сейчас отдохнуть. Чутьочку глухого, спокойного сна... Пожалуйста, постереги меня.

— Спи, мудрая, не бойся, — ласково улыбнулся нав. — У тебя ещё второе ухо не кусанное.

Кажется, шутка пропала втуне: Вильяра уснула мгновенно. Ромига устроился поудобнее, и, глядя на неё, принялся мысленно составлять описание охотников Голкья для библиотеки Цитадели. Чем дальше вычленял и классифицировал расовые черты, тем сильнее удивлялся своему вожделению к этой, в своём роде, красивой и даже разумной, но слишком звероподобной самке. На взгляд нава из Тайного Города... Как, бывало, старшие сородичи подтрунивали над увлечениями Ромиги вне Дома! Хотя связи с другими генстатусами для тёмных не под запретом, это личное дело каждого... Он поморщился, вспомнив расставание с прошлой пассией, Белой Дамой Милонегой. Сам спровоцировал, сам устроил скандал, сам выставил люду за порог босиком. Лишь бы его Милонегу, упрямая и своевольная, разобиделась всерьёз и уехала из Города, а не влезла в непонятную кутерьму... По итогам которой он — тут, а вместо Белой Дамы у него под боком вот это...

«Это» шевельнулось, нахмурило брови, невнятно пробормотало:

— Нимрин, не пялься, мешаешь спать.

За назойливый взгляд Ромига извинился не словом — невесомым прикосновением кончиков пальцев, теплом ладони над лицом, веянием уютной, убаюкивающей Тьмы. Сам разучился видеть сны, но по-прежнему умел сделать чужой сон глубоким и безмятежным, на время утолить тоску, боль потерь и просто боль. Песенки охотников — не единственный способ, Ромига тоже кое-чему учён. А спросили бы, зачем он это делает? Милонегу — далеко и потеряна, Вильяра — близко и нужна. Заботясь о ней, он косвенно заботится о себе. Какими бы силами ни повелевала мудрая по долгу служения, сейчас она надломлена, уязвима. Что её доконало? Трупы во льдах или грызня живых? Почему, будучи в тяжком раздрае, она пришла не к тому же Лембе, а к чужаку, наву, и доверила ему стеречь свой сон? В Тайном Городе подобное почти немислимо, или очень плохо кончается. Хотя и здесь-то пока не закончилось! Ромига как бы выполнил свою часть договора, помог мудрой против беззаконников в её угодьях. Вильяра к своей части даже не приступала. Но пока она не восстановит кондиции, с неё просто нечего взять. Вспомнилось человеческое: «битый битого везёт». А охотники выражаются ещё образнее: «однокрылые кричавки вдвоём пытаются лететь».

Стурши страдал скукой: томился, маялся, изнывал. Вскоре после того, как Латира утащил Митаю в Пещеру Совета, Повелитель Скундара безмолвно обругал свою Тень на двадцать щуровых колен и строго-настрого запретил Стурши как-либо проявляться в дневном мире за пределами убежища. Даже снов не велел смотреть! Стурши не мог послушаться, воля Повелителя давила беспощадно, как мокрая лавина. Однако желал иного отчаянно и безнадёжно, с неведомой прежде тоской и тревогой.

Послонулся из угла в угол — не помогло. Погрыз вяленого мяса — не насытился. Стал починять прохудившийся сапог — исколол руки, спутал нить и бросил. Нет, всё не то, всё не так... Достал из кошелья старый улу, долго грел его в ладонях, пока не полегчало. Пока не ощутил: гнёт чужой воли слабеет. Можно хотя бы увидеть во сне, как звери загоняют стадо рогачей, как отбивают одного, валят и рвут, как льётся на снег жаркая, сладкая кровь, и самому выпить её свет. Это хватит до встречи со Скундарой. А дальше можно замахнуться на большее.

Скундара, на самом деле, слаб и глуп. Даже не запретил своей Тени причинять Повелителю вред: ума не хватило! Думает, раз повелевает, раз его беспрекословно слушают, ничто ему не грозит? Будто он плохо знает беззаконного колдуна, умельца бить в спину! А хорошо бы Скундару не просто ударить и убить. Надо убить его так, чтобы тоже обратился в Тень! Зарезать этим самым ножом на одном из зимних, ночных Зачарованных Камней, а лучше — в круге, а ещё лучше — на алтаре Дома Теней. По полному обряду Нарханы, чтобы старые Тени наелись досыта. Чтобы потом легче было призвать недопосвящённого недоумка в дневной мир, в полном сознании и памяти — и показать ему его место!

Стурши не знает песен Нарханы, но это не беда. Главное, взять в руки нужные вещи: одна уже с ним, остальные ждут его в Доме Теней. Беззаконник улыбнулся и нежно погладил улу по лезвию, поблагодарил за подсказку. Ножик по-прежнему не желал крови Стурши, зато оба они, вместе, жаждали крови Скундары! Обретя цель, лелея замыслы, намного спокойнее стало ждать.

Колдун пешком, чинно и неспешно, будто какой-нибудь мудрый, спустился в нижнюю пещеру до самого Дома Теней. Покормил обитающих там светом светильника и долго сидел с ними, закрыв глаза и почти не дыша. А когда собрался заново разжечь огонь, внезапно обнаружил, что больше не нуждается в свете: зрение неведомым образом приспособилось к пещерному мраку. Осмотрелся с любопытством и вдруг разглядел прежде не заметную подробность: дверь в углу залы.

На всякий случай спел приветственную песнь и лишь после этого откатил дверной диск. Опасливо заглянул в небольшую, явно рукотворную комнату. Там нашёл очаг с дымоходом, запасом дров и растопки. А в стенных нишах — колдовскую утварь. И снадобья, очень много, в тщательно укупоренных горшках и склянках, в зачарованных от сырости мешочках.

Из знаков на ярлыках, общепринятых у травников, Стурши помнил, от силы, двадцатку. Здесь было двадцатью двадцать и почти все — незнакомые. Зато обонянием Стурши всегда гордился, а чутьё, сродни его новому зрению, подсказало, что здесь для него опасно, а что может пригодиться. Из огромного запаса нужны-то всего три-четыре зелья. Стурши спрятал в карман склянку с сонным порошком: может хватить и его одного. Остальные не стал пока

трогать с места, просто запомнил, где стоят.

Подошёл к нише, где клубилась мгла, непроглядная даже для его новых глаз. Передёрнул плечами, решаясь окончательно — и протянул руки в дышащую мглой дыру. Тугие петли мигом захлестнули запястья и рванули его вглубь, но Стурши был настороже, смять и утянуть себя не дозволил. Упёрся ногами в пол и стену под нишей, плечом — в её верхний край. Дёрнул на себя, извернулся, перехватил рукой один жгут, потом другой... Боролся отчаянно, как с выводком голодных подкаменников: тех тоже удаётся вытянуть из норы только всем клубком. Боролся — победил. Соппротивление разом ослабло, Стурши отлетел и шлёпнулся на задницу. Посидел, переводя дух и разглядывая свою добычу. Моток ремней выглядел теперь совершенно безобидно: добротная, ухоженная сыромятина из рогача. Стурши распутал и смотал четыре ремешка по отдельности, повесил на руку, встал и вышел в залу.

Алтарь-камень уже ждал. Пришёл сам, без приглашения!

Ещё одна приветственная песнь, и Стурши продел ремни в проушины Камня. Теперь алтарь не канет в недра Голкья, пока не получит жертву. Колдун ухмыльнулся, потирая руки: Скундара даже не догадывается, какое уютное ложе ему приготовлено! Жаль, Стурши не придумал, как устроить, чтобы недопосвящённый недоповелитель испытал обряд от начала до конца, в полном сознании, а Стурши пил свет из его крови вместе со старыми Тенями. Но вдруг, Скундара успеет ему что-нибудь приказать и этим испортит всё дело? Нет уж, Стурши заглянет в глазоньки Скундары после того, как призовет Тень обратно.

Большой совет покатился кувырком с самого начала. Мудрые собирались в спешке, взъерошенные, злые, усталые, будто весной. Наперекор беде в своих угодьях, Альдира явился в назначенное время: правильный счёт времён и расстояний — достоинство мудрого. Бестолковые ученики Наритьяр, зачастую, плохо вычисляли взаимный ход Голкья и Солнца, разницу времени в отдалённых местах. Однако никто не опоздал более, чем на тридцать вторую солнечного круга — кроме объявивших срочный сбор!

Нельмара и Наритьяра ушли проверять Зачарованные Камни и сгнули, не отвечая даже на мысленную речь. У Альдиры были догадки, почему так, и он безмолвно поделился ими с Латирой. Тот согласился, тоже безмолвно, но очень затейливо помянув щуров.

Двое старых друзей заранее договорились с Нельмарой и между собой: искать затенённых. Но никто из мудрых, собравшихся в Зале Совета, не был мечен Тенями явно, как должен быть отмечен Повелитель. А смутные следы несли на себе многие, после Великих песен это в порядке вещей. Самый сильный след — на самом Альдире: он черпанул силы у осквернённого Камня на Рыбьей горе. Латира не замедлил потыкать ему в больное, и они слегка поругались. Но зла в безмолвной перепалке не было, Альдира сам понимал, что сгоряча Повелителем Теней могут посчитать именно его. Он же знает о Тенях больше всех живущих? Да, знает. Ну, и вдруг, воспользовался? Да, правда, при живом Наритьяре Среднем Альдира думал об этом, но пока взвешивал все «за» и «против», просчитывал отдалённые последствия, стало поздно. Средний раскачал «качели смерти» и сдох. После этого призвать Теней можно было уже только сдуру — или в недалёком расчёте: обрести силу, насладиться властью. Властолюбцы среди мудрых водились, и теперь, когда сгнули самые опасные из них, кто-то мог попытаться удачи. Но больше подозрений у Альдиры вызывали слабаки. По совпадению, или нет, Теней накормили после того, как Нельмара всем повелел петь Великие песни...

А Нельмара никак не возвращался, не объявлял начало совета. Через шестнадцатую от полудня, по праву старейшего в собрании, на возвышение в центре Залы взобрался мудрый Ркайра и велеречиво поздравил братьев и сестёр с окончанием Великих Песен. Ему ответили надорванными, нестройными голосами. Такой же сиплой, надтреснутой вышла и прощальная песнь по погибшим. Да, «качели смерти» обошлись Голкья не так дорого, как могли бы, но дорого: пяти кланам предстоит избирать новых мудрых. Ркайра не стал разглагольствовать об этом долго: призвал всех терпеливо и спокойно ожидать возвращения Нельмары, после чего спустился с помоста. Старейший имел право повести совет вместо отсутствующих глав: постоянного и временного, но не стал. Тоже в своём праве.

Все ждали Нельмару или вестей от него. Нет, мудрые не страдали от безделья: обсуждали новости, вершили между собою дела своих кланов. Многие принесли с собой еду, теперь подкреплялись сами и делили припасы с соседями. Другие залегли спать: тут же, в большой Зале, или по гостевым комнатам. Очень разумно! Глухой сон возвращает телесную бодрость и ясность мысли примерно за восьмушку солнечного круга, а кому-то достаточно и меньших долей. Но большинству мудрых не елось, не спалось, не говорилось мирно. В Зале Совета тут и там, одна за другой вспыхивали перепалки, свары... А, вот и до драки дошло!

Молодые архане сцепились с молодой инари. Соседи Альдиры: Рийра, Мьюнкара,

Скундара и Тхира наскочили на Вильяру — соратницу Латиры — из-за того, что какие-то Вилья, якобы, устроили поножовщину в Ярмарочном поселении, и кто-то из приезжих погиб. Теперь архане требовали ответа с хранительницы клана, почему её охотники, в её угодьях творят беззаконие? В ответ хранительница спросила, почему архане до сих пор на ярмарке Вилья? Договорились же — увести всех!?! Слово за слово... Рослый Рийра первым замахнулся на Вильяру кулаком. Женщина ловко уклонилась и тут же заехала ему в глаз. Не глядя, пнула заходящего со спины Мьюнкару, а Скундара получил локтем в брюхо... Мудрая дралась стремительно и свирепо, как дикий подросток с ярмарки: сила, рост, количество противников её не заботили. Здоровенные увальни топтались и сталкивались, мешая друг другу, но никак не могли ни толком попасть по ней, ни схватить. Вот Скундара попятился из свалки, шаря по поясу, словно в поисках ножа...

Тхира отступил назад, истошно завопил:

— Прекратите! Хватит!

— Вы бы тут ещё поколдовали! — скрипучим голосом недовольной няньки прикрикнул на дерущихся Ркайра.

Вильяра мгновенно выставила щит и просто расшвыряла в стороны наседающих на неё парней. Выпрямилась, тяжело дыша, вытирая кровь из-под носа, зло сверкая серебряными глазами. Никто не стал пробивать плотный мерцающий купол, ума хватило. А Скундара с досадой поморщился, сжал у пояса пустой кулак — опасно глянул по сторонам, опустил руку.

Мудрый Латира возник у места драки и взял архан в оборот. Альдира скупно улыбнулся: старый друг, правда, воспрянул, отрадно его видеть и слышать... Вильяра сбросила щит и скромно, по-ученически встала позади Латиры.

— Мудрая Вильяра, а где твой прежний учитель, Наритьяра Старший? Говорят, ты его убила? — выкрикнул с другого края Залы молодой островитянин Аргира, братец Рийры по уму и удаче...

— Что!? Я убила? — вскинулась мудрая, ещё не остыв от драки.

— Охотники говорят, ветры свищут, вода плещет, угли потрескивают...

— Марахская трава знаки рисует! — закончила Вильяра за Аргирю и оскорбительно расхохоталась. Громко продолжила, не давая островитянину перебить её. — О мудрые, слушайте меня все! Я знаю, кто и как убил Наритьяру Старшего, но не хочу говорить об этом до начала совета. Я знаю, где лежит тело моего первого учителя. Я могу достать его, пока мы ждём хранителя знаний. Но мне нужна ваша помощь. Десять мудрых, или дюжина. Те, кто ловко ходит изнанкой сна: сами и по чужому следу. Те, кого слушаются лёд и вода. Тело в ловушке, в толще ледника. Много тел. Я не знаю точно, кто ещё там лежит, думаю, все сгинувшие недруги Наритьяры Старшего. Помогите мне достать их, чтобы мы могли опознать их и оплакать!

Громкий гомон и выкрики были ей ответом, но чуть погодя двадцать с чем-то мудрых вскинули руки. К удивлению Альдиры, вызвался один из драчунов, Скундара. Никудышный сновидец, слабосилок... Надеялся ли он помириться с Вильярой или, наоборот, продолжить свару, неизвестно: Вильяра его не выбрала, в своём праве. Арханин гонял желваки по скулам и то судорожно шарил у пояса, то спохватывался и опускал руку. Так навязчиво тянутся даже не к оружию — к сильному амулету, без которого тяжело жить. Но как мог мудрый потерять важный амулет, или почему он снял его, идя в Пещеру Совета? Очень подозрительно! Аура Скундары прозрачна, будто вода в озере: не солнечная, не затенённая. Слишком спокойная

для того, кто недавно пел Великую Песнь на пределе сил. Альдира прикинул, как такое получить, будучи Повелителем Теней? Даже придумал, но отверг мысль, как слишком безумную. Стал наблюдать дальше.

А Вильяра собрала ватажку мудрых разного возраста и с разных Голкья. Своей «Правой рукой» назначила ближайшего соседа, матёрого Стиру. Взяла ещё четверых, кого Альдира знал и уважал. Можно надеяться, эти мудрые исполнят должное, будут надёжными свидетелями, и не пострадают по глупости-неосторожности. Из архан шла Ульдара, Альдира подмигнул ей, желая удачи, хитруша-соседушка подмигнула в ответ. А Вильяра внезапно поманила к себе островитянина Аргиру. Спросила:

— О мудрый Аргири, пойдёшь ли ты с нами? Расскажешь потом всем своим друзьям всё, что увидишь. А то стыдно всё время пересказывать дурацкие сплетни!

— Я же не вызывался! — опешил Аргири.

— Зато не скажешь потом, что вызвались все подставные, а я с ними заранее договорилась. Ну, идёшь?

Аргири сделал неуверенный шаг вперёд, а Вильяра уже звала Тхиру, из драчунов.

— О мудрый Тхири, пойдёшь ли ты с нами? Ты умный, ловкий и осторожный! За тебя я спокойна, что ты сдуру не свалишься в трещину.

Тхири замялся, метнул смущённый взгляд на приятелей, но всё-таки шагнул вперёд.

В итоге их стало пятнадцать, считая Вильяру. Они сначала наметили, что и как будут делать. Потом легли на шкуры и уснули, но пока не исчезли. Разведывать опасное место спокойнее и легче в призрачном обличье.

А Скундара всё теребил и теребил свой пояс. Встретился взглядом с Альдирой — поспешил отвести глаза, будто испугано. Да что с ним такое? Раньше встречались по соседски — не боялся. И на прошлом совете... Было ли у него тогда что-то на поясе? Да, вроде, какой-то кошелёк. Маловат для оружия, для амулета — в самый раз. Хватался ли за него Скундара? В глаза не бросилось, но кто бы запоминал такую мелочь!

Альдира решил пока больше не пугать соседа и сосредоточился на других сёстрах и братьях по служению. Мудрые двухсот семидесяти восьми кланов, да пятьдесят шесть старейших не сидели все дружно в Зале, а разбрелись по огромной Пещере Совета, древнему дому Иули, устроенному сложнее охотничьего. Кто-то отдыхал, кто-то секретничал. Аргири тоже слонялся теперь по коридорам, залам и комнатам без видимой цели, то один, то присоединяясь к кому-то. Смотрел, слушал, беседовал. Но Повелителя Теней среди мудрых по-прежнему не находил!

Устал и прилёг вздремнуть.

Латира разбудил зовом. Вернулась Вильярина ватажка... Нет, ещё не вернулась, Вильяра попросила помощи... Страшной помощи! Сорок семь изувеченных, заледенелых тел нужно переправить с ледника в нижние кладовые Пещеры Совета.

Альдира тихонько, жалобно заскулил: утром нёс убитую Руну, не успел отогреться, и вот, опять! Никто не услышал постыдного звука, а безмолвная речь мудрого осталась уверенной и спокойной: «Иду.»

Надеть сапоги и куртку, покрепче подпоясаться. Зов Вильяре — её ответ. Закрывать глаза...

Открыть глаза и забыть... Увы, не выйдет... Альдира снова в Пещере Совета, в какой-то из гостевых комнат. Глокает, обжигаясь, травяной взвар, от дрожи его пальцев в кружке гуляют волны. Слева, плечом к плечу, давится кипятком и слезами мудрая Ульдара. Справа

Тхира неподвижно уставился в пламя светильника. Вильяру мудрый Латира отпаивает сам: заледеневшие руки она спрятала подмышками, а лицом слабо отличается от тех, кого они положили внизу. Островитянин Аргира с головой укутался в шкуры, слышно только, как он там зубами стучит.

Мудрый Альдира пихнул Тхиру локтем в бок, сунул ему под нос кружку:

— На, хлебни.

Тхира не слышал. Пришлось отставить питьё, встряхнуть за плечи — не помогло! Нахлестать по щекам и всё-таки вывести из оцепенения... Вот! Хлебнул горячего — ожил. Вспомнил, что он мудрый, а не юнец, впервые повстречавший смерть на охоте. Допил кружку, зачерпнул из котла и сам пошёл вытряхивать из шкур и поить Аргиру.

Мудрые постепенно отогревались: и от лютого высокогорного мороза, и от холода близкой дурной смерти. Нет на изнанке сна груза тяжелее!

Латира скребнул кружкой по дну котла — наклонил и слил остатки через край. Спросил, не заварить ли ещё?

— Заварить, заварить, — откликнулись ему уже вполне живыми голосами.

А потом их всех позвали, и они вернулись в Залу Совета. Остальные мудрые уже сидели по местам, а на возвышении стоял Ркайра. Скорбно покачивая головой, он дождался, пока они пройдут и сядут, потом объявил:

— По праву старейшего в сегодняшнем собрании, я объявляю: место постоянного главы Совета отныне свободно. Голкира, которого мы ждали много лет и зим, сегодня найден убитым. Вместе с ним в ледяной ловушке убитыми найдены мудрые...

Старик начал перечислять, и в огромной Зале повисла мёртвая тишина, а после зазвучала, второй раз за день, погребальная песнь.

Утихли последние отзвуки, и Ркайра продолжил:

— Там же найден убитым и Наритьяра Старший. Вильяра мудрая утверждает, что он последним погиб в собственной ловушке. Пока мы не выясним все обстоятельства, петть по нему мы не станем.

Уже не мёртвая, но насторожённая тишина — ответом.

— Там же найдены семь тел убитых охотников, из которых пока опознали троих: двоих купцов Джуни и знахарку из Вилья, мать Вильяры мудрой...

— Её звали Уюни! И да не прозвучит больше имя её ни вслух, ни безмолвной речью, но останется в памяти всех, кто знал её и любил, — выкрикнула с места Вильяра и горестно взвыла.

Кто-то из мудрых поморщился на грубое нарушение этикета, но Вильяра так невыносимо давилась горем, что многие подвыли ей, а потом дружно завели песнь умиротворения. Вильяра сидела, закрыв лицо руками, Латира и Стира обнимали её за плечи с двух сторон.

Горевала, до слёз, не одна хранительница Вилья: многие сегодня утратили надежду когда-нибудь повстречать друзей. Все знают, что мудрый способен вернуться с той стороны звёзд, выйти живым из льда воды огня. Но чудовищная ловушка устроена была так, чтобы не оставить жертвам ни единой возможности...

— Мудрая Вильяра, ты обзавелась уже двумя заботливыми учителями вместо убитого? А скажи-ка нам, мудрая, где твой грозный воин-чужак, который убил Великого Безымянного? Или он — твоя Тень? Нас же позвали сюда ловить Теней? — звонким голосом осведомилась Къяра, ещё одна молодая островитянка.

Альдира поморщился: как так можно? Что за кубло подкаменников развели Наритьяры? «Щурова прорва! Ещё немного, и некоторым островным кланам тоже придётся выбирать себе новых мудрых! Сам изгоню поганцев!» — Латира был настолько зол, что его безмолвная речь отозвалась у Альдиры головной болью.

«Но обрати внимание, дружище, как светлы их ауры! Опасаюсь, Средний подбил там кое-кого на обряд-другой. Например, на «солнечное поклонение» на собственной крови. Надеюсь, не на чужой!»

Вильяра отняла руки от лица, и хотя на щеках её блестели мокрые дорожки, а голос охрип, она твёрдо ответила не Кьяре — всем:

— О мудрые! Воина Нимрина опасно ранил беззаконник Стурши. Воин Нимрин болен и не может пока предстать перед Советом. Проявите милость и терпение, позвольте ему поправиться.

— Покажи нам облик твоего воина, о мудрая Вильяра, — сказал Ркайра с возвышения.

Мудрая встала, встряхнула кисти рук, несколько раз откашлялась и запела, творя видение. Рядом с ней медленно соткалась из пустоты высокая, очень тонкая фигура в чёрном. Колдунья и чужак стояли одинаково: ноги — на ширине плеч, руки в боки, и одинаково угрюмо смотрели на старейшего.

Невнятный гул голосов и выкрики:

— Чёрный оборотень!

— Тень!

— Иули, ещё один!

— Давно их тут не видели!

— Нет, Тень! Она завела себе Тень!

— Пусть приведёт его и покажет!

— Или принесёт! Трупы таскала, не сгнула, принесёт и больного-беспамятного...

«Я сейчас точно кого-то убью!» — безмолвно рыкнул Латира.

«Меня? Головной болью?» — переспросил Альдира.

«Прости, друг. Не тебя.»

— Властью старейшего в этом собрании, я повелеваю! Мудрая Вильяра, приведи сюда своего воина, — возвысил голос Ркайра. — Мы должны увидеть его во плоти, расспросить и выслушать, как умер от его руки Великий Безымянный.

— Поганый перевёртыш Наритьяра Средний! — поправил кто-то из мудрых.

Вильяра упрямо мотнула головой — тающее видение повторило её жест:

— Прости, о мудрый Ркайра, я не могу пока никуда идти. Мой груз сегодня был слишком тяжёл. Ты сам сновидец, ты должен понимать. Меня же просто к шурам унесёт, если я сейчас ещё раз ступлю на изнанку сна, — она резко обернулась к сидящим. — Простите, мудрые, мне очень нужен отдых.

— Ей нужен, правда! — внезапно встал на защиту Вильяры островитянин Аргира.

Прежние друзья-приятели шарахнулись от него, а драчун Тхира — поддержал.

— О мудрые, если б вы знали, как это морозит, таскать таких убитых! Это ж страшно, как... Как я не знаю, что...

— Угадаться и помереть с перепугу, как летний зверь? А почему у вас штаны чистые? — загоготал Мьюнкара, тоже отодвигаясь от Тхиры.

Ркайра воздел руку, призывая к тишине, чуть выждал и спросил:

— Ты идёшь против воли Совета, о мудрая Вильяра?

— Против воли временного главы сегодняшнего собрания. У меня нет другого выхода.

— Ркайра, оставь её! — окликнул с места ещё один старейший, тоже сновидец, Тринара. — Что ты творишь? Тебя покусал Великий Безымянный?

Ркайра отмахнулся:

— Мудрая Вильяра, отвечай! Скажи мне, кто другой может выполнить моё повеление вместо тебя? Кто знает убежище твоего Иули? Или кому ты готова раскрыть его? Кто может привести сюда этого воина?

— Я знаю, — не дожидаясь ответа Вильяры, сказал Латира. — Я приведу Иули именуемого Нимрином, если увижу, что он выдержит путь сюда и наше общество. Но Ркайра, старейший, придержи-ка ты свои сани, ты же не Голкира! И не будешь! Не подвывай дурному молодняку, в твои года — стыдно!

С этими словами, Латира исчез, а мудрые загалдели с новой силой.

Альдира пристально вглядывался в ауру Ркайры, но и того проще было заподозрить в запретных солнечных обрядах, чем в кормлении Теней.

Вильяра вернулась на место, сжалась в комок, спрятала лицо в колени. Стира успокаивающе гладил её по спине, но она так и сидела, пока Латира не явился обратно — один.

— Мудрые, Воин Нимрин пребывает в круге Зачарованных Камней, но позже я непременно приведу его, — доложил Латира: всему Совету, а не Ркайре.

И снова гул и галдёж, чары Залы слегка глушат его, позволяя слуху выхватывать отдельные, самые внятные речи. А чьи, не разберёшь, не угадаешь.

— Как? Он ещё и в круги вхож, этот чужак? Он, точно, не Тень?

— Какая Тень! Он же с нами пел Великие, Тень так не может. Нельмара уговаривал его спеть за нас, только они не сошлись в цене.

— Да сошлись же! Только дурень Иули сел на ножик Стурши. Поэтому под конец пели уже все...

Альдира потряс головой: она всё сильнее болела.

Ркайра снова воздел руку, требуя внимания:

— Мудрые, пока здесь нет Иули Нимрина, повелеваю вам рассказать всё, что вы знаете о беззакониях Наритьяр: Старшего, Среднего и Младшего.

Джунира, сосед Наритьяр, выкрикнул:

— О Младшем поговорим, когда он вернётся! Нельзя судить мудрого в его отсутствие!

— Если вернётся, — с нажимом поправил его Ркайра. — И мы пока не судим, мы лишь узнаём, кто что знает. Братья и сёстры, пусть каждый поведает лишь то, что сам видел, слышал, ощущал и пережил. Пусть это будет чистая правда без домыслов и умолчаний. Я первым расскажу, чем прельстил меня Наритьяра Средний. Я объясню, почему некоторые его затеи до сих пор кажутся мне не просто соблазнительными — здоровыми. Слушайте, о мудрые!

Похоже, Ркайра готовил эту речь заранее. Такого гимна большому солнцу, таких подробных намёток преобразования Голкья ради будущих поколений охотников Совет не слышал даже от Среднего! Старик был убедителен. Мудрые притихли, внимая его словам, и даже Альдира, который всегда почитал лучшее врагом хорошего и придирчиво перепроверял в уме каждый более-менее понятный расчет, пока не находил, к чему бы придратся...

Нашёл Тринара: товарищ Ркайры по изысканиям и снам. Он прервал плавно текущую речь резким замечанием:

— Мудрый Ркайра, остановись! Ты сам велел рассказывать лишь то, что мы видели, слышали, ощущали и пережили. Конечно, мы с тобой видели расчеты и слышали объяснения наших иномирных друзей. Но ты опускаешь всё неясное и спорное, над чем они обещали поразмыслить. Умалчиваешь, что знающие чужаки так и не поняли, насколько Голкья отличается от их мира. Ни ты, ни я не смогли объяснить и показать им, как действуют не обычные силы стихий, а колдовские, и как влияют на стихии мудрые. Ни твой, ни мой знающий не ведают, какими средствами и с какой скоростью мы собираемся менять точку равновесия мира. Наша ворожба для них — сказка. Они просто решают умозрительную задачку, им в ней не жить. Говори же, как ты сам велел, не о мечтах и планах, а о Великом Безымянном ужасе, о несостоявшемся Солнечном Владыке, о Голкире — перевёртыше. Поведай мудрым, на какие обряды Наритьяра Средний успел тебя уговорить? Успел же, да?

Ркайру всего перекосило от злости. Но, к чести своей, мудрый ответил коротко и правдиво:

— Я сотворил «солнечное поклонение» в круге. Я пролил там только свою кровь...

Не дослушав его, мудрые взорвалась воплями:

— Вон! Вон!

— Запретным обрядом осквернённый, да будет изгнан! Таков закон!

— Вон с помоста!

— Пусть говорит дальше, мы тут, половина, такие!

— Перевёртыши — вон!

Ркайра вскинул обе руки, выкрикнул, усиливая голос ворожбой:

— Мудрые, дослушайте! Потом я сразу уйду!

Ненадолго притихло, и старейший продолжил.

— Да, я совершил «солнечное поклонение» тому, кого посчитал великим благом Голкья. Да, я сделал это по доброй воле. Да, потом я усомнился в правильности содеянного, позже разочаровался и ужаснулся, а под конец радовался гибели Среднего, как освобождению. Я знаю в этой Зале ещё дюжину добровольцев и не меньше двадцати, кого Средний вынудил совершить «солнечное поклонение». Назвать имена? Или назовётесь сами? А про другие запретные обряды вы тоже всё расскажете?

Голос Старейшего снова потонул в шуме.

— Вон с помоста! Вон с помоста! — ритмично, в унисон, выкрикивали одни.

— Изгнать! Изгнать! Изгнать! — орали другие.

А обладатели самых светлых аур молча вставали со своих мест и шли к выходу, но не покидали Залу, а сбивались в небольшую, но всё более плотную и грозную толпу.

Когда из этой кутерьмы исчез Латира, Альдира даже не заметил. Зато обратное явление старого прошмыги не пропустил никто! Латира вышел с изнанки сна на возвышении, рядом со всё ещё стоящим там Ркайрой. Именно вышел, ногами, как самый умелый сновидец. Да не один — сам-двое: притащил за шкурку молодую охотницу. И сразу же возгласил, перекрывая шум колдовством:

— Смотрите, о мудрые! Вот юная Тень! Беззаконник Стурши призвал её в дневной мир! Смотрите, слушайте, оставьте все ваши споры и распри!

Мудрые произвольно шарахнулись в стороны: все они умели видеть ауру. Ркайра тихонько, бочком слез с помоста и затесался в толпу солнечных. Те сдвинули плечи ещё плотнее, но пока ничего не делали.

— Это пойманная Тень, и нам она уже не страшна, — сыто облизнулся Латира. —

Слушайте и смотрите, о мудрые! Старейший Ркайра только что по доброй воле покинул место временного главы Совета. По старшинству я не могу занять это место. Однако могу — по праву знающего, что нам делать вот с этой бедой, — он тряхнул девчонку за шиворот, та мотнулась безвольно, словно давленная дичь. — «Альдира, пожалуйста, помолчи ещё чуточку!» — В другой день я мог бы встать на главное место, но сегодня среди нас есть более знающий. О мудрый Альдира, примешь ли ты у меня из рук добычу? Встанешь ли ты на этот помост?

Альдира поднялся со своего места. Медленно, важно, ступая к середине Залы, широко улыбнулся:

— Мудрый Латира, нам хватит этой добычи на двоих. И на помосте нам обоим довольно места. — разом погасил улыбку. — Сегодняшняя беда — не для одной пары рук. Эта девушка была Альди, её звали Митая из дома Травников... Латира, я вижу, ты уже связал Тень?

— Сам знаешь, иначе я не провёл бы её в Залу сквозь защитные чары. Наш учитель Тмисанара учил меня всему этому. Но ты опытнее.

Мудрые вокруг снова загомонили. Звонкий голос из «солнечной» толпы далеко разнёс слова:

— Эти затенённые, они, правда, гоняют Теней? Или прикидываются?

Ркайра осёк болтуна, тоже во всеуслышание:

— Молчи, дурень! Ты пока не видел настоящих затенённых! Здесь нет других Теней, кроме этой девочки. И Повелителя Теней среди мудрых я искал — не нашёл, — и спросил, громче. — Альдира, где ты так замарался?

Ответ Альдира приготовил давным-давно:

— Стурши осквернил мой любимый круг, когда творил из охотницы эту Тень. Позже я проходил мимо.

— Я так и подумал. Но из тебя быстро вышел бы сильный Повелитель. Почему ты им не стал?

И снова ответ давно готов:

— Я думал об этом, но пожалел Голкья. Чудища Альди быстро дожгли бы то, что мы не разрушили на пару со Средним. В моём возрасте теряется вкус к хорошей драке, ради драки. Не говоря уже о том, что драться зимой нехорошо.

Ркайра остался доволен услышанным, и общий шум стих: всех разобрало любопытство. Ну, наконец-то, речь дошла до походов Стурши и Тени Митаи! Альдира и Латира говорили по очереди, иногда задавали вопросы бывшей охотнице — та отвечала, вяло и безучастно.

Альдира не спускал взгляда с Тени, но краями глаз старался следить за всеми в зале. Правда, впору уже растить третий глаз на затылке! Следил — высмотрел любопытное: бледное, как позёмка, лицо Скундары. Молодой мудрый прятался за спинами Рийры и Мьюнкары, выглядывал из-за их широких плеч с таким ужасом, будто узнал в Тени любимую невесту. Или сам сделал из неё Тень и забыл? Посмотрел на Альдиру — нырнул за приятелей, будто белянка в нору.

Тень допросили и заперли в кладовой, зачаровав накрепко. А потом двое учеников Тмисанары взошли обратно на главное место, и Альдира одну за другой стал раскрывать мудрым старые тайны, которые долго хранил. Теперь, когда Тени снова в мире, наследие Тмисанары должно служить всем братьям и сёстрам!

Альдира рассказал не только, как мудрым и охотникам бороться с порождениями подземного мрака. С этого он начал. А закончил — поучениями юному Повелителю Теней: как не упустить слуг из-под своей воли и остаться живым. А в самом конце ещё и заявил совершенно прямо:

— Мудрые, если кто из вас встал на путь Теней, а потом скрыл свою силу и отпустил Тень беззаконника Стурши гулять на воле, то лучше признавайся сразу! Так, как старейший Ркайра признался в запретном солнечном обряде. Он истинно мудр, он понял, что не утаит это шило под курткой. Ты, Повелитель, своё шило тоже не утаишь. Вопрос, куда оно тебе воткнётся?

— Признайся, о мудрый, ибо жизнь твоя в величайшей опасности, — вторил Альдире Латира. — Признайся, пока из смертельной ловушки, куда ты лезешь, есть выход! Солнечный Владыка и Повелитель Теней могут сойтись в поединке и уничтожить друг друга — а могут вдвоём спеть песнь равновесия. Для того, кто уже останавливал «качели смерти», петь её легко.

— А наказание за запретный обряд? — пискнула островитянка Кьяра. — За это ему что будет?

Альдира пожелал дурёхе с солнечной аурой облезть и покрыться почесухой, но вслух спокойно ответил:

— Суд. А потом, думаю, изгнание, как обычно. Но лучше живым уйти на ту сторону звёзд, чем мучительно сдохнуть от рук собственного порождения и стать неприкаянной Тенью!

«Альдира, он сбежал изнанкой сна.»

«Кто?»

«Скундара.»

«Латира, ты тоже следил за ним?»

«Да. Надеюсь, его просто прослабило со страху, и он вернётся.»

«Если не вернётся — вряд ли мы увидим его живым.»

«Если Повелитель — этот недопосвящённый дурень, мы сделали для него всё, что могли.»

— Мудрые, желает ли кто из вас в чём-либо признаться Совету?

Тишина. Мудрые озадачены. Они услышали много, очень много нового. Они укладывают всё это в головы, делают выводы...

— Мудрый Альдира, а что будет с теми, кто признается в солнечных обрядах? — негромко, пряча глаза, спросил Тхира.

— То же самое: суд. Но обещаю: мой голос будет против изгнания тех, кто не убивал и не живоедствовал. Думаю, мы всем поищем оправданий. Мудрый, который оступился и встал, лучше вновь посвящённого.

— ...А дерзкий, но слабый Повелитель будет жевать ужас, пить ужас, дышать ужасом все недолгие дни жизни, пока Тени не пожрут его, — гремел голос мудрого Альдиры под сводом Залы Совета, шуровыми барабанами отдаваясь в ушах Скундары.

Ученик Тмисанары, Истребителя Теней, излагал собратьям по служению то, что перенял от учителя и долго хранил в тайне. В том числе, наставления ведьмы Нарханы всем, следующим по её пути. Не песни, не тонкости запретных обрядов — ограничения и предосторожности. Многих, очень многих из них Скундара прежде не слышал, потому теперь потел, втягивал голову в плечи и сидел за спинами друзей, тише шныря под корзиной. Он допустил ошибки, множество ошибок! Возможно, сама попытка встать на путь Теней была его ужасной и непоправимой ошибкой! Но ему так нужна была сила для Великой песни! Он так боялся, что не сможет! Стурши подвернулся ему так вовремя! Приятель детства, злой шутник, беззаконник в бегах — заноза в пятке, от которой давным-давно следовало избавиться...

Конечно, ошибкой было трогать Альдиру даже в замыслах! Вон он, глыбища эдакая, снова плянется! И маленький серый — как его, Латира? — зыркает хитрым глазом. В эти мгновения Скундаре кажется: они всё-всё-всё про него понимают. Но почему же ничего не делают? У него нет сил терпеть, он умирает от страха быть разоблачённым и от ужаса, о котором вещает Альдира...

То есть, как — признаться?! Самому встать и рассказать, как резал Стурши на алтаре-камне? Может, и про древний улу им, тоже? Про зачарованную каморку со снадобьями, про древние песни, которые учил во сне? Рассказать — и всё отдать?! Не-е-е-ет!

От ужаса Скундара крепко зажмурил глаза, уткнулся лбом в тёплую спину Рийры: так отчаянно он желал поскорее скрыться от чужих пронзительных взглядов! И лучше бы сразу изгнать из дневного мира поганого беззаконника! В Дом Теней его, развоплотить и забыть! Пусть, это не так просто, как объяснял Скундаре его учитель, Наритьяра Старший, не возможно, возможно...

Скундара с такой силой пожелал исчезнуть из Залы Совета — нырнул на изнанку сна легко, как никогда. А после просто не нашёл в себе духу, чтобы вынырнуть в том же месте. Слишком боялся!

А в любимом тайном логове — тишина, темнота, и никого живого, даже одной-единственной воплощённой Тени... Куда подевался, погань? Не мог же преступить приказ, уйти наружу?! Или Скундара силой своего желания уже развоплотил поганца? Как было бы чудесно!

Но затеплив на пальце колдовской огонёк, Скундара обнаружил в логове разгром, будто здесь резвился выводок прошмыг, и приоткрытую дверь в дикую пещеру. Значит, неугомонная Тень шныряет где-то там. Во плоти, да ещё светильник с собой уволок. Ну, уж тебе!

Скундара привстал на цыпочки, зашарил в стенной нише в поисках запасного светильника — какая-то труха, пылица посыпалась ему на голову. В носу нестерпимо засвербело, он потянул в себя воздух, чтобы чихнуть... Поплыло в глазах... Темнота.

Звук падающего тела — и облегчение! Повелитель Теней отчаянно желал избавиться от воплощённого Стурши, загнать его во мрак, к бестелесным и бессловесным, позабывшим дневной мир Теням. Повелитель не высказал своё желание прямо, тянул. Видать, собирался, для верности, отдать приказ лицом к лицу. Однако желание давило, душило Стурши... Отпустило!

Стурши вылез из засады и хорошенько пнул Скундару по почкам. Тело на полу даже не дёрнулось. Сонное зелье оказалось сильно, и надыхался его Скундара предостаточно. Теперь можно делать с ним, что угодно. Всё-всё-всё! Отволочь вниз за ноги, стучая башкой обо все пещерные неровности. Скормить Теням бесчувственного...

Нет! Праздничный стол должен быть накрыт, как следует, и блюдо приготовлено правильно. Стурши облизнулся. Стурши взвалил на плечи тяжёлое вялое тело и отбыл в Дом Теней изнанкой сна.

Алтарь-камень ждал, ремни в проушинах извивались, тянулись навстречу. Стурши поспешно вытряхнул свою добычу из одежды, уложил на Камень, привязал... Замер над алтарём, вспомнив всё, что Скундара велел ему забыть! Как сам лежал тут: голый, растянутый за руки, за ноги, и что было потом... Нет уж, «доброе зелья» Скундара от него не дождётся!

Пульсирующий алый свет уже сочился сквозь кожу жертвы, и Тени начали сгущаться под потолком. Они признавали Стурши за своего, потому не прятались, не прикидывались пятнами копоти.

Почти готово! Беззаконник ухмыльнулся и сделал то, за что дружок в сознании крепко его колотил: поцеловал Скундару в губы. Под зельем глухого сна Скундаре стало всё равно. Но и целовать его без отклика — никакой радости. Будто дохлого! Хотя дохлый тут, на самом деле, выходит, Стурши? Но он же не ощущает себя мертвяком? Не ощущает, правда?

Стурши брезгливо отёр рот, уселся рядом с алтарём и запел Скундаре песенку пробуждения, время от времени пощипывая жертву за чувствительные места. Сильная жертва, упитанная, вкусная! Тени, предвкушая, клубились вокруг, время текло. Наконец, на очередной щипок Скундара дёрнулся, замычал невнятно, протестуя...

Старый улу — уже в руке Стурши! Старый улу жжёт пальцы: «Пора!». Беззаконник заносит жертвенный нож над телом того, с кем вместе играл, слушал сказки, учился колдовать... Скундару прошлое не остановило — не остановит и...

Ох, кажется, Стурши уже не сможет остановиться! Нож властно тянет руку за собой, обманчиво тупое лезвие проваливается в тело жертвы, даже грудная кость ему — не преграда. В единый миг Скундара вспорот от паха до горла. Края разреза расходятся — жертва открывает глаза: спросонок ещё мутные, уже дурные от боли и ужаса. Жертва разевает рот...

«Ну, Повелитель, чего теперь прикажешь? Или ты утратил власть, угодив на алтарь?» Стурши мог бы спросить напоследок, да не стал. И дальше смотреть не стал. И пить живой, тёплый свет... Превозмог отчаянную жажду, нюхнул сонного порошка из склянки, зажатой во второй руке, осел на пол. Возможно, он перестраховался, но старые Тени лучше справятся без него. В этот раз — без него.

Хранитель знаний Нельмара и временный ученик его Наритьяра Младший совершали обход Зачарованных Камней. Начали они с круга на Ярмарочной горе и далее следовали, как заведено. По три круга на каждую из семи великих голкья, по одному на каждую из двадцати девяти средних. Мудрые скоро выяснили, в какой части обитаемого мира некто накормил Теней. Без сомнения, это произошло на Арха Голкья.

Там же, на пятом по счёту переходе, мудрым не повезло влететь в осквернённый круг. Нельмара сразу почуял неладное, но не испугался: в его долгой жизни — не впервой. А Наритьяра побледнел, закусил губу. Тревожно озираясь, спросил.

— Учитель, я не пойму, что с кругом?

— Снаружи у Камня пролилась кровь. Или её намеренно пролили. Альдира предупредил меня о двух осквернённых кругах, но мы не на Рыбьей горе и не на Зелёных холмах. Значит, уже третий в угодьях Альди... Погоди, я сейчас...

Нельмара послал зов Альдире, но тот не откликнулся. Ни он, никто другой, кого хранитель знаний попытался позвать. Даже Наритьяра, стоя плечом к плечу, не слышал безмолвную речь учителя. Так бывает: мудрые обсудили это вслух, через слово поминая щуров. Но всё же Нельмара ещё не слишком забеспокоился. Достаточно спеть песнь перехода и сменить осквернённый круг на любой из тех, что они собрались посетить.

Следующий круг тоже был осквернён, и хуже того: целились-то они совсем в другой. Значит, их повело. А раз так — петь дальше опасно, нужно скорее бежать наружу.

Нужно! Да только Камни их не выпустили! Мудрые шли из круга — попадали обратно в его середину. Три раза подряд. Сдались. Спели переход, целясь на Ярмарочную гору: подальше от всей затенённой Арха Голкья, напрямик к месту Совета...

И, вместо Ярмарочной, здравствуйте, Зелёные холмы! Наритьяра пошатнулся, цепляясь за учителя, в лице — ни кровинки. Нельмара сам боролся с дурнотой. Дневной, весенний круг, хорошо знакомый мудрому, зримо и ощутимо темнел. Хранитель знаний, к стыду своему, даже не слышал, что такое бывает. Только чуял, что оставаться в меняющемся круге — смертельно. Особенно, для меченного солнцем Наритьяры!

Они спели ещё раз, но лишь для того, чтобы увязнуть ещё глубже... Рыбья гора! Наритьяра молча закатил глаза и сполз под ноги Нельмаре. Нельмара пока держался, но дикая, поганая сила переполняла мудрого, мутила его разум. Не диво: здесь только что родилась Тень! Альдира советовал обходить Камень на Рыбьей за двадцать перестрелов, а они — внутри круга.

Нельмара подхватил и прижал к груди бесчувственного ученика. Совсем мало в этот раз он пробыл учителем, но отступаться от своего долга не намерен. «Учитель бережёт ученика, встаёт между ним и стихией». Да будет так!

Трудно петь переход-развилку, когда тот, с кем надо отправиться в разные места, не помогает тебе. Но умелый колдун справится! Нельмара желает поскорее попасть туда, куда загоняют их обезумевшие круги. А обморочного Наритьяру слепая воля к жизни, свойственная всему живому, устремит в какое-нибудь безопасное место. Этого довольно!

Нельмара пел, как в последний раз. Мудрый не знал, куда затягивает его воронка, охватившая сразу несколько кругов. Бедствие — почти невозможное, но об этом он

поразмыслит после, когда выберется...

Пещера. Видимо, тот самый, искомый Дом Теней. На алтаре-камне исходит последним светом жертва, однако никто над нею не поёт. Тени вершат свою жуткую трапезу в полном безмолвии. Тмисанара рассказывал, так бывает, когда Тени восстают на своего Повелителя...

Жертва... Жертву Нельмара узнал в лицо, хотя и с трудом. Молодой Скундара. Мудрый на алтаре... И слишком далеко зашёл обряд, чтобы спасти его! Тени, вспугнутые вторжением Нельмары, поспешили укрыться в теле жертвы: чёрным туманом втянулись в разверстую рану, в ноздри и уши, в перекошенный рот. Скундара задёргался, вздувая мышцы жгутами, запрокидывая голову, захрипел и забулькал, глаза полезли из орбит... Судороги ещё корёжили тело жертвы, а Камень-алтарь уже погружался в твердь Голкья, прочь от взгляда случайного свидетеля. Миг, и в пещере темно.

Нельмара не стал ждать, пока Тени, хранящие Дом, нападут на незваного гостя. Зажёт на ладонях свет: такой, что сам едва не ослеп от сияния. Проморгался, пригляделся. Пещера пуста, лишь на полу кто-то спит-похрапывает. Ничего не видит, не слышит, да и не мудрено: из-под руки откатилась скляница, на ярлыке её — знак глухого сна.

Нельмара заглянул в лицо соне. Кто-о-о? Стурши?! Мудрый помнил, как неуловимый беззаконник заманил в ловушку Латиру с Нимрином, потому сильно осторожничал теперь со своей находкой. Однако, Стурши в самом деле спал: глухо, беспробудно, надышавшись зелья, которое сделало его равно беззащитным и в дневном мире, и на изнанке сна. А ещё у Нельмары окончательно пропали сомнения, что перед ним — Тень. Эта Тень уложила на алтарь Скундару (больше никому!), но отказалась от участия в общей трапезе. Таким вот мудрёным способом Стурши отказался: нюхнул порошка, прилёг поспать...

А ещё любопытно, чем же он так до невозможности чисто и ровно взрезал жертву? Нельмара с большой опаской разглядывал ножик улу, выпавший из руки Стурши. Грубая поделка из чёрного сланца выглядела безнадёжно тупой, не способной нанести малейшую рану. Но при том аура у ножа — сродни Теням, и плотнее, чем у спящего беззаконника. Улу притягивал к себе взгляд, безмолвно звал: «Возьми! Возьми меня скорее!» До зуда в пальцах!

Мудрый оценил вкрадчивую силу зова. Тряхнул головой, спел пару песен для усмирения слишком живых вещей и перестал слышать щуров ножик, однако не обольстился итогом своих усилий. Не тронул улу даже мыском сапога: пусть лежит, где упал.

А вот Стурши незачем дрыхнуть тут без присмотра. Нельмара, побряхтывая, опустился на пол рядом с неподвижным телом, обхватил его руками и утащил на изнанку сна: просто, как неодушевлённый предмет. Дом Теней их, по счастью, отпустил, а целью мудрого была Пещера Совета.

В дальней кладовке, куда Нельмара вышел сам и вынес свою ношу, пусто, тихо и темно. Нельмара утратил счёт времени, даже приблизительно не предполагал, сколько они с Наритьярой плутали по кругам? Выбрался ли ученик? Нельмара, как учитель, сделал для него всё, что мог, дальше — Наритьярина удача... На безмолвную речь Наритьяра пока не отозвался, а вот Альдира — да! Альдира, наконец, услышал Нельмару и очень обрадовался его возвращению, о чём тут же сообщил. Сказал, пропали они на сутки, в Совете — грызня, потому временный глава Совета окажет много чести, если соизволит, наконец, явиться в Залу...

«Альдира, погоди! Послушай! Я побывал в Доме Теней. Я видел, как умер на алтаре-камне Скундара. Я приволок оттуда Стурши. Беззаконник — Тень, но, похоже, очень

своевольная. Я хочу показать тебе его прежде, чем он очнётся, и мы снова его упустим...»

Нельмара не договорил — Альдира уже возник рядом. Мельком заглянул в глаза — Нельмару аж передёрнуло. А ученик Тмисанары мгновенно сцапал Стурши за обе руки и запел над ним жутковато звучащую, незнакомую Нельмаре песнь. Беззаконник продолжал спать, как ни в чём ни бывало, только аура его блекла, бледнела и вот уже почти оторвалась от теневого корня.

— Рассказывай! — уставился Альдира на хранителя знаний, вцепившись теперь в его запястья, диковато поблескивая зрачками. — Быстро! У нас мало времени! Голкира погиб, ты пропал, мы с Латирой встали во главе, но не все с этим согласны.

Опешив от напора, Нельмара быстро и чётко расписал их с Наритьярой похождения. Ничего не утаил, хотя говорить Альдире про оставленный в Доме Теней нож ужасно не хотелось... Стихия велела помалкивать, но опытный колдун умел отделять подобные веления от собственных желаний. Об этом он тоже сообщил Альдире. Тот, наконец, разжал стальную хватку, расслабил плечи, пригасил огонь глаз. Тяжело вздохнул:

— Мудрый Нельмара, я очень рад, что ты — не Тень. Я справился бы с тобой, но было бы жаль! Надеюсь, ты не мыслишь стать Повелителем Теней. Ты молодец, что не тронул жертвенный улу Нарханы! Очень скверно, что ты на него смотрел и знаешь, где он лежит. Если не желаешь разделить участь Скундары — поскорее забудь. Я не шучу! Песнь забвения спой, лишним не будет!

— Я сказал тебе правду, Альдира. Всю правду. Ты должен видеть это, ты способен это видеть, — склонил голову хранитель знаний. — Ты сейчас сильнее меня, твоё могущество растёт, а моё истощается. Я вижу ясно, что ты достоин стать новым Голкирой. У тебя достаточно дара, воли и мудрости. А я устал, я не стану претендовать на главенство и откажусь, если предложат. Другу твоему Латире я это уже говорил, и тебе повторяю. Об одном прошу: не тронь ученика моего, Наритьяру Младшего.

— Я услышал тебя, о мудрый Нельмара, — холодно улыбнулся Альдира. — Младшего я не трону, если он не сотворит новых беззаконий. К сожалению, он не один такой... Вставай, о хранитель знаний! Пойдём скорее! Пока именно ты у нас — временный глава Совета. Раз уж ты позволил Наритьяре Старшему напосвящать стаю недомудрых, а Среднему — творить с ними солнечные обряды, то и укрощать их правильнее всего от твоего имени. Мы с Латирой, так и быть, постоим за твоими плечами.

Альдира легко встал и подал руку Нельмаре, помогая тому подняться с пола. Жест почтения старейшему и в то же время — признание некой его немощи, предложение покровительства. Нельмара принял руку, но опёрся едва-едва, обозначая, что ослаб лишь относительно. Ерунда, что тянет навалиться на опору всем весом или не вставать вовсе. Телесная слабость, как и зов стихий, не властна над мудрым!

— Стурши мы оставим здесь? — уточнил Нельмара.

— Да, Тень пока оставим. Прибережём.

— А он от нас не сбежит?

— Нет.

Мудрые вышли в длинный, прямой, как стрела, коридор, давным-давно выстроенный чужаками Иули на чужой, но прочный и красивый лад. Альдира тщательно зачаровал не поохотничьи устроенную дверь и всю кладовку. Нельмара так же старательно слушал и запоминал незнакомые песни. Всё-таки Тмисанара со своими охотничьими тайнами — щуров сын! А ученик его Альдира? Сейчас поглядим, чего он стоит. Не как колдун: в этом он

безупречен, а как возможный будущий вожак.

С рассвета до позднего утра Ромига терпеливо стерёг Вильярин сон. Ему было, чем занять разум, а тело нуждалось в покое, в отдыхе. Вроде, он был осторожен, а всё-таки перенапрягся. Не привык быть слабым, не привык долго болеть и медленно восстанавливаться. То ли обсидиан на Голкья особо зловредный, то ли нав в чужом мире уязвимее, чем в родном... Думать об этом неприятно, а главное, бесполезно!

Полезнее разузнать обстановку и подготовиться к неожиданностям. Ромига тихо коснулся разума спящей рядом колдуньи. Арканом, опробованным на Митае, потянул из Вильяры воспоминания за прошедшие сутки. Мудрая безоглядно доверяла своему Нимрину, или сказалась их странная связь: сопротивления он почти не встретил. Однако новые знания не принесли радости — лишь понимание, почему Вильяра пришла такой разбитой, и опасения за собственную судьбу. Явки на Совет он не избежит, но хорошо бы подгадать правильное время...

Послал зов Латире — тот велел лечить рану и не высовываться.

За стенами иглу толком так и не рассвело, шуршала снегом по снегу начинающаяся пурга. Ромига помнил прошлые, и ему не улыбалось коротать ненастье на голой вершине холма. Даже под защитой чар! Конечно, он ещё долго будет нуждаться в подпитке магической энергией. Но и еда необходима, запасы иссякают, а в непогоду вряд ли кто-то подвезёт сюда новые. Хорошо бы укрыться в чьём-нибудь доме! К кузнецу Лембе Ромига в состоянии построить портал сам, не полагаясь на мудрых. А если будет аккуратно тратить энергию, её хватит и на обратный портал, к проверенному Источнику. На крайний случай, Ромига ещё раз попытает удачи с Зачарованным Камнем у дома кузнеца. Камень поморочил тогда их с Вильярой, однако вреда не причинил...

Выплеск силы прервал ленивый ход Ромигиных мыслей. Что-то новенькое! Прошлые два раза были куда слабее и мягче. А ныне Тьма не просто насытилась — возликовала!

Вильяра тоже почуяла. Подскочила, будто не спала: хмурая, но бодрая, отдых пошёл ей впрок. Встретились взглядами.

— Нимрин, мне это не нравится!

— Мне тоже.

Самому трудно поверить, что сказал, да искренне. Однако нав достаточно проникся местными реалиями, чтобы считать благом — равновесие стихий. Даже удовольствие от мощной и «правильной» энергетической подпитки не перебивало дурных предчувствий.

Взгляд Вильяры стал отсутствующим, видимо, она вела с кем-то безмолвный диалог. Фыркнула.

— Старый сказал, чтобы мы с тобой пока не совались в Совет. Давай сюда твою спину, потом приготовлю нам поесть.

Ромига молча расстегнул комбинезон и улёгся лицом вниз. Ладони Вильяры сегодня почти обжигали, и жар шёл не по коже — вглубь. Колдунья пела, потом заставила его перевернуться на спину и долго выслушивала сердце, прижав ухо к груди, щекоча густой гривой. Ромига запустил в эту гриву пальцы, но Вильяра перехватила его руки и отвела от себя.

— Хочешь сказать, тебе не приятно? — с лёгкой обидой спросил нав.

— Приятно, но не вовремя. Выздоровеешь, тогда повалеешь меня по шкурам, и по снегу в круге, и где захочешь. А пока я буду лечить тебя и откармливать. А то кости шкуру протирают, того гляди, прорвут насквозь.

— Не прорвут!

Колдунья скупно, сдержанно улыбнулась и попросту усыпила его: сопротивляться Ромига не стал. Разбудила, чтобы накормить горячей похлёбкой. Готовила Вильяра похуже Латиры, но тоже вкусно, и главное, сытно. А когда котелок показал дно, огорошила новостью:

— Мудрый Нельмара поймал Стурши и приволок его в Пещеру Совета. Стурши — Тень его изгонят. Но прежде беззаконник испросил встречи с тобой, Иули Нимрином.

— Любопытно! А если я не захочу видеть эту погань?

— Мудрый Латира говорит, лучше бы вам встретиться. Я думаю, старый знает больше, чем сказал мне.

«Мудрый Латира, ты, правда, советуешь мне поговорить со Стурши?» — переспросил Ромига напрямую, радуясь, что освоил мысленную речь.

«Да, Иули. И обязательно спой над ним песнь познания, как ты собирался. Попроси Вильяру провести тебя напрямую туда, где я сейчас. Не откладывайте. Жду вас.»

Дурное предчувствие вернулось и усилилось, но, увы, не стало отчётливее.

— Мудрая Вильяра, ты можешь перенести меня туда, где сейчас Латира?

— Да, идём.

Одна из малых кладовых бывшего навского форпоста на Голкья, ныне — Пещеры Совета. Пол, стены, свод из чёрного базальта. Никаких излишеств, вроде шкур или подушек. Двое охотников сидят на пятках друг против друга: один помельче, другой покрупнее, оба — редкой в этих краях серой масти. Аура крупного, как у Митаи: искажённая и тёмная.

Ромига приветствовал мудрого Латиру, подошёл ближе. Заглянул, наконец-то, в лицо тому, кого пытался и не смог поймать, от чьей руки едва не погиб сам. Беззаконник Стурши вскинул голову, сверкнул пронзительно-синими глазами, хищно скривил тонкие губы — но за привычными жестами сильного, дерзкого существа не ощущалось внутреннего огня, вообще никаких эмоций, будто голем отработывал программу.

— Здравствуй, Стурши, — сказал Ромига. — Мне передали, ты хочешь мне что-то сказать?

— Наедине, — хрипло буркнул беззаконник. — Я скажу тебе наедине.

Латира отрицательно качнул головой. Ромига ответил вслух:

— Нет, — и церемонно обратился к мудрому, — О Латира, ты позволишь мне немного поворожить над твоею добычей?

— Позволю, о Нимрин из Иули. Присаживайся, ворожи.

Мудрый подвинулся в сторону, освобождая Ромиге место напротив Стурши.

Нав размял пальцы, готовясь творить сложный аркан. Поёрзал на жёстком, холодном полу в тщетной попытке уместиться поудобнее... До тоски не хотелось начинать то, что он намеревался сделать. И вроде, без причин: сканировал Митаю, сканировал Вильяру... Или предчувствие предупреждает об опасности знаний, которые он сейчас обретёт?

Стурши молча наблюдал за Ромигными приготовлениями. Глаза — яркие, как стеклянные пуговицы, и такие же пустые. Нав протянул руки к его вискам — охотник подался навстречу. Всё-таки эмоции в нём были, но задавлены почти намертво, и не поймёшь, что доносится из-под спуда: то ли яростный рык, то ли вопль о помощи.

«Иглу Инквизитора» Ромига строить не стал, даже не уточнил у Латиры, можно ли

портить его добычу? Зачем, когда аркан мягкого сканирования, испытанный на двух охотницах, прекрасно сработал и в этот раз.

А предчувствие... Эсть'ейпнхар, оно всё-таки не обмануло!

Вильяра провела Нимрина в Пещеру Совета, к Латире и Стурши, и осталась сидеть в уголке, наблюдая за ними со стороны. Ей было тревожно, или это Нимрин тревожился, а она — разделяла его беспокойство? Латира клялся ей, что Стурши сейчас безопасен. Да и не Стурши это уже! Не вполне Стурши! Колдунья всеми обострёнными чувствами изучала вторую Тень и сравнивала с первой. Девочка-травница явно была слабее, но и выхолостили её не так сурово. Стурши укатали почти до развоплощения.

Нимрин колдовал теперь над ним по-своему: не пел, лишь губами шевелил да перебирал пальцами густую серую гриву. Со стороны похоже на ласку, до которой сама Вильяра лакома, аж укололо ревностью... Зря: с таким выражением не ласкают — лечат или губят. А ещё маленькие круглые уши чужака от чего-то стали острыми...

Закончена ворожба! Нимрин опустил руки, но остался сидеть неподвижно: с закрытыми глазами и совершенно ледяным лицом. Долго сидел — потом резко развернулся к Латире.

— Мудрый, ты знаешь, зачем он меня позвал?

Угрюмый Латира согласно склонил голову, а через пару вздохов пояснил:

— Забота мудрых — Тени, Дома Теней, и бродячие алтари. Всё это наша забота. Но судьбу Иули на алтаре-камне никто не должен решать, кроме тебя, Нимрин. Ты — по праву сородича.

Нимрин зло прищурился и спросил:

— Латира, скажи, там лежит твой знакомый Иули?

— Нет, другой. Мой пришёл на Голкья через много зим после смерти Нарханы, первой Повелительницы Теней. Нимрин, тебе следует знать, что чужака, мужа Нарханы, у нас поминают не по доброму. Сказывают, именно он научил проклятую ведьму многим премудростям. А ещё говорят, ни один охотник не смел приблизиться к жилищу ведьмы и колдуна ближе, чем на день пути, а кто посмел — не вернулись назад. Лишь после расправы над мужем Нархана начала брать учеников... Это всё было очень давно. Сказки — посвист ветра в сухой траве. С Иули Онги за прошлое никто уже не спросит. Не осталось живых, кто мог бы свидетельствовать против него. Но если ты примешь мой совет, Нимрин, будь осторожен с ним.

— Латира, а с чего ты решил, что я вообще туда пойду? — в чёрных глазах Нимрина сверкнули жёлтые искры.

— Но ты же пойдёшь.

Нимрин зарычал.

— Сейчас или потом, — мягко улыбнулся Латира, — Обязательно пойдёшь. Или однажды просто отправишься в круг за силой, а тебя вдруг затянет в Дом Теней. Лучше иди сам, сегодня! Тень проводит тебя к твоему сородичу и не причинит вреда.

— Мудрый Латира, ты, правда, в этом так уверен?

Может, старый и был уверен, а Вильяра опасалась Стурши даже в пришибленном виде. Но пока она не встревала в разговор, слушала. Слишком много непонятного! Что за Иули Онга? Откуда вдруг свалился? В угожьях Вилья про ведьму Нархану почти не сказывали, и учитель о ней едва обмолвился.

— Без приказа Онги — Стурши вреда не причинит, — спокойно, веско ответил

Латира. — Мы с Альдирой очень крепко зачаровали эту Тень.

— Мудрый Латира, скажи, у тебя-то что за выгода в этом деле? — переспросил Нимрин.

— Никто не должен пребывать в бесконечном мучении, между жизнью и смертью. Это — беззаконие, его нужно пресечь. Но если уж говорить о выгоде... Чужак на алтаре-камне — ядовитая заноза в теле Голкья. Думается мне, с неудачного жертвоприношения Нарханы берут начало многие наши беды. И поэтому тоже Онге не место на алтаре.

— Тебе так думается, Латира? А другим мудрым?

Нимрин беспокоился и злился всё сильнее, он даже не пробовал это скрыть. Старый был мрачен, но хранил неколебимый покой.

Сказал:

— Все, кто знают, согласны со мной в главном: занозу надо вынуть. А как именно, у нас возникли разногласия. Я уверен, что никто, кроме другого Иули, не проникнет в Дом Теней к этому Онге. Но даже если я ошибаюсь, вряд ли ты, Нимрин, захочешь чтобы твоего сородича добил кто-то из нас.

Казалось, ещё чуточку, и Нимрин начнёт метать из глаз молнии:

— Вильяра, а ты? Сидишь тут — язык проглотила! Что скажешь вот об этом, целительница?

Нимрин широким жестом соткал видение, удивительно чёткое и подробное. Извлёк из памяти Стурши? Ловко! По сути же... Вильяру передёрнуло. Она помедлила, подбирая слова...

— Ну? — грубо поторопил её Нимрин.

— Похоже, твоего сородича ранили «слезами голкья», и осколки остались в ранах, — тихо сказала мудрая. — Давно, очень давно. Как целительница, я не знаю, какой силой он до сих пор жив.

— Силой Камня и заботой Теней, — также негромко подсказал Латира.

Внезапно встрял Стурши, который весь разговор просидел, как замороженный:

— Чужак Онга жаждет смерти. Он просил меня помочь, но у меня не вышло. Он просил привести живого. Иули Нимрин, ты пойдёшь со мной? Пойдём, пока от меня хоть что-то осталось. Я прошу у тебя прощения за нож в спину. Я тогда был другим, и по-другому — прав. Но теперь мне жаль. Пойдём?

— Сейчас, — Нимрин взял беззаконника за плечи, заглянул ему в глаза, едва заметно поёжился. — Мудрый Латира, ты желаешь, чтобы Стурши вернулся в Пещеру Совета, когда мы закончим с Онгой?

— Тень — твой проводник по изнанке сна. Сам решай, куда вы пойдёте. Если ты не вернёшься до заката и не будешь отвечать на безмолвную речь, мы призовём Тень сами и сделаем, что должно.

— Мудрая Вильяра, ты сможешь найти меня, если я позову? — обратился Нимрин уже к ней.

— Я попытаюсь. Если услышу тебя.

Колдунье было жутко и муторно. Мало она намаялась вчера с ледяной ловушкой и мёртвецами?! Теперь ещё и Дом Теней, искалеченный чужак на алтаре, Стурши — проводник, надёжней некуда!

— Мудрая Вильяра, я постараюсь справиться сам. Но ты же целительница. Если Онге ещё можно помочь...

— То я приду и помогу! Готов идти — иди. И возвращайся скорее. Удачи тебе, Нимрин!

— Спасибо, пригодится.

А потом она отвернулась, чтобы не видеть, как Стурши обнимает её любезного чужака, и как они исчезают вдвоём. Смотреть — на удивление погано, хотя прежде мудрая не ведала ревности. Как ни мил ей Лемба, а она спокойно делила его с двумя жёнами...

Рука Латиры на плече, участливый взгляд и голос:

— Малая, ты же понимаешь, что связь с Нимрином тебе придётся разорвать? Сросшиеся близнецы долго не живут! Если не слишком затянешь, вы и после разделения останетесь друг другу радостью и опорой. Иначе, может выйти, как у Нарханы с Онгой...

— Старый, я назвала тебя учителем не для того, чтобы ты лез не в своё дело, да ещё предрекал всякую погань! — огрызнулась Вильяра.

— Дело станет не моим, когда между вами не останется ворожбы. А пока, уж прости, по праву учителя...

— Тогда помоги мне найти его врага и вернуть похищенное! Я обещала! Но я погано ищу следы по ту сторону звёзд. Я не справлюсь с матёрым душекрадом — а другой не взял бы нашего Нимрина...

Вильяра всхлипнула. Слезы стояли близко-близко: чуть тронь, и хлынут, не остановишь. Латира ласково прижал её голову к своей груди, погладил, приминая мех шершавой ладонью. Потом легонько дёрнул за кончик уха, за серёжку мудрой.

— Я помогу вам обоим, чем смогу. Обязательно помогу. Побудь здесь, малая, постереги пути сна, по которым ушли эти двое. А я — в Залу. Альдира зовёт меня.

— Щуровы пляски продолжаются?

— Ага. Радуйся, что про вас с Нимрином под шумок забыли. Чем позднее про негс вспомнят, тем лучше для всех. Удачи тебе!

— Спасибо, пригодится! — эхом повторила мудрая слова своего воина и подмигнула нахмурившемуся Латире. — Тебе, старый, тоже удачи! Чтоб не избрали Голкирой. А то кто станет наводить порядок у нас на ярмарке?

Латира погрозил ей и ушёл.

С Онгой всё оказалось погано, как запомнил Стурши, и даже ещё хуже. Ромига замер в шаге от распятого на Камне навского остова... Естественно, гарка не раз видал своих соплеменников ранеными. Видел и безнадежно порубленных, и попавших под смертоносные арканы. Если оказывался рядом — без разбору отправлял в «дырку жизни». Эрли всегда лечат живучих сюзеренов до последнего шанса, и ещё чуть-чуть. В худшем случае, эрли принимают решение, что лечить уже некого... Здесь, очевидно, было, кого! Да только «дырка жизни» не унесёт отсюда в Обитель. Всё, что возможно сделать, Ромига должен — своими руками. И все решения — своей головой.

А на него, тем временем, обратили внимание: «Нав? Такой молоденький? Откуда?» Древний язык Тьмы странно сочетался с безмолвной речью, однако говорить вслух Онга явно не мог. Приоткрыл глаза, кое-как сфокусировал взгляд, а больше на его костлявом лице ничто не шевелилось.

«Меня зовут Ромига. Я с Земли,» — ответил Ромига тоже по-навски. Язык мало изменился с доземных, доимперских времён. Лишь некоторые слова приходили и уходили по мере того, как менялись миры вокруг.

«Какие навь на Земле?! Империя Навь пала, белобрысые варвары убили всех. Остались единицы, в рассеянии, и за ними идёт охота.»

Безрадостная картина, но правдива — лишь отчасти! «Онга, люды убили не всех, но это долго объяснять. Я пришёл помочь тебе!» — сказал Ромига.

«Любопытно, чем поможет мне потомок неудачников, которые утратили великую Империю в самом лучшем из миров?»

У детей Тьмы острый язык, тяжёлый характер. А уж как портит характер долгая болезнь и безысходный плен... Однако Ромига тоже был навом, и поворот беседы ему совершенно не понравился! Он ответил вопросом на вопрос, жёстче, чем собирался. «Онга, Тень передала, будто ты просил снять тебя с Камня, дабы ты принял желанную смерть?»

«Я приказал это Тени, потому что давно убедился: помочь они не способны, а мне надоело мучиться. Но раз пришёл ты, живой, ты освободишь меня от обсидиановой крошки в ранах. Сделай это, а дальше я знаю, как исцелиться. Едва я исцелюсь, Камень отпустит меня, и ремни не удержат. О, глупый, верный Камень! Я приручил его прежде мохнатой твари, я сделал его своим Источником. Глупый Камень решил спасти меня, когда почувал мою кровь. До сих пор спасает, как умеет.»

«Если ты желал умереть, почему ты просто не остановил сердце?» — уточнил Ромига. Он уже не был уверен в здравом рассудке собрата, в его способности принимать решения и твёрдо следовать им.

«Ты задаёшь умные вопросы, маленький Ромига. Не сомневайся, мой разум ясен, а воля тверда. Это всё Камень. Он лишает меня сознания прежде, чем я успеваю нанести себе непоправимый урон. Реанимирует, потом приводит в чувство. Не помню, на которой попытке мне надоело. Я сбился со счёта... Хватит болтать, приступай. Освободи меня от проклятых «слёз голкья»! У тебя руки — из настоящей плоти, и свободны. Ты сможешь.»

«Онга, давай, пригласим целительницу? Она справится лучше меня.»

«Что за целительница? Откуда?»

«Местная, она...»

«Нет! Никаких голки! Ни одна мохнатая тварь меня больше не коснётся! А ты не уйдёшь отсюда, покуда не закончишь.»

«А если у меня другие планы?» — оскалился Ромига. Конечно, он не собирался бросать нава без помощи в таком состоянии. Но как-то уж слишком нагло этот нав распорядился Ромигиным временем!

«Планы? Ты оставил их вовне. А здесь — моя власть, моя воля. Приступай!»

Больные навы бывают несносны, это не повод их не лечить. Ромига смирил свой норов, тоже не самый мирный, и улыбнулся пациенту.

«Хорошо, Онга. Но мне понадобятся хирургические инструменты, позволь мне сходить за ними?»

«Пошли за ними Тень. Я наглухо закрыл свою пещеру от живых голки. От их безмолвной речи — тоже. Они не найдут нас, не придут к тебе ни через Камни, ни изнанкой сна. Даже если ты как-нибудь исхитришься их позвать. Но я не советую! И наши порталы отсюда тоже не строятся, я позаботился. Так что делай своё дело и не дёргайся, иначе будет плохо.»

Ромига привык принимать подобные угрозы всерьёз. Даже если грозит ему полутруп... Которому хватило могущества выживать с такими повреждениями тысячи лет!

— Стурши, вернись в Пещеру Совета, — велел Ромига притихшему в углу беззаконнику. — Попроси целительский набор у Вильяры и принеси его сюда. Скажи ей, что я тут надолго. Что пещера закрыта от безмолвной речи. Вообще закрыта.

Стурши кивнул и скрылся. Кто бы мог подумать: не только идеальный проводник, но и отлично вышколенный посыльный!

«Онга, прикрой глаза, я сделаю «светляка», чтобы осмотреть тебя.»

Ромига в очередной раз поблагодарил Тьму-прародительницу за то, что прошёл полный курс у дознавателя Идальги. Помимо техники допросов, ученик дознавателя научился диагностировать повреждения живой и мёртвой плоти, наносить их и латать. Идальга учил молодого помощника не брезговать и не бояться грязи, крови, боли. С тех же пор Ромига таскал с собой, кроме «дырки жизни», набор хирургических инструментов, упакованный с уменьшением объёма и веса, прямо в теле. Пользовался ими редко, навыки простыли, однако набор — лучше, чем он видел у Вильяры. Стурши-то Ромига услал, чтобы беззаконник не маячил за спиной, и чтобы передал мудрым весточку.

Работа предстояла кропотливая и муторная. Первым делом, целитель очистил воздух от миазмов и убрал все грязные потёки с пациента и вокруг него. Присмотрелся: в лучах нескольких «светляков» колко поблескивала мелкая крошка, которая постепенно выходила вместе с кровью, гноем и прочими телесными жидкостями, а теперь, ничем не связанная, осталась лежать на поверхности. Ромига аккуратно сдул опасную пыль на пол и велел пещерному известняку поглотить её. Воздействовать магией напрямую на обсидиан он не мог, зато на окружающие вещества — запросто. Очистив импровизированный «операционный стол», Ромига тщательно просканировал раненого. Определил участки полного некроза, очаги воспаления, островки здоровых тканей с невероятно мощной, даже по навским меркам, регенерацией. То есть, живого в Онге нашлось больше, чем казалось на первый взгляд, но всё равно — удручающе мало. Если срезать всю мертвечину, останется уродливый обрубок. Вероятно, жизнеспособный. Или нет... Любопытно, как он собирается лечиться дальше? Надо уточнить, прежде чем резать...

«Онга, скажи, сколько времени ты тут лежишь?»

«А сколько лет назад пала Империя?»

Ромига сказал, сколько, по земному счёту, и Онга заключил: «Камень искажает ход времени. Я прожил в этой пещере явно меньше, чем прошло снаружи. Но долго, очень долго.»

Ромига призвал свои инструменты, начал их раскладывать, и сразу же последовал строгий вопрос: «Ну, и за чем ты послал Тень? У тебя же всё с собой. Будешь лгать, мои Тени накажут тебя!»

«Станешь заедаться, я забуду тебя обезболить. Благо, ты хорошо зафиксирован. А этот парень однажды уже воткнул в меня обсидиановый ножик. Может, в Тенях он присмирел, но я не хочу заниматься сложной работой, когда он за спиной. Пусть погуляет.»

«И после этого ты всё равно продолжаешь путаться с мохнатыми тварями?»

«А с чего ты взял, что я с ними путаюсь?»

«У тебя грязная аура, маленький Ромига. Ты магически связан с кем-то из них и когда-нибудь об этом пожалеешь, как жалею я. Польза от голки, конечно, бывает. Главное, не подставляй спину и убивай первым!»

Какой-то, прямо, день непрошенных советов! Латира советовал Ромиге быть осторожнее с Онгой. Онга — с охотниками, которых называл на имперский лад, по имени мира. Кстати, интересно, где был этот Онга, когда рушилась Империя?

«Какой я тебе «маленький», старая образина? Но скажи-ка ты мне другое... У нас с тобой проблема! Твоя ведьма так старательно наштиговала тебя обсидианом, что я его не выберу и не выведу. Пыль въелась слишком глубоко. Могу только срезать вместе с тканями.»

«Режь!» — спокойно ответил Онга, будто речь не о его теле.

«А ты понимаешь, сколько от тебя останется? Как ты собираешься лечиться дальше?»

«Увидишь, Ромига. Режь, давай, мне надоело ждать! Или ручки у юного, нежного навчика затряслись с перепугу? Комбинезон-то, вон, как на тебе болтается! Похоже, не свой, а с плеча любимого гарки?»

Ромига решил не реагировать на дурацкие подначки. Бредит Онга, повредился в уме, или просто погань, по жизни — сейчас не определишь. Будет видно, когда поправится. Если...

«А скажи-ка мне, Онга, что будет со мной, если ты умрёшь у меня под скальпелем? Выйду ли я наружу?»

«А зачем тебе выходить? Тени уложат тебя на моё место... Шучу! Большую часть защитных арканов я завязал на себя. Умру — развеются. Меньшую поддерживает Источник. Если тебя нормально учили, расковыряешь и вылезешь. Или договоришься с Камнем... Начинай, не тняи! Обезболю я себя сам, не заботься об этом. Мне нужны только твои руки.»

И целитель поневоле, с не проходящими дурными предчувствиями, приступил к операции.

Большую долю внимания Ромига сосредоточил на сородиче, а именно, в операционном поле. Однако полностью отрешиться от всего внешнего не рискнул: ждал возвращения Стурши, да и любопытно было, куда в этот раз занесла нелёгкая? Эхо от звяканья инструментов гуляло по большой, гулкой природной пещере. Где-то далеко капала вода. Тянуло сквозняком... Гораздо интереснее, что место насквозь пропиталось магией, беспримесно тёмной. Алтарь-камень под Онгой щедро сочился магической энергией, и такого идеального Источника для своего генстатуса Ромига ещё не встречал на Голкья. А

самое интересное: здесь обитали создания, напомнимшие Ромиге родную Цитадель. Ключья и космы тьмы, чуть плотнее окружающего пещерного мрака, таились по углам. Пятна на потолке — на первый взгляд, просто копоть — были с ними одной природы. Пятна шевелились, медленно и плавно перетекали друг в друга. А ещё нав отчётливо ощущал их любопытство. Обитатели Дома Теней с пристрастием наблюдали, что Ромига делает?

Что умеет, то и делает! Инструмент острый, руки худо-бедно вспомнили былую науку, пациент ведёт себя смирно, не собирается помирать, и даже молчит... Ну, это Ромига напрасно размечтался!

«Ты недурно учён оперировать, маленький нав. Кто бы мог подумать! Или у вас перевелись эрли?»

«Семья эрли осталась с Навью,» — холодно сообщил Ромига. — «Я прошёл курс, но не практиковал как целитель. Поэтому лучше не отвлекай меня, Онга...»

«...А то отрежешь мне что-нибудь лишнее, да?»

«Именно, так. Вот, гадаю, как сохранить тебе тазовые кости и всё, что ниже. Твоя ведьма начала с того, что оскопила тебя и присыпала рану толчёным обсидианом, да? Скажи, Онга, за что она тебя так невзлюбила? После долгих лет совместной жизни?»

«Ещё и анамнез умеешь собирать, как настоящий целитель. А от любопытства я тебя вылечу, маленький Ромига. Незачем навчику быть таким любопытным. Встану и вылечу. Ах, да: смело удаляй всё, что вызывает у тебя сомнения.»

Но «ополовинивать» сородича Ромига всё-таки не стал, обошёлся.

«Большой разрез у тебя был чистый, без крошки. Несколько чешуй откололись от лезвия, я их все вынул,» — через некоторое время проинформировал он пациента. — «Но закрыть полости не смогу, нечем.»

«Я знаю свою историю и своё тело, можешь мне не рассказывать!» — грубо оборвал его Онга.

«А если знаешь, то объясни, как ты прожил столько времени? На одной энергии не протянул бы так долго. И органы у тебя переплавились, асур знает, во что. То есть, я понимаю, как ты дышишь, как перестроилась кровеносная система. Но ты же явно как-то пил и чем-то питался? Как?»

«Так же, как я очень скоро встану на ноги. Ты сделал свою работу, Ромига. Сделал чисто, я чувствую. За это я окажу тебе милость и позволю наблюдать дальше. Собери свои инструменты, погаси свет и отойди в сторону.»

Собрать, спрятать... От голода и усталости Ромигу самого слегка повело... А может, уже не слегка! Внутренние часы безнадёжно сбились. Он не мог бы точно сказать, сколько длилась операция: знал, долго. Не чувствовал, день наверху или ночь? Здесь, в Доме Теней, царила вечная ночь. Ромига сел на холодный пол, привалился спиной к колонне из сросшихся сталактита и сталагмита...

Смотрел, как над алтарём-камнем происходит некое действие.

Тёмные пятна на своде пещеры слились вместе, начали слегка дымиться и капать вниз. Потом потолок будто прорвало, и на Онгу обрушился водопад Тьмы... Истёк, склубился вокруг лежащего нава плотным облаком... Ромига сморгнул, удивлённо отмечая про себя, что ему неприятно и даже не любопытно смотреть на это. Почему? С ним самим что-то не так? Или в буйных игрищах будто бы родной стихии есть нечто удручающе противоестественное?

Ромига с большим трудом отлип от колонны и поднялся на ноги... Кажется, куда-то

подевалось ещё немало времени? Шагнул ближе, ближе к алтарю, силясь разглядеть, что там? Потоки энергии текли сквозь него, энергия была, без сомнения, подлинная, тёмная, только многовато её для «маленького нава»... Да какой Ромига, к асурам, маленький?

Онга на алтаре — цел?! Все повреждения исчезли, не оставив даже шрамов! Редящая дымка впитывалась в истощённое, костлявое тело, и оно наливалось, стремительно обретая идеальную форму. Ременные петли на запястьях и на щиколотках истлели, рассыпались в труху — Онга встал. Легко, будто не помирал тут несчётные года, а прилёг отдохнуть на минутку. Длинно потянулся, играя мышцами. Тряхнул головой. Сгрёб в жменю отросшие волосы, призвал нож, отхватил их и отбросил. Сделал несколько начальных движений разминки — замер. С ликующей улыбкой! Другого такого довольного нава не сыщешь во Вселенной!

В этой пещере — точно не сыщешь. Ромига приложил руки к невероятному исцелению, но радости почему-то не испытывал. Он, в самом деле, ощутил себя маленьким, жалким, хилым. Исцелившийся Онга снисходительно взирал на него сверху вниз. Этот нав оказался выше Сантьяги, крепче кузнеца Дэриги, но пока лежал полускелетом, это не бросалось в глаза. А ещё здоровый Онга был красив, и знал это за собой. Он совершенно не стыдился наготы, ни того, что воспрял к жизни во всех аспектах. «Аспект», который первым пострадал от гнева Нарханы, теперь задорно торчал вверх, почти касаясь тёмной головкой поджарого, мускулистого живота. Онга перехватил Ромигин взгляд, и ликующая улыбка сразу стала насмешливой.

— Завидно, да? — голос тоже оказался красивый: мощный баритон.

Ромига пожал плечами: может, капельку и завидно, что теперь...

— Или мечтаешь отсосать? Давай, не стесняйся! Нежный навчик, хрупкий. Если не раздевать догола, за навью сойдёшь.

Время изменило Навь. Даже самые старые навь, знакомые Ромиге, менялись вместе с нею. Вместе! А Онга... Не поймёшь, шутит он, бросается оскорблениями всерьёз, или ему всё равно?

— Обойдёшься, Онга! Руки у тебя теперь свободны.

— Фу, какой грубиян... Ладно! Стурши, иди ко мне. Сумеешь доставить удовольствие повелителю?

Беззаконник прошёл мимо Ромиги, сильно толкнув плечом. Когда вернулся? Куда дел то, за чем посылали? Почему нав не почуял его за спиной? А Стурши встал на колени перед Онгой и приступил к делу, причём удовольствие, явно, получали оба. Смотреть на них — никакого желания, а вот жажда донимала Ромигу всерьёз. Голод — тоже, но еду в пещере вряд ли так просто добудешь, а вода капает, слышно.

Вода капала с потолка в большую лужу на полу, или маленькое озеро, как посмотреть. Сверху капала, дальше текла ручейком. Вода чистейшая, ледяная. Ромига жадно напился, умыл лицо — замер, вновь теряя ощущение времени... Рука на плече: обернулся — Стурши. Беззаконник довольно лыбился, глядя сверху вниз на сидящего на полу нава, и Ромига теперь ощущал его совершенно живым, не то что в Пещере Совета. А вот себя — не очень.

— На, поешь, — Стурши бросил ему на колени белянку со свёрнутой шеей, но ещё тёплую. — Повелитель велел покормить тебя, пока ты тут не окочурился. Мне, правда, жаль, что я ранил тебя.

— Почему... Почему ты называешь его повелителем?

— Потому что он — Повелитель, по родству стихий и по силе. Ты бы тоже смог, но ты

слабее. Ты сам сейчас больше похож на Тень.

— Ну, спасибо, дружочек, обрадовал! — фыркнул Ромига, призывая нож и начиная свежевать белянку.

Нав слишком оголодал и устал, чтобы материализовать посуду, разводить огонь, ждать, пока сварится — но ещё не дошёл до того, чтобы рвать дичь зубами. Ел аккуратно и быстро. Стурши с интересом наблюдал за ним, и тёмные туманные клочья вились, струились вокруг, жадно слизывали слабо светящуюся в темноте кровь. Ромига отмахивался от них, как от мух, примерно с тем же чувством. Колдовать остерегался, ощущая вокруг мощные сторожевые арканы. Сделал лишь то, что уже делал в этой пещере: зажёт «светляка» — туманные сущности сразу шарахнулись в стороны. Стурши недовольно фыркнул, жмуря глаза, но ничего не сказал. Ромига доел белянку, завернул несъедобные останки в шкурку, сунул Стурши свёрток.

— Спасибо. Хорошо, но мало. Выбрось это, куда у вас тут принято.

— Оставь на месте, они доедят. Пойдём, Повелитель желает видеть тебя.

Онга возлежал на чёрном алтаре-камне, как визирь на тахте. Казалось бы: встал с этой шуковины, и глаза б её больше не видели! Ан, нет...

— Ты б хоть шкуру какую подстелил, жёстко же! — буркнул Ромига сородичу вместо приветствия.

— Я привык, — ухмыльнулся Онга. — А время для дел моих пока не настало, — произёс он нараспев. — Иди сюда, маленький Ромига, присядь рядом, чтобы я получше рассмотрел тебя.

Ромига поймал смутное, неприятное дежавю и остался стоять поодаль. Воскликнул:

— Онга, асур тебя заberi! Ну, какой я тебе «маленький»? Не называй меня так, мне не нравится.

Онга рассмеялся, будто славной шутке. Отсмеявшись — терпеливо пояснил:

— Ну, не большим же мне тебя звать? С какой стороны ни глянь: возраст, рост, вес, магические способности — со всех сторон маловат ты, братец! И был невелик, да ещё погрыз тебя кто-то. И заплатка, которую налепили голки, совершенно не красит дитя Тьмы. Ты хотя бы извлекаешь из неё пользу? Додумался, что можешь колдовать теперь всеми стихиями, как мохнатые твари?

— Наверное... Но я пока не очень умею, — прозвучало жалко, будто Ромига вернулся в самое начало учёбы и оправдывается за несделанный урок. — Онга, скажи, а ты мог бы найти и уничтожить того, кто меня погрыз? Смог бы вернуть меня на Землю?

— Войду в полную силу — смогу.

— А разве, ты ещё не? — удивлённо переспросил Ромига. Голова кружилась, в груди неприятно щемило, да и белянка была слишком мала, чтобы утолить голод. А Онга выглядел здоровяком, на зависть.

— Присмотрись к моей ауре, Ромига, что ты видишь?

Живой нав и... Несколько хвостов, как у Митаи со Стурши, плотно оплетают Камень?

— Я вижу, ты как-то очень хитро сросся с теми сущностями, которых охотники называют Тенями?

Онга звонко хлопнул в ладоши:

— Умница! Маленький, но голова варит! Ты, вероятно, заметил, что эти туманные создания легко обретают телесность и притворяются, кем угодно? Они мастера в этом деле, почти не отличишь от оригинала. Сейчас я принудил их временно восполнить мне недостаток плоти, пока регенерирую. Раньше у меня не получалось. Обсидиан ранит их, как и нас с тобой. Тени не могли соединяться со мною надолго, лишь кое-как питали меня. Слышал про внешнее пищеварение? Я посылал моих слуг охотиться вовне, они поглощали дичь, перерабатывали в удобоваримую форму... Если тебя, как целителя, интересуют подробности, я могу объяснить, — Онгу явно распирало похвастаться. — Кстати, Стурши отдал тебе белянок, которых принёс, или сожрал их сам? Удивительно своевольный дух, забавный.

— Одну — отдал.

— Значит, двух белянок этот поганец сожрал, — перешёл Онга на язык охотников и прибавил громкости. — Стурши, я накажу тебя! Сходи, добудь ещё дичи.

— Я их не съел, я собираюсь готовить похлёбку, — с показной обидой в голосе возразил

Стурши. — Принести её вам, как сварю, или отдать сырые тушки и отправляться на новую охоту?

— Принеси похлёбку, как будет готова.

Стурши отвесил поклон и убрёл в дальний угол пещеры, завозился там. А Ромига высмотрел себе сталагмит, похожий на табуретку, и сел.

— Ты боишься меня или Камня? — тут же усмехнулся Онга, переходя обратно на навский. — Зря! Мы не съедим тебя. Даже не ухватим за задницу.

— Никого я не боюсь! — фыркнул Ромига. — Онга, скажи, а почему ты давным-давно не велел какой-нибудь Тени, вроде Стурши, сделать то, что сделал для тебя я?

Вопрос — явно неприятный, улыбка Онги мигом превратилась в оскал.

— Я же сказал тебе, Ромига, они не могут касаться обсидиана! А с инструментами в руках глупый Камень подпустил только тебя.

— Любопытно, почему?

Снова улыбка, почти ласковая:

— Мы с тобой одной крови, Ромига. А ещё, у тебя целительский дар. Сырой, не вышколенный. Неуёмная, неутолимая жажда исцелять всё, что видишь, или, хотя бы, облегчать страдания... Мешает жить, верно?

Ромига потупил взгляд. Походя, одной фразой Онга вскрыл то, что веками донимало гарку, шло вразрез его воинским, потом — дознавательским функциям. Конечно, ему уже говорили примерно то же самое, разными словами. Но Онга-то знает Ромигу — всего ничего! Этот нав пронизателен, а возможно, мудр. Почему Ромига до сих пор опасается полагаться на него?

— Молчишь, значит, мешает, — не насмешка, спокойная констатация факта. — Особенно тяжело, должно быть, когда ты рвёшься исцелять миры? В клочья рвёшься, правда?

— Чего?

— Что слышал. Ты способен быть и лекарем, и лекарством для мира, который накладывает на тебя лапу. Спящий перевернулся с боку на бок, Тьма кутила со Светом, когда делала тебя. Хитрые шаманы голки уже выяснили про маленького нава всё, что им надо, прикормили мелкими подачками и пользуются. Я прав?

Ромига почувствовал, как приливает к щекам жар стыда, и совсем опустил голову. Сказал тихо:

— Не мелкими. Мне обещана помощь против врага и дорога домой.

— Как учила старая шаса своих дочурок, обещать — не значит, жениться, — Ромига не смотрел в лицо Онге, но слышал улыбку в его участливом голосе. — Ты убиваешься ради мохнатых тварей, а они — просто обещают?

— Мне уже не раз спасали жизнь.

— Которой ты рисковал ради них же?

Ромига вспомнил свою первую здешнюю пургу, сугроб на тракте, пробуждение в доме кузнеца... По крайней мере, в тот раз Вильяра возилась с чужаком совершенно бескорыстно... Ну да, сама же потом призналась: от скуки, из любопытства, от зуда в известном месте... Или от той же неуёмной, неутолимой целительской жажды, которая роднит мудрую и нава, пуще всех колдовских уз? Ромига вспомнил Вильярин жар и, улыбаясь воспоминанию, поднял взгляд на Онгу...

— Или ради неё? Это твоя величайшая страсть во Вселенной? — прищурил Онга чёрное

око. — Любишь свою ведьму? Уверен, что жизни без неё нет и не будет? Но ты же, наверняка, не первый раз влюблён, ты не настолько юный навчик. Самый обычный половой инстинкт! Ну, ладно, половой инстинкт и немного чар, что твоей Вильяре чести не добавляет...

— Онга, откуда ты узнал это имя? Ты, что, исхитрился незаметно залезть в мою память?

— Не к тебе, у тебя — слишком хорошая защита. Зато Стурши читается, как раскрытая книга, а он много знает про твои шашни и похождения. Вообще, удивительно осведомлённый мохнатик.

— Ну, значит, Онга, ты уже достаточно знаешь и про меня, и что сейчас творится на Голкья. А я о тебе — почти ничего. Кроме того, что ты умеешь делать протезы из Теней, а они признают тебя своим Повелителем.

— Это ужасно много, маленький нав! Кого другого я живым не отпустил бы с такими сведениями о себе.

— А меня, значит, отпустишь? Какая великая милость!

— Величайшая. Но сначала — накормлю. Прости, Ромига, я разучился благодарить. Слишком давно не говорил с живыми, ещё дольше — с сородичами. Закрадывались мысли, что я — единственный нав, последний.

Ромигу передёрнуло от тоски, прозвучавшей в этих словах, и он поспешил утешить собеседника:

— Нет, Империя Навь пала, но Великий Дом Навь существует на Земле.

— Кто бы мог подумать! Я заглядывал на Землю, правда, чужими глазами. Никаких следов не обнаружил. Может, у вас по соседству и асуры до сих пор прячутся?

— Может, и прячутся, — оскалился Ромига. Упоминание извечных врагов мигом разозлило его, и он задал заведомо неприятный вопрос. — Онга, ты однажды обозвал меня потомком неудачников, потерявших Империю. А сам-то ты где был, когда Империя пала?

— О, я ждал, когда ты спросишь, деликатный маленький навчик. В изгнании я был, в изгнании! Посмел разойтись с князем во мнениях о политике. О той самой политике открытой Земли, которая привела... Почти привела Навь к гибели! Я должен, я достоин был стать комиссаром провинции, но князь назначил другого. Сгоряча я высказался... Излишне резко. Князю донесли мои речи, он призвал меня и сказал, что не желает видеть меня среди живых. Тьма не воюет с Тьмой. Но ты сам знаешь, услышав такое, принято пронзать себя обсидиановым клинком и медитировать, пока не наступит смерть. Некоторые позёры устраивают целое представление, надеясь на помилование в последний миг. Но я просто склонился до земли и ответил, что покину Уратай, Землю, круг известных Внешних миров, и князь великой Империи не только не увидит меня больше, но никогда не услышит обо мне. Князь ответил, да будет так. Меня наказали на площади Глашатаев — не до смерти, взяли заклятие обещания и выдворили.

Онга замолчал, и Ромига не спешил нарушить тишину, лихорадочно соображая, что же сказать на всё это? Рассказ Онги не вязался ни с поимёнными спискам магов, достаточно сильных, чтобы претендовать на означенную должность. Ни с имперскими порядками, которые современная Навь кое в чём пересмотрела, но отнюдь не забыла. Ни с элементарным здравым смыслом! Бредовая фантазия спятившего «робинзона» — или ложь? настолько грубая, наглая, что проглотить её молча — либо выставиться полнейшим идиотом, либо продемонстрировать собеседнику столь же полное недоверие! Весь рассказ Ромига терпеливо ждал: вдруг, за словами мелькнёт какое-нибудь видение? Однако Онга

закрылся наглухо. Даже эмоции наружу не прорывались, не то что образы. Значит, скорее всего, он намерено лгал. Изучал Ромигину реакцию, как Ромига изучал его, по давней привычке строя из себя дурачка? Более наивного и дружелюбного, чем есть...

— Позже до меня доходили известия, что второй князь Нави погиб вместе с Уратаем, — продолжил Онга. — Ромига, это правда?

— Правда. У Нави сейчас третий князь... А вот я пытаюсь отыскать хоть слово правды в той кучерявой лжи, которую ты на меня вывалил, и пока не преуспел. Конечно, я не жил в Уратае, но помню: памятью старших, страницами летописей.

— И что же тебя смутило, мой маленький навчик? — совершенно спокойно, с покровительственной улыбочкой осведомился обвинённый во лжи. — Давай разбирать по порядку.

Ромига пропустил мимо ушей «моего маленького» и перечислил, что.

— Да, уел! — рассмеялся Онга. — Молодец, ловко счистил шелуху лжи с зёрнышка правды. Сам подведёшь итог, или подсказать?

— Ты ушёл в изгнание из-за несогласия со вторым князем Нави? Это — правда?

— Ну, наконец-то! А больше я тебе ничего не расскажу и, тем более, не покажу. У меня не больше причин доверять тебе, чем у тебя — мне.

— Я тебя лечил.

— А я собираюсь на Землю. Судя по тому, что ты рассказал, уже можно. Ты станешь моим попутчиком?

Ромига сглотнул внезапный ком в горле и ответил:

— Я не привык сомневаться в сородичах. Меня совершенно не радует, что между нами с тобой, Онга, нет доверия. Однако я пока не придумал причин для отрицательного ответа. Я хочу вернуться на Землю, и любой нав видится мне годным попутчиком. Только с врагом, который, как ты говоришь, меня погрыз, я должен разобраться прежде возвращения. Вернее, не я, а враг врага должен убить его.

— Это какое-то пророчество? — приподнял брови Онга.

— Да, вроде пророчества: «Тот, кто Ромигу убьёт или всерьёз покалечит, встретит своего самого страшного врага и умрёт от его руки поганой смертью.»

Онга поморщился и отвёл взгляд в сторону, затем хмыкнул:

— Гляди-ка, на Стурши — исполнилось.

— Стурши умер, но не упокоился.

— Так он и не убил тебя, даже не особо покалечил. Однако нет врага, страшнее предателя, а жертвоприношение Теням — воистину, поганая смерть.

Ромигу вновь продрало морозом по коже: Онга слишком хорошо знал, о чём говорил.

Стурши был счастлив! Всё, что потерял он в лице Великого Безымянного, вновь обрёл он теперь в лице Иули Онги. Не важно, что Солнечного Владыку и Повелителя Теней осеняют разные стихии: главное, какие они сами. Повелитель, достойный повелевать, что может быть лучше? Сильный Повелитель, которому нужен пройдоха-слуга, и ради этого Повелитель возродил к жизни почти развоплощённую мудрыми Тень!

Удушливые чары Альдиры с Латирой начали развеиваться, едва Стурши привёл Иули Ромигу под своды Дома Теней. А когда Онга исцелился, когда встал с Камня, Стурши тоже вздохнул полной грудью.

Повелитель — нестерпимо прекрасен! Преклоняться перед ним, исполнять любую его волю — долг, честь и величайшее наслаждение. Кажется, глупый Ромига этого не понимает, ерепенится. Стурши сам любитель и умелец поерепениться, да только не с великими! Однако Стурши простил глупому чужаку многое, вспять и наперёд: за то, что тот помог Повелителю возродиться. За это Стурши не станет его убивать, и даже позволит отведать вкусной похлёбки... Очень вкусной, ха!

Белянок Стурши наловил в снегах, по поручению Повелителя. За утварью и приправами сам сообразил метнуться изнанкой сна в бывшее Скундарино логово. Огонёк — начаровал. Славная вышла похлёбочка! А двое Иули как раз приумолкли. Закончили беседу? Любопытно, о чём говорили, до чего договорились? Жаль, язык чужой, ни словечка не разобрать.

Окрик:

— Стурши, ты там скоро?

— Несу, уже несу!

Сам Стурши не голоден, наелся на охоте. После того, что сделал с ним Скундара, вкусы его переменялись: живое стало ему вкуснее убитого и приготовленного. Стурши ещё раз снял пробу, убедился, что похлёбка удалась, и понёс её Иули.

Онга вновь солгал! Сказал, не покажет ничего — и тут же вывалил на Ромигу всю полноту телесных ощущений, как его приносили в жертву, и как он уходил в недра Голкья вместе с алтарём. Нет бы, прорвалось случайно! Нет, явно поделился — и наблюдал за реакцией. Ромига из чистого упрямства не показал, как его накрыло. Насколько смог, не показал: спрятал эмоции, закаменел лицом и телом.

А Стурши, тем временем, приволок еду. С почтительным поклоном поставил перед своим повелителем котелок, подал ложку. Онга зачерпнул немного бульона и принялся смаковать. Ложку, другую, третью: с невыносимо довольной рожей, подолгу перекачивая жидкость во рту, медленно глотая и облизываясь. При том, не отводил от Ромиги любопытного, лукавого взора. Сытный запах плыл по пещере, но Ромига даже есть почти расхотел. Ему было душно, тошно и больно: то ли чужой болью, то ли уже собственной. Сердце отказывалось работать, как следует. Кашлянул — сплюнул кровавой сгусток. Струйка тёмного тумана тут же завилась у чёрной кляксы на полу — разочарованно скользнула прочь.

— А ты, оказывается, гордый, маленький нав. Всегда закрываешься наглухо, когда тебе

худо?

— Ага, — кивнул Ромига. — Дурная привычка, мне говорили. Онга, напоминаю, ты обещал накормить меня и отпустить.

— Так иди сюда, и ешь! Стурши, дай ему вторую ложку.

Ромига с трудом поднялся со своей сталагмитовой табуретки... Несколько шагов до Камня — под обморочный звон в ушах, с опорой на руку Стурши. Кажется, та же рука вложила в его ледяные пальцы черенок ложки. А к котелку он потянулся уже сам. Первый глоток — через «не могу», дальше — легче. Вообще, начало отпускать. Оценил: другие травы, но похлёбка не хуже, чем у Латиры. И много: Онга почти не ел её, лишь наслаждался вкусом, слизывая с ложки буквально по капельке.

— Привыкаю заново, — сказал он Ромиге. — После эдаких ран и голодовки — нам с Тенями нельзя много сразу. А ты налегай, не стесняйся. Тебе — можно и нужно. Кушай, маленький нав, расти большим, — ласковая улыбка, лукавые искры в чёрных глазах, близко-близко.

Бесстыжий Онга так и не озаботился материализовать одежду, послать Стурши за какими-нибудь шкурами. Ему тепло в стылой пещере, его вызывающе прекрасное нагое тело пышет силой: даром, что наполовину, не пойми, из чего состоит!

Котелок пуст, и Ромигу от сытости клонит в сон. Свернуться клубком на горячем, будто печка, Камне, рядом с сородичем... Чьи-то крепкие пальцы смыкаются на запястье, выщупывают пульс. А при попытке стряхнуть — стискивают стальной хваткой.

— Не дёргайся! Ты же почти настоящий целитель, Ромига, ты знаешь, что с тобой. Твоя мохнатая тварь просто почистила рану, но не зашила то, что следовало зашить. Нет, она очень старалась. Сделала всё, что могла, я даже спорить не буду. Но теперь смотри, что вышло, — Онга создал подробное видение навской сердечнососудистой системы. — Понимаешь, что тебе нужна операция?

— Само пройдёт, — вяло отмахнулся Ромига, закрывая глаза. — Вот сейчас полежу тут, и всё будет хорошо.

Язык заплетается. Уплывающее сознание отмечает: пьян до беспамятства. Энергией ли, текущей с Камня? Травы в похлёбке были непростые? Или аркан пропустил? Впору испугаться, но страха нет... Тьма.

Вильяра не смогла проследить путь Стурши и Нимрина по изнанке сна. И кажется, вовсе не потому, что беззаконник запутал следы — само место, куда они стремились, оттолкнуло её. Смирив тревогу и недовольство, мудрая настроилась на долгое ожидание.

Стурши... Тень вернулась неожиданно быстро, одна. Тень вернулась подозрительно живой. Тень, от лица Нимрина, попросила большой целительский набор, которого у мудрой с собою не было. Зверь Юни унёс котомку с Вильяриными пожитками в дом Лембы, однако посылать туда Тень, беззаконника... Нет уж, лучше Вильяра ходит сама. И она велела Стурши ждать, а сама изнанкой сна метнулась к кузнецу.

Как же Лемба рад был её видеть! Как Вильяра рада была видеть друга детства! Жаль, мудрой сейчас не до бесед, не до совместной трапезы, не до поваляться на шкурах — лишь ненадолго слиться в поцелуе, забрать нужное, и сразу назад.

А могла бы не спешить: Стурши её не дождался. Она послала зов Тени, потом — Нимрину, и упёрлась в пустоту. Не холод смерти, не повод ужасаться! А от Тени — должен быть, наверное, холодок? Жаль, не сообразила раньше проверить... Ещё несколько попыток, столь же безуспешных. И ощущение, что глухая тишина, пустота — тоже из-за места, куда ушли Нимрин и Стурши, что именно оно закрыто наглухо.

«Мудрый Латира, куда ты отправил моего Нимрина? Ты сам-то знаешь, старый?»

«Туда, где не справится никто, кроме него. А что, малая?»

Вильяра пожаловалась.

«Оба не отзываются на безмолвную речь? А как же твоя особая связь с Нимирином? Если с ним случится что-то дурное, ты почувствуешь первой.»

«Старый, я не хочу изнывать от безвестности и ждать, пока с ним что-то случится!»

«Не хочешь изнывать, поднимайся в Залу Совета. Тут у нас веселье: будем голосовать за временное послабление в законе.»

«Какое?»

«Мудрые, совершившие запретный обряд на собственной крови, не подлежат изгнанию. До следующего беззакония или известий о прошлом, более существенном.»

«И много у нас таких?»

«Тридцать девять признались в солнечном поклонении Наритьяре Среднему. Ещё шестерых Наритьяра Старший подучил призвать камни-алтари в Домах Теней. Не считая Скундары, у которого получилось. Который пошёл до самого конца и погиб от руки им же сотворённой Тени.»

«Скундара был Повелителем Теней? Это ничтожество?»

«Увы, был. Мы с Альдирой не раскусили дурня вовремя.»

«Старый, но как же тогда... Если Скундара погиб... Альдира говорил, после смерти Повелителя тени слабеют и со временем развоплощаются. А Стурши вы совсем-совсем зачаровали, я видела. А потом, вдруг, он вернулся почти живой. Значит, кто-то ещё стал Повелителем и возродил Тень?»

«Да, малая, у Теней всегда есть Повелитель, даже когда его нету. Поэтому они не развоплощаются так, как должны. Я надеюсь, твой Иули, наконец, развяжет этот узел.»

Вильяра всё сильнее беспокоилась и злилась:

«Прости, о мудрый Латира, я не понимаю твоих речей. Ты мог бы выразиться яснее? Ты распорядился моим воином, а я отвечаю за него!»

«А главное, Нимрин — твой близнец по духу. Я понимаю твою тревогу, малая. Но ты — Вильяра мудрая. Ты служишь своему клану и всем охотникам Голкья, не щадя жизни. Да и Нимрин — не только твой воин, он здесь единственный на ногах, в силе и разуме из клана Иули. Он ведь показал нам своего сородича в плену у Камня-алтаря, ты видела. Жди! Терпи! Надейся на лучшее.»

Без сомнения, лучшее для двоих чужаков — вернуться домой, исцелив все раны духа и тела. Так думала Вильяра — и всё равно ярилась, до сжатых кулаков и стиснутых зубов. Пора, пора ей петь песнь разделения! Но прежде нужно как-то исполнить обещанное Нимрину и дождаться его оттуда, где он сейчас. И что ещё со вторым Иули, Онгой? Почему Стурши ушёл, не забрав то, за чем приходил?

«Малая, ты далеко? Поторопись, а то мудрый Нельмара уже раздаёт камушки для голосования.»

«Уже близко.»

«Ты примешь совет учителя?»

«Да, хотя я очень зла на тебя, старый. Вообще, зла! Могу послушать и сделать наоборот... Но я внимаю тебе, о мудрый Латира.»

«Положи в кувшин белый камень.»

«За послабление в законе?»

«Да. Не стоит изгонять оступившихся и доводить тех, кто им сочувствует, до раскола Совета.»

«Я услышала и поняла тебя, о мудрый Латира.»

Вильяра ещё раз послала зов Нимрину: снова безответно. Спела самой себе песни умиротворения, лишь после этого шагнула из коридора в большую Залу.

Протокнулась мимо осквернившихся, не допущенных до голосования. По обычаю, они собрались кучкой у дверей, солнечные вместе с затенёнными, уже не разбирая оттенков аур.

На возвышении стоял Нельмара: пока Вильяра отдыхала в иглу под боком у своего воина, хранитель знаний вернулся, а вот Наритьяры Младшего по-прежнему не было видно. За правым плечом Нельмары возвышался мощный Альдира, из-за левого — хитрец выглядывал Латира. Мимо троих мудрых ручейком текла чередка братьев и сестёр по служению. Остановившись напротив Нельмары, каждый получал из рук в руки три небольшие гальки-окатыша: белую, серую и чёрную, чтобы одну из них опустить в стоящий тут же узкогорлый кувшин, а две другие сбросить в мешок. Белая галька — «за», чёрная — «против», серая — «я не берусь за это отвечать». Когда подошла очередь Вильяры, в самом-самом хвосте, Нельмара вручил ей камушки и сипло уточнил, слышала ли она, за что голосуем? Не дожидаясь ответа, проскрипел, за что. Знахаркина дочь отметила, какой он бледный и замученный: брови нависли на глаза, щёки оплыли вниз, и даже кончики ушей опустились. Альдира с Латирой тоже устали, но глядели бодрее. Старый подмигнул — Вильяра подмигнула в ответ и открыто опустила в кувшин белую гальку. Обычай предписывает скрывать свой выбор, но раз она голосует последней, то уже ни на кого не влияет. А что на неё взъярятся опустившие чёрную, Вильяра подумала потом и мысленно плюнула.

Наконец, гальки вытряхнули из кувшина и старательно пересчитали. Двести восемьдесят шесть голосов, из них пятьдесят четыре мудрых не пожелали отвечать. Сто

девятнадцать опустили белую гальку, за послабление закона. Сто тринадцать — чёрную, против. Перевес в шесть голосов — очень мало! Но по сдержанной улыбке Альдиры, по блеску глаз Латиры было видно: они довольны. Нельмара только вздыхал и устало переминался с ноги на ногу, наблюдая, как разбредаются по своим местам, от входа, обладатели слишком солнечных и слишком затенённых аур.

Сорока пяти кланам не придётся выбирать новых хранителей, а старейшим — учить их. Однако мудрые запомнили, кто дал слабину. Великие песни всех уравнили и объединили, а нынешний день — снова разделил. Даже не искушённая во внутренних делах Совета Вильяра понимала: это не к добру. А ещё ей горько и странно было видеть среди не оступившихся знакомые лица. И ладно бы, молодёжь, Наритьярины ученики! Но кто бы мог подумать, что один из её соседей, Ашмира, метил в Повелители Теней? Ладно, хоть не Стира...

Хранитель знаний прокашлялся и возвестил:

— Слушайте меня, о мудрые! Теперь, когда мы решили, кто в Совете, нас ждёт ещё одно неотложное: выбор нового Голкиры. По праву временного главы Совета, а отпускаю вас на сутки, чтобы вы подумали, обсудили меж собой достойнейших, уладили срочные дела кланов, немного отдохнули. Желает ли кто сказать или спросить нечто, прежде чем мы разойдёмся?

— Хранитель, куда ты всё-таки дел Наритьяру Младшего? Почему он до сих пор не отвечает на безмолвную речь? — спросил Ркайра, старейший из не голосовавших, заступивших на солнечную сторону.

Нельмара ответил:

— Я уже сказал, нас растащили в разные стороны одичалые от крови круги. Надеюсь, когда Совет соберётся вновь, мой временный ученик вернётся. Мы послушаем, где он так надолго застрял... Желает ли кто-то ещё сказать или спросить?

Невнятный гул сошёл за молчание, Нельмара назвал точное время следующего сбора и тяжело опустился на помост. Альдира с Латирой присели рядом, наблюдая, как мудрые расходятся из Залы: кто — ногами, кто — сразу на изнанку сна. По отрешённым лицам большинства мудрых было ясно: они с головой погружены в безмолвное обсуждение итогов Совета.

Вильяра не стала исключением: «Мудрый Латира, ты доволен?»

«Да, малая. Даже тем, что ты сдуру показала свой выбор. Подойди, поговорим вслух.»

Вильяра протолкнулась сквозь редющую толпу в середину Залы, поклонилась всё ещё главе мудрых — Нельмаре. Тот устало кивнул, не открывая глаз. Латира тоже скользнул по Вильяре отсутствующим взглядом, а вот Альдира внезапно попытался взять в оборот. Схватил за руки, уставился в глаза и обрушил град обескураживающе бессмысленных вопросов. Тут же, под шумок, попытался придавить её волю... Колдунья вырвалась: мгновенным, слитным движением тела и духа. Вздохнула поглубже, собирая в упряжку злые слова — Альдира хлопнул её по спине и расхохотался:

— Молодец, сестрёнка! Вот теперь верю, что Великий Безымянный обломал об тебя зубы. Даже у своего поганого учителя ты взяла самое нужное. А чего он не дал — Латира доучит.

Вильяра вздёрнула губу над клыками:

— Старый-то доучит. А тебя я не ударила лишь из уважения к вашей с ним дружбе! Что за поганые шуточки?

— Просто испытание силы. Не держи зла, мудрая Вильяра, с тобой я пошёл бы в круг,

как с равной, — и он улыбнулся так зазывно, что колдунья потупила взгляд.

А удар сердца спустя одарила Альдиру самой манящей из своих улыбок и протянула, красиво играя голосом:

— Когда мне станет не с кем ходить в круг, я подумаю о тебе, о мудрый Альдира.

Отказ, да не слишком учтивый! Вильяра попыталась разозлить собеседника, но он не поддался. Церемонно склонил голову:

— У нас много времени впереди. Я подожду, о прекрасная Вильяра, пока мудрость твоя сравняется с силой и красотой.

Вот же заноза! Вильяра сердито фыркнула. Похоже, ей не одолеть Альдиру в словесной перепалке, а всерьёз нарываться на ссору — ни к чему.

— Эй, мудрый Латира, ты позвал меня, а сам-то ты где? Что ещё ты желаешь услышать от меня, да непременно — вслух?

Однако заговорил, неожиданно, Нельмара:

— Мы желаем, о мудрая Вильяра, чтобы ты рассказала нам всё о Нимрине, воине из Иули. По праву временного главы Совета, повелеваю тебе правдиво и полно ответить на все наши вопросы.

Колдунья превратила ещё один возмущённый «фырк» в короткое, резкое:

— Спрашивайте.

Спрашивал, в основном, Альдира: вновь донимал дикими перескоками с одного на другое! Едва успевала ответить, тут же получала следующий вопрос. Без продыху, без видимой связи с предыдущим! Колдовской силой он её больше не давил, одной болтовнёй заглумил до головокружения. Так, бывало, Латира брал в оборот ярмарочных ворюшек...

Вильяра выставила перед собой ладони:

— Мудрые, хватит! Хранитель знаний, я не творила беззакония, чтобы со мной так разговаривали!

— Не творила, — подтвердил Нельмара. — Но чем больше мы узнаем о пригретом тобою Иули, тем вернее поможем исполнить обещание, которое ты дала, и освободиться.

— Я не просила о помощи никого, кроме моего временного учителя, мудрого Латиры...

— А я попросил, — оборвал её старый. — погоди, малая, послушай... Мудрые, моя временная ученица не только в праве, а должна знать то, что мы обсуждали между собой. Хранительница Вилья — одна из нас, и это её напрямую касается.

Нельмара с Альдирой переглянулись, недовольно поморщились и согласно кивнули. Нельмара заговорил:

— Мудрая Вильяра, помнишь ли ты, как обратилась ко мне, когда кузнец Лемба нашёл чужака на тракте? Я рассказал тебе тогда о первых Иули на Голкья. О тех, кто выстроил себе этот дом. Я рассказал, как Стрелы Тьмы не нашли в нашем мире ничего ценного для себя и убрались прочь. Отмечу особо: тогда наши Зачарованные Камни не питали Иули колдовской силой и были между собою почти одинаковы. Так было до тех пор, пока ведьма Нархана, сильнейшая из непосвящённых и одарённая сновидица, не привела из-за звёзд Иули-одиночку. Что за обряды творили эти двое на древнем бродячем Камне-алтаре, не знает доподлинно ни один из мудрых. Но нам известно, что именно тогда Зачарованные Камни начали всё отчётливее тяготеть либо к солнцу, либо ко мраку и теням. Колдуны, питаясь от них, всё чаще становились опасно односторонними. Объяснял ли тебе Наритьяра Старший, почему мудрым заповедано избегать пристрастия к единственному Камню? Хотя не все мы следуем благому обычаю, увы, не все.

— Учитель говорил и показывал, что дневной круг даёт больше силы днём, ночной — ночью, каждый — в своё время года. Потому хранителю важно знать все Зачарованные Камни в своих угодьях и пользоваться ими сообразно ходу светил. Однако Наритьяра никогда не предостерегал от пристрастия к одному Камню. Мой любимый Камень — у дома Кузнеца: круг там утренний, весенний.

— Сумежный, самый безопасный. Примерно такими были раньше все наши круги. Такими они должны быть. Но Нархана со своим Иули как-то сместили равновесие, и чужак, поначалу бессильный, вдруг обрёл на Голкья великое колдовское могущество. А потом эти двое исказили путь духов и наплодили воплощённых Теней из жертв своих изуверских обрядов. А однажды они что-то не поделили между собой, и... До последнего времени мы считали, что Нархана убила своего чужака, навсегда закрепив искажения этой жертвой...

— Нельмара, ты же знаешь, мой учитель Тмисанара думал иначе, — вставил Альдира.

— Однако наш учитель так и не докопался до теневого корня, — возразил ему Латира. — И тот Иули, которого старейший Тмисанара разыскал за звёздами и привёл на Голкья, тоже не нашёл никаких следов сородича, но куда-то сгинул сам. Сейчас Иули Нимрин отправился вызволять с алтаря Иули Нарханы. А следы моего знакомого Иули, приведённого Тмисанарой, мы с Нимрином собирались поискать, да не успели.

Вильяра слушала очень внимательно, однако уже начала путаться в разных Иули.

— Мудрые, я правильно поняла, что Иули являлись на Голкья всего четырежды? Первый раз их было много, они выстроили Пещеру Совета, но быстро забросили её и ушли ни с чем. Вторым пришёл Онга Нарханы. Третий — твой Иули, Латира. Четвёртый — мой Нимрин Так?

— Да, это те Иули, которых мы знаем. Возможно, кто-то ещё бывал на Голкья, в призрачном облике или во плоти, — сказал Альдира.

Нельмара отрицательно качнул головой:

— Вряд ли мы пропустили бы их, они слишком заметные. Итого, на Голкья сейчас двое Иули: Нимрин и Онга. Третий — неизвестно, где. Возможно, давным-давно покинул Голкья.

— Мой Иули не был сновидцем и нуждался в проводнике между мирами, — нахмурил брови Латира. — Правда, незадолго до исчезновения он много выпрашивал меня о душекрадах. Я был молод, горяч и старательно искал его дружеского расположения... В общем, я наболтал чужаку лишнего. А колдун-то он был сильный и умелый, у него могло получиться. Хотя проще было меня попросить, я бы не отказал ему.

В зрачках Альдиры вспыхнули опасные искорки.

— Просить проще, если надо один раз, и знаешь, куда идти. А если Иули желал путешествовать из мира в мир, никого не спрашивая, не уговаривая, то проще заделаться душекрадом... Но вот уж не думал я, друже, что ты так падок на чёрное! И что даже Иули сбежит от тебя на ту сторону звёзд!

Латира смутился, будто набедокуривший подросток, Альдира смотрел на него сверху вниз, как старший на младшего, и довольно ухмылялся. Постепенно такая же ухмылка проступила на лице Латиры. Не хватало им только плечами потолкаться! Вильяра глазам своим не верила, глядячи на этих опытных, матёрых, умудрённых...

— Не кори себя, Латира, а ты, Альдира не язви его, — осадил старых друзей Нельмара. — Если третий Иули убрался с Голкья, это очень хорошо. Нам достанет хлопот с двумя оставшимися.

— Хлопот? — переспросила Вильяра. — Но Нимрин...

— Нимрин помог нам. Он выглядит довольно здравомыслящим, сам по себе, — перебил её Нельмара. — А вот чего ждать от подранка Нарханы, не знает никто.

— Вряд ли, чего хорошего! — почти в один голос сказали Латира с Альдирой.

— Если он выживет и не останется беспомощным калекой! — сказала Вильяра. — Слово целительницы, в том видении, что явил нам Нимрин, раненый чужак не походил на способного жить. И Стурши не забрал у меня целительский набор. Возможно, Иули Онга уже мёртв.

Латира отрицательно качнул головой:

— Возможно, но не наверняка. Я гадал, и камушки выпали за то, что стараниями Нимрина Онга выживет: восемнадцать из двадцати. Пятнадцать из двадцати, что исцелится. Десять на десять — Онга сохранит здравый рассудок. Столько же, что Камень-алтарь отпустит его. Шестнадцать из двадцати — Онга постарается отомстить за то, что с ним сделала Нархана, всем охотникам. При благоприятных для нас раскладах, мы и дальше будем иметь дело со здравомыслящим Нимрином. А при неблагоприятных... Насколько я понимаю народ Иули, они в любой сваре встают за своих. Нимрин — довольно молодой, Онга — матёрый, значит, быть ему из двоих вожаком.

— Я думаю, нужно поскорее спровадить всех Иули отсюда: по-хорошему, как дорогих гостей, — подытожил Нельмара. — А если станут беззаконничать — изгоним по-плохому.

— Надёжнее всего скорее изгнать их туда, откуда не возвращаются, — жёстко припечатал Альдира. — Чтобы эти двое никому ничего не рассказали о Голкья. Чтобы такие, как они, не повадились шляться к нам за колдовской силой. Чтобы не расшатывали равновесие дальше. Большие Врата надёжно запечатаны, но тайные тропы сновидцев и душекрадов перекрыть невозможно. Значит, лучший оберег для Голкья — неведение.

В этот миг Вильяра почти возненавидела своего собрата по служению! Попыталась прожечь его яростным взглядом:

— Альдира, ты предлагаешь мудрым совершить беззаконие? Пролить кровь зимой? Отплатить лютой неблагодарностью тому, кто избавил нас от Голкиры-узурпатора? Кто вместе с нами пел Великие песни?

Альдира обаятельно улыбнулся:

— Если Иули посягнут на кого-либо из охотников, — мудрый выделил голосом множественное «посягнут», — То они сами поставят себя вне закона. Долг мудрых будет — защитить наш мир и наши кланы от них. Прекрасная Вильяра, ты ведь уже лила кровь этой зимой, обороняя свой клан? Беззаконники с чёрной кровью ничем не лучше беззаконников с красной.

— Но мой Нимрин не...

— Пока — не, — согласно склонил голову Альдира. — И пока ему ничего не грозит от нас. Мы даже поохотимся на его душекрада. Поганью меньше — звёзды светлее. Вильяра, что ты поняла про врага Нимрина, кроме того, что возможно рассказать словами? Споём вместе песнь разделённой памяти?

Вильяра поморщилась, передёрнула плечами:

— Да, если это поможет взять след того душекрада.

Вильяра снова объявилась в доме Лембы после полудня. С изнанки сна — в свою любимую гостевую комнату. Полежала на шкурах, собирая разбредающиеся мысли, выбирая из противоречивых желаний... Муторно — просто на диво!

Зов хозяйину дома мудрая посылать не стала и в кузницу к нему не пошла. Взяла лыжи, высвистала зверя Юни, пережила его бурную радость и убрела в снега. Не охотилась, не колдовала погоду, не делала ничего, чем двуногие заполняют свои дни. Ждала единственного зова — Нимрина. Пыталась дозваться сама. Глухо. Пусто.

Никто из мудрых не потревожил её уединение. Понятно, почему: старшие сейчас до головной боли спорят, кого избрать новым Голкирой, но ещё не dospорились до двух-трёх основных претендентов, которых захотят поддержать многие. Ещё не пришёл черёд набирать этим претендентам сторонников. Как придёт, молодую хранительницу Вилья сразу вспомнят. А пока — тишина.

И охотники клана Вилья справлялись с повседневными заботами без своей мудрой. Даже те дома, которые трянуло в миг гибели Руниры мудрого. Даже вновь заселённый дом у Синего фиорда: надо бы проведать сестрёнок, но в другой раз.

И стихии замерли в безмолвии. Ветер, задувавший с ночи, не разгулялся до пурги, но стих и умер. Белый мягкий снег, кружась, падал с белого неба на белую мягкую шкуру голкья. В такой сплошной белизне легко заблудиться. Ослепнуть от мутного сияния снега, тараща глаза под ноги и всё равно не различая, куда ступаешь. Свалиться с какого-нибудь обрыва и свернуть шею. Мудрой почти не грозили эти опасности, и даже снег не налипал на её лыжи, но шла Вильяра медленно, тяжело: воздуха не хватало. Нет, на самом-то деле, душно было не ей, и сердце ныло-щемило не у неё. Колдунья могла бы отринуть эти ощущения, но она, наоборот, упорно за них цеплялась.

Её Нимрин где-то там чувствует себя не слишком хорошо... Главное, он себя чувствует, значит, он жив! И ему не хуже, чем утром. Не лучше, но не хуже. Иногда поганые новости лучше, чем отсутствие новостей. Подумав так, Вильяра перевела дух и заскользила сквозь белую мглу бодрее, целеустремлённее.

Утопший в облаках закат застиг её над Синим фиордом, у Зачарованного Камня. Ещё с соседнего холма мудрой померещилось: Камень мерцает сквозь пелену снега тёплым золотистым бликом. Померещилось? Ой, нет! Чем ближе Вильяра к Камню, чем гуще сумерки, тем отчётливее сияние. Мягкое, влекущее: как свет костра в ночи, как гостеприимно открытая дверь... Вильяра прекрасно знала свой первый Зачарованный Камень и раньше за ним такого не замечала. Он всегда был чересчур солнечным, но не до такой же степени! И Наритьяра Младший, ещё до того, как пропал, предупредил, что с этим Камнем творится что-то странное. Или из-за того, что Нимрин слишком близко пролил кровь Наритьяры Среднего? Или старейшие правы: одни круги темнеют, другие светлеют?

Мудрая остановилась в двадцати шагах и некоторое время стояла, впитывая текущую из-под Камня силу. Солнечную, очень солнечную! Но Вильяре, для её внутреннего равновесия — полезно: слишком много времени провела она рядом с Нимрином... А хорошо бы не просто так постоять, а в круг зайти. Кому, как не хранительнице Вилья за ним приглядывать? Ой, только не застрячь бы!

Вильяра спела приветствие и привычно возложила руки на Камень. Чуть толкнула,

чтобы открыть... Обнаружила себя сидящей в снегу, со звоном в ушах и обожжёнными ладонями. Так бывает, когда сдуру ломанёшься в запечатанный круг. Но кто посмел запечатать круг без ведома и согласия хранительницы? Возмущение — сильнее боли! Колдунья даже не стала залечивать вспухающие волдыри, вскочила и двинулась в обход Камня. Искала метку, которую оставляет мудрый на запечатанном его рукою. Тщетно! Неужели, кто-то закрыл круг изнутри? Или круг закрылся сам? Учитель говорил, это возможно, и так бывает, но не научил даже отличить одно от другого. А новый её наставник, Латира, занят гаданиями и расчётами. Однако нелады с кругом — достаточный повод его потревожить...

«Да, малая, это уже второй замкнувшийся круг в твоих угодьях. Ярмарочный тоже закрылся наглухо... Да, я сразу же объясню тебе, что это значит. У нас одновременно объявились Повелитель Теней и Солнечный Владыка. Оба стремительно набирают силу. День-другой... Не дольше луны, они созреют до песни Равновесия или до смертельной схватки.»

«Но как? Откуда? Наритьяра Средний погиб, Скундара погиб. Стурши — Тень и не сможет стать Повелителем. Все мудрые были на Совете. Неужели, кто-то из старейших, кто бродил в иных мирах, тайно вернулся, чтобы...»

«Нет. Тенями повелевает один из Иули, гадание не позволяет мне различить, кто из них. А на Солнечной стороне — Наритьяра Младший.»

«Не Ркайра?»

«Старейший слишком слаб, чтобы перетянуть эту шкуру на себя. За него лишь один из двадцати.»

Сказать, что Вильяра озлилась — ничего не сказать!

«О мудрый Латира, о хранитель Ярмарочного поселения, скажи мне, хранительнице Вилья, почему я узнаю о закрывшемся круге в своих угодьях только спросив тебя?»

«Да потому, что я вот только что ткнулся в него носом, как и ты! Не яришь, малая. Всё меняется очень быстро. Похоже, отправив Нимрина к Онге, мы сорвали лавину. Однако снег копился давно и сошёл бы неизбежно. Умри Онга на алтаре-камне... Приходи-ка скорее в Залу Совета, я тебе покажу, что было бы. Какие расклады мы нараскладывали, что насчитали.»

«Я сейчас. Зверя отпущу и подберу лыжи, жалко их тут бросать.»

Вильяру уже тошнило от Залы Совета, от мягко обволакивающих, успокоительных древних чар! Голова кружилась, тянуло в сон... Её и не её: Нимрин где-то там изнемогал от голода и усталости. Колдунье тоже не мешало бы поесть, но здоровому телу лёгкий голод не вредит и сил не отнимает. Латира, однако, смерил Вильяру тяжёлым внимательным взглядом и принялся готовить похлёбку. Молча. Нарочито неспешно.

А на возвышении в середине Залы разложены и расставлены принадлежности для гадания, для счёта. Латирину чашу, светильник, кошель-металку для камушков и гадательную доску Вильяра помнила по ярмарочному шатру, прочие снасти видела впервые и даже опознать не смогла, зачем они. Счётной премудрости и сложным гадательным раскладам Наритьяра её не учил, говорил, что это — наука старейших, вообще, не для её ума. Мол, владеешь купеческим счётом, умеешь гадать, как все охотники, и довольно.

— Старый, ты обещал мне кое-что показать, — напомнила колдунья Латире.

— Для начала, я своим примером показываю тебе, малая, что спешить нам некуда. Уже или пока. Во всех раскладах наше место, всех мудрых: «дичь в яме» или «добыча в котле»,

десять на десять.

Вильяра отказалась верить ушам, услышав такое!

— И ты спокойно говоришь об этом? Когда Средний приводил нас к присяге, ты же не сидел, не дожидался! Ты искал выход! Мы вместе искали!

— Тогда мы были: «бегущая дичь», «огрызающийся зверь», «зверь в логове», «зверь в засаде» и даже «зверь задрал охотника». А сейчас все расклады дурны или не ясны. У меня давно не выпадало столько чёрных и серых камушков, — Латира сглотнул, понизил голос. — Со времён падения Лати — ни разу.

— То есть, ты признаёшь, что ошибся, отсылая Нимрина к тому подранку? — Вильяра почти шипела от сдерживаемой ярости.

— Нет. Я признаю это с последним ударом сердца, если случится худшее. А пока, ты помнишь: каждый шаг каждого живущего меняет мир и его судьбу. Потому ни одно гадание не сбывается в точности. Ждём более благоприятных раскладов. Заботимся о себе, чтобы быть готовыми ко всему. Заботимся о тех, о ком можем и должны заботиться. Вон, Альдира с Нельмарой спят: ищут за звёздами душекрада, чтобы предъявить его шкуру Нимрину. Ркайра ищет по всей Голкья Наритьяру Младшего. Я гадаю. А ты... Сейчас поедим, и я советую тебе тоже поспать. Вдруг, сможешь увидеть, что происходит, глазами своего близнеца?

— То есть, старый, ты признаёшь, что моя связь с Нимрином — всё-таки благо?

— Признаю, когда ты принесёшь новости из самого глубокого Дома Теней, из неприступного логова Повелителя Теней.

Съестное Вильяра глотала через силу, не ощущая вкуса. Веки её неудержимо слипались, руки-ноги тяжелели, все чувства стремительно угасали: даже злость. Где-то там её Нимрин то ли засыпал, то ли терял сознание...

Нет, больно и страшно ему не было. Чуть горчило на языке зелье глухого сна, перебивая послевкусие отменно сваренной похлёбки. Обморочной истомы от зелья хватило на двоих, но Вильяру накрыло лишь отчасти. Добудиться Нимнира колдунья не смогла бы, даже оказавшись рядом, но ощущения его тела эхом отражались в ней, и она сознавала их.

Если верить эху, Нимрин уютно свернулся клубочком на плоском камне, тёплом, как лежанка над очагом. Где-то поблизости — Стурши: его запах и звук дыхания. А совсем-совсем рядом — другой Иули! Сильный, здоровый, не та дохлятина из видения. Конечно, Нимрин шёл лечить Онгу, но как-то уж слишком быстро...

Теплая рука того Иули прошла над лицом Нимрина и очень болезненно щипнула за ухо. Вильяре, вчуже, больно, а одурманенному зельем Нимрину — всё равно: его сейчас хоть на кусочки режь! Убедившись, что зелье действует, Иули перекатил бесчувственное тело сородича на спину и принялся раздевать, неодобрительно цокая языком на торчащие мослы.

Стурши, видимо, пялился, затаив дыхание от любопытства, потом не утерпел:

— Повелитель Онга, позволишь спросить? Что теперь с ним? Уложишь на алтарь вместе себя? Сделаешь его одним из нас?

Онга долго молчал, потом всё-таки снизошёл до ответа:

— Для начала, Стурши, я хорошенько его вылечу. Сперва он — меня, теперь я — его. А ты поди, налови нам побольше мелкой дичи. Или что-нибудь крупное, но обязательно дикое. Двуногих с их имуществом пока не трогай! Не смей попадаться двуногим на глаза и хорошенько замети за собой все следы. Время Теням выходить на свет ещё не настало.

Отдавая наказ Стурши, Онга деловито ощупывал тело Нимрина. Знахаркина дочь ни

разу не усомнилась в цели и смысле каждого касания, нажатия, простукивания, но за лекарскими хватками чувала властную ласковость... Пугающую! До озноба!

Едва Стурши отбыл на охоту, Онга принялся ворожить. Иули при этом не поют, их отрывистый речитатив звучит грознее любой песни... Миг, и Вильяра перестала ощущать Ниминира. Миг, и тело самой колдуньи заledenело, а сердце остановилось.

Латире везло. Латире пока ещё везло! Он вовремя спохватился и сумел вывести ученицу из странного оцепенения между жизнью и смертью — в обыкновенный глухой сон. Добудиться и расспросить не смог. Однако размышляя о происходящем, он наметил правильный вопрос для гадания и разделил образы двух Иули. Повелитель Теней — Онга, двадцать из двадцати. А Нимрин рядом с Повелителем — чуть жив. Выживет? Да, что бы с ним ни творилось, это пока не к смерти. А вот дальше Нимрин неизбежно вольётся в общий с мудрыми расклад: «зверь в яме». Чуть лучше «дичи в яме», которая выпала прошлый раз, но не намного. Дальше — неопределённость! Хоть изведи на гадание всю колдовскую силу, а надо её беречь: все Камни могут закрыться в любой миг...

Сожалел ли старый колдун о ранее принятых решениях? Всё ещё, нет. Пусть лавина катится с горы! Можно убратся с её пути изнанкой сна. Можно спеть летучую и стать частью лавины, отводя её от того, кого сильнее всего желаешь сберечь. От тех, кого желаешь сберечь!

Латира притащил шкуры, потеплее укутал спящую Вильяру и сам прикорнул рядом. Дрёма не мешает ему вести переговоры о будущем главе Совета. Хотя узнав последние новости, Нельмара почти наверняка отложит выборы: на бегу не переобуваются.

Охотничья удача сопутствовала Стурши: он быстро добыл молодого корнероя и пару белянок. Белянок съел сразу, всё ещё дивясь, как не распробовал живинку раньше? Тушу корнероя взвалил на плечи и вернулся к Повелителю.

Страсть, как любопытно, что же один Иули делает с другим? А ничего! Нимрин лежит на алтаре-камне, до подбородка укрытый чёрным полотнищем: холодный, бледный, не дышит... Кабы Стурши не умел видеть ауру, принял бы за труп. У этих Иули всё чудно: хуже, чем у мудрых!

Нимрин лежит-полёживает, а Повелитель Онга то ли пляшет по пещере, то ли сражается с невидимым противником. Одедся с ног до головы в чёрное: одежда, в точности, как сняли с Нимрина...

Нанёс последний удар — остановился. Коротко похвалил Стурши за добытую дичь. Велел разделать и нарезать мясо, а готовить принялся сам, перетряхнув мешочки с травами и выбрав престранное их сочетание. Охотник такое бы в рот не взял, сторишь ведь заживо! А Повелитель и приготовил, и съел, и облизнулся довольно. Немного поворожил над Нимрином, вновь облизнулся, как после вкусной трапезы. Спрашивать его, к чему всё это, Стурши не смел, пока Повелитель не заговорил сам.

— Стурши, проведи меня туда, где ты оставил вот это, — указующий перст — на пустой кошель из-под улу на поясе Стурши. — Ты же помнишь, где?

— Я помню, где последний раз держал этот нож в руках. Если я обронил его там, и никто потом не подобрал, мы найдём его, о Повелитель!

— Веди!

Онга сам обнял Стурши и закрыл глаза, утащить его на изнанку сна оказалось легко-легко. И ножик-улу никуда не делся из Дома Теней, где Стурши принёс в жертву неудачника Скундару. Стурши, не думая, потянулся к ножу — схлопотал оплеуху. Рыбкой отлетел к

стене, сполз по ней и решил не вставать без приказа Повелителя. Только смотрел и слушал, как тот ворожит.

А Повелитель чередовал песни, вроде охотничьих, с грозно звучащими колдовскими словесами, и длинные пальцы его стремительно выплетали в воздухе некий узор. Он притягивал обитающий в Доме Теней чёрный туман, и древний улу на полу будто дымился... Вот уже дым с туманом сгущаются, сгущаются, обретая очертания охотника... Охотницы!

Прекрасная обнажённая женщина встала над древним улу, качнула тяжёлыми грудями, уперла руки в бока. Глянула на призвавшего её Онгу снизу вверх, а всё равно дерзко.

Повелитель обошёл женщину кругом, выпевая последнее заклятие. Остановился лицом к лицу, протянул насмешливо:

— Ну, здравствуй, Нархана.

— И тебе не чихать! — фыркнула прославленная ведьма, которую сотни лет никто не видал во плоти или призраком.

Вот она, значит, какая! Высокая и стройная, серая, синеглазая — она могла бы оказаться родной сестрой Стурши. Так причудливо сплетаются порою родовые ветви...

— Раз уж ты выжил и освободился, Онга. Раз не побоялся собрать воедино то, что от меня осталось. Раз так, то я, Тень Нарханы, буду вновь прислуживать тебе, о мой Повелитель, как служила живая... Да-да-да, я верно послужу тебе, любезный мой Онга. Я подожду, пока ты вновь повернёшься ко мне спиной!

И женщина, миг назад горделиво-спокойная, расхохоталась: горько, страшно, навзрыд. Онга, с выражением холодной брезгливости на лице, отвесил ей оплеуху. Не такую сильную, как Стурши: Нархана устояла на ногах. Прекратила безумный смех, выпрямилась — плюнула в лицо Повелителю. Онга небрежно уклонился от плевка, погрозил ведьме пальцем. А потом вдруг шагнул вперёд и обнял её, прижал к себе, как обнимают очень-очень желанных после долгой разлуки. И дерзкая ведьма неожиданно покорно к нему прильнула!

Неужто, прямо тут и закувыркаются, позабыв былые распри? Ой, нет! Стурши глазам своим не верил: Онга просто вмял Нархану в себя, как слепают два снежка. Миг, и нет больше никакой ведьмы, только Повелитель стал на полголовы выше, шире в плечах, величественнее и грознее. С коротким смешком подобрал с пола жертвенный нож — ахнул о стену, так что камень разлетелся мелким брызгами.

Стурши обмер! Этим ножом Скундара принёс его в жертву. Но с тех пор, как Стурши заполучил ножик в свои руки, старый улу казался ему родным и почти живым. Да и ведьма...

— Запомни, Стурши: отныне так будет с каждым, кто встанет против меня, будь то живой, призрак или тень. Я никому не позволю наносить мне новые раны, причинять боль. Идём дальше, я заберу другое своё имущество.

Стурши сглотнул внезапный страх и сообщил: по праву, по долгу слуги:

— В этом Доме Теней имеется прекрасная кладовка, о Повелитель. Не желаешь ли взглянуть?

Онга соизволил осмотреть колдовские припасы и велел Стурши забрать с собой кое-что. А потом, когда Стурши под завязочку набил котомку, Повелитель сам утянул Тень на изнанку сна и вывел в пустой квадратной комнате со стенами гладкими, как в логове мудрых при ярмарке. Здесь царил уже привычный мрак: Стурши перестал удивляться, что видит без света, и для Повелителя Онги это было в порядке вещей. А ещё в комнате было душно, как не бывает ни в диких пещерах, ни в домах охотников. Казалось, сам воздух здесь давным-давно умер, и тлен его иссох.

Онга осмотрелся, недовольно хмыкнул. Пробормотал что-то, шевеля пальцами. В одной из четырёх стен, на вид, совершенно глухих, возник дверной проём. Тяжёлая дверь отворилась сама собой, плавно, беззвучно. Повелитель шагнул в комнату, заметно больше первой. Снова огляделся — разразился руганью на незнакомом Стурши языке. Однако никаких сомнений, что поминает он щуров на двести пятьдесят шесть щуровых колен!

Закончив браниться, Онга зажёл яркие колдовские искры и медленно прошёлся вдоль стен. Два круга: то простукивая гладкий камень, то напевая, то шепча заклятия. Закончил — покачал головой. Шагнул на середину, к большому, странного вида металлическому столу. Взял единственный лежащий там предмет: кусок тонкой кожи вроде той, что натягивают на барабаны. Вгляделся в знаки, начертанные на коже — одним рывком разодрал напополам, испепелил огнём из глаз. Перевёл яростный взгляд на Стурши, который так и замер на пороге комнаты, не смея войти.

Беззаконник уже попался под руку Великому во гневе, потому не ожидал ничего хорошего. Ужас, почти неведомый прежде, скрутил ему потроха. Накажет Повелитель — или сразу поглотит, как Нархану? Однако Онга глубоко вдохнул, выдохнул... Улыбнулся. Расстегнул одежду: от пояса вниз. Поманил Тень к себе.

Опускаясь на колени перед Повелителем, Стурши был безмерно счастлив, что снова уцелел.

Ромига проснулся от запаха еды. Где-то рядом готовили шуркь! Немного странноватый набор незнакомых приправ... Приправ? Он вспомнил, как отключился после похлёбки, пережил очень неприятный миг запоздалого испуга и сосредоточился на внутренних ощущениях.

Удивительно... Однако... Сейчас он чувствует себя просто превосходно! Только голова тяжёлая, мутная, а всё остальное настолько в порядке, насколько на Голкья у него, пожалуй, ещё не бывало. Сердце работает, как часы, дышится легко, нигде ничего не болит. А что лежит он на тёплом, твёрдом и ровном, источающем тёмную энергию... Угадайте с трёх раз, что же это такое? Лежит он на этом совершенно голый, заботливо укрытый пледом... И голова... Ой, нет, после нормального сна здоровая навская голова так гудеть не может! Только после снадобий и арканов: хорошо, если целительских.

Кто-то рядом произнёс по-навски:

— Ромига, шуркь стынет! Ты думаешь, я буду ждать, пока ты размышляешь, просыпаться тебе, или нет? Вставай, ешь!

Улыбающийся Онга удобно расположился в кресле за низким столиком, сервированным на двоих. Второе, свободное, кресло поджидало Ромигу. Традиционная навская мебель странновато смотрелась среди сталактитов и сталагмитов, однако Онгу это нисколько не смущало.

— Сперва отдай мне одежду, — сказал Ромига, садясь на своём каменном ложе. — И вообще, Онга, я не понял, что это было?

— Осложнение от плохо зажившей раны. Ты перетрудил себя и провалился в регенерационный анабиоз. Я счёл долгом залатать тебя, как следует. Как самочувствие?

— Спасибо, хорошо. А давно я? Сколько времени прошло?

— Да кто ж его знает! В этом месте время течёт, как ему вздумается, — рассмеялся Онга, глядя на кутающегося в плед Ромигу. — Не стесняйся, маленький нав, чего уж я там не видел, пока тебя лечил. Иди скорее есть.

Ромига замотался в плед, как в саронг, следуя минимальным застольным приличиям и оберегая особо чувствительные места от случайных брызг соуса. Шуркь оказался хорош, и некоторое время Ромига молчал, утоляя здоровый голод здорового навского организма. Но мяса — много, доедали уже не спеша, под разговор. Вопросов-то накопилась...

— Слушай, Онга, а как я набрал мышечную массу, если валялся тут в глубочайшем беспомоществе? — спросил Ромига, разглядывая свои руки.

Онга ласково улыбнулся:

— Тени кормили тебя. Мне грустно было смотреть на твои обтянутые кожей косточки, и я велел им. Скажу больше: я полюбопытствовал, поможет ли тебе то, что помогает мне?

— Ну, и как, удовлетворил любопытство?

— Да, вполне. Тебе помогает. Я разучился благодарить словами, но не разучился — делом. Ты вылечил меня, я — тебя. Теперь, если захочешь, Стурши проводит тебя в любое место на Голкья, куда ты скажешь. Но сперва я хочу расспросить тебя кое о чём.

— Спрашивай, — нахмурил брови Ромига.

Результат лечения ему, без сомнения, нравился, а вот методы... И как-то слишком сладкоречив стал Онга: не язвил, не подкалывал, даже «маленьким» почти не называл, но вряд ли оттого, что внезапно проникся уважением. Что у него на уме, как раз и можно понять из его расспросов.

А Онга вальяжно развалился в кресле и держал паузу, пока Ромига не поймал его взгляд, не заёрзал нетерпеливо.

— Ромига, кроме нас с тобой, на Голкья побывал ещё какой-то нав. Ты что-нибудь знаешь о нём?

Неожиданный вопрос, но любопытный. Почему бы не обсудить?

— Я слышал про некоего Иули без имени, но не встречал его. Говорят, он куда-то сгинул. Уже давно, а я здесь меньше луны. Ты-то откуда узнал, лёжа тут?

— Мне кажется, я чувствовал его присутствие в мире, а потом перестал. А откуда узнал ты?

— Один голки обещал показать мне его дом.

— Ромига, а голки не сказал, давно ли тот нав сгинул?

— Лет пятьдесят или сто назад, по местному счёту.

Онга молчал довольно долго. Прочитать его эмоции Ромига не мог ни магически, ни по выражению лица. Лишь уши нава, острые кончики, торчащие из-под волос, выдали бурю внутри... Онга резко подался вперёд, сверкнул искрами в зрачках и возвестил:

— Ромига, ты понимаешь, что пока мы здесь, нам надо прояснить судьбу этого Иули? Вдруг, голки сделали с ним то же, что и со мной? Вдруг, он так же нуждается в помощи?

Ромига сам думал об этом, но возразил:

— Насколько я понял, жертвоприношения Камням у них очень давно под строжайшим запретом.

Онга зло рассмеялся:

— Кому и когда это мешало? Вон, Стурши стал Тенью милостью одного из шаманов, сугубых поборников этого, так называемого, закона.

Ромига склонил голову, соглашаясь.

— Онга, если я побываю в его доме, возможно, я найду какие-то следы и пойму, где искать. И голки я расспрошу подробнее. А что собираешься делать ты?

Онга фыркнул, очевидно, успокаиваясь:

— Лечиться дальше. Пока я не регенерирую полностью, я не покину это убежище. Как видишь, не так уж сложно его благоустроить.

— Онга, а позволь мне тоже полюбопытствовать? Как ты собираешься попасть на Землю? К твоему сведению, порталы Большой Дороги перестали открываться ещё до моего рождения. По крайней мере, на Землю этот путь закрыт. Я сам не помню, как меня занесло на Голкья, и понятия не имею, как отсюда выбраться. Голки обещали помочь, и не похоже, чтобы они лгали. Но провести кого-то из мира в мир во плоти, им тоже, вроде бы, не просто.

— Да. Таких, как моя Нархана, всегда было мало. Однако не бойся, маленький нав, способы я знаю. Пока буду долечиваться, как раз всё обдумаю и подготавливаю.

— Кстати, о долечиваться. Онга, скажи, после твоих манипуляций аура у меня такая же хвостатая, как у тебя?

— Уже не должна. Но встань-ка, дай, я проверю.

Ромига встал из-за стола, поддёрнул обёрнутый вокруг бёдер плед — чёрная ткань дематериализовалась, туманом утекла сквозь пальцы. Нав подавил желание прикрыться ладонями. Но, правда, чего уж теперь. Встал прямо, уставился на Онгу с угрюмым недоумением. Тот обошёл кругом Ромиги, панибратски хлопнул его по плечу.

— Не вижу у тебя никаких хвостов, кроме того, которым Тьма наградила при рождении, — ухмылочка, и взгляд — сальный-сальный.

— Онга. Верни. Мою. Одежду, — отчеканил Ромига.

На самом деле его страшно влекло к Онге. Хотелось слушать и слушаться, склониться перед харизматичным древним навом, признать его безусловное главенство... Тьма-прародительница, да просто ему отдаться, как отдавался Стурши! Только ни разу ещё Ромигины дурные предчувствия не вопили так громко и внятно: если позволишь себя поиметь, если станешь ключом от силы на этом Камне — пропадёшь.

— Ромига, ты такой смешной, когда сердисься — просто умора! Но тебе следует знать. С тех пор, как я встал на ноги, в этом Доме Теней всё творится по моей и только по моей воле. Конечно, я желаю навью... Или нава. Кого угодно живого, нашей крови. Но я не унижусь до принуждения и не унижу тебя. Я подожду, пока ты созреешь. Ждать мне осталось совсем не долго.

— Не сегодня! — выдохнул Ромига, холодея внутри от жесточайшего разочарования собственным упрямством.

Онга небрежно взерошил ему волосы — и сунул в руки свёрток одежды.

— Иди искать Иули. Куда мой Стурши должен отвести тебя?

— В Пещеру Совета, откуда привёл... Онга, если это возможно, позволь мне разговаривать с тобой безмолвной речью?

— Присылай зов. Ты — не живой голки, у тебя получится.

Ромига проснулся, лёжа «звёздочкой» на чём-то твёрдом и ровном... Подскочил, как ошпаренный — спросонок померещилось, что его сейчас будут приносить в жертву, как Онгу и Стурши...

Стурши! Конечно, это он, поганец, притащил Ромигу в Пещеру Совета, но не разбудил сразу, а заботливо уложил... Гадай теперь, что это было: чёрный юмор, предостережение, угроза? А голова всё ещё тяжёлая, соображает туго. И все чувства, эмоции, будто примороженные, кроме отчаянного желания стелиться под Онгу.

Но легче, легче, легчает стремительно! И что-то до боли знакомое есть во всём этом комплексе ощущений... Вспомнил! Примерно так отпускает «поцелуй русалки»! Что-о-о!? Навы же не могут? Это же специфически людский аркан?

Ромига, скрипя зубами от закипающей ярости, сел в медитацию. Срочно изучить следы воздействия, пока они не простыли! Итак, энергия — исключительно тёмная. Но по структуре — да, кое в чём похоже на «поцелуй». Может, современные навывы утратили нечто из умений древних? А они, безусловно, многое утратили! Может, Онга научился этой пакости где-то во Внешних Мирах? Может, изобрёл сам? А может, это вообще не Онга, а его Камушек!?

Ромига взвился на ноги и обежал комнату кругом: пол — стена — потолок — вторая стена — пол — снова стена — сальто с приземлением в исходную точку. Ярость клокотала в груди, тянуло что-нибудь разнести к асуровым шурам, но в каменном мешке — нечего, а рушить потолок себе на голову... Нет уж, Ромига обойдётся! Несколько вдохов-выдохов, короткая разминка — он всё ещё в ярости, но уже способен мыслить холодно и здраво.

Об Онге, чтоб его! Об алтаре-камне. О них обоих. Разорвать бы их странный симбиоз вытащить Онгу из норы — многое стало бы яснее. Если Онга это переживёт! Ромига встречал разумных, попавших под власть могущественного артефакта. Думал, навывы достаточно сильны, чтобы избегать подобного. Но только не в обстоятельствах Онги! Ему и без Камня было, от чего спятить. Но без Камня он просто не выжил бы.

Навская психика — устойчивая и гибкая, с такими же способностями к самоисцелению, как навское тело. Плюс, каждого нава, смолоду, обучают приёмам самопомощи. На крайний случай, учат различать признаки зарождающегося безумия у себя и у других. Учат вовремя обращаться к целителям разума, они же — специалисты по особо тонким ментальным воздействиям. Потому истинных, клинических безумцев в Цитадели нет. Навывы слишком физически и магически, слишком опасны, чтобы позволить себе такую сомнительную роскошь. Навы тысячелетиями искала баланс между свободой личных причуд и безопасностью для всех и каждого. Нынешнее положение дел устраивает даже любителей походить по грани.

Всё это так, но Навь — очень далеко, а Онга — давным-давно вне её. Когда Онгу изгнали, навывы были пассионарны и могущественны, однако ещё не додумались до многого, что «потомку неудачников» — само собой разумеется. Умеет ли Онга вправлять вывихи собственной психики? Считает ли нужным работать над собой в эту сторону? Сознёт ли, что с ним что-то может быть не так? А Ромига — сознаёт?

После всех своих приключений, Ромига уверен лишь, что сам нуждается в обстоятельном разговоре с мастером Шагой. Как минимум! Для диагностики другого нава

он сейчас — кривое зеркало, негодный камертон. А лечить перекосы в чужих мозгах Ромигу попросту не учили: это не грубое хирургическое «отрезал — зашил». Так что Онга либо выправится сам, либо не выправится. На этом следует подвести черту.

Ради собственной безопасности, держаться подальше от возможного психа и раба артефакта. От самого артефакта — тоже. По крайней мере, пока. А вот идея поискать третьего нава — очень здравая и заманчивая. Если тот Иули найдётся живым, то разбавит их с Онгой сомнительную компанию. А если нет, может, он хотя бы записку какую черкнул, для идущих по следу сородичей? Да мало ли интересного и полезного найдёт один нав в жилище другого?

«Мудрый Латира, здравствуй! Ты меня слышишь?»

«Иули! Нашёлся! Слышу тебя, очень рад!»

«Латира, я в Пещере Совета, Стурши вернул меня на прежнее место. Сейчас я тут один, и мне очень нужно поговорить с тобой. Срочно!»

— И видеть тебя я тоже рад! — воскликнул пожилой, низкорослый серенький голки, улыбаясь во все свои потёртые клыки.

Присмотрелся к Ромиге — нахмурил густые брови:

— Ты изменился, Нимрин. И кажется мне, не к лучшему.

Ромига нахмурился в ответ:

— Мудрый Латира, ты сам отправил меня туда, где со мной это произошло. Кстати, что произошло? Что ты во мне узрел, что тебя так перекосило?

Латира помолчал, вглядываясь.

— Был бы ты охотником, я бы сказал, ты мечен Тенями. Не Повелитель и не Тень, однако мечен. В охотнике я бы не сомневался, но ты сам по себе — тёмный. Вдруг, для вас это в порядке вещей?

Тьма-прародительница, да кто ж это знает!

— Латира, ты наблюдал меня и другого Иули. Довольно долго. Хочешь сказать, раньше ты подобного не видел?

— На тебе — нет, до сего дня. А мой старый друг Иули изменился примерно так... Перед тем, как исчезнуть.

— Латира, отведи меня в его дом!

— Сегодня? Сейчас?

— Да. По праву и долгу сородича! Я не могу откладывать. Если у тебя нет срочных дел...

— Срочных — нету. Отведу. Только прежде давай споем с тобой вместе одну песенку.

— Какую?

— От навязанной воли, от чужих глаз и ушей.

Ромига зло рыкнул — и согласился. Лишним всяко не будет.

Спели, потом Ромига привычно приготовился к путешествию по изнанке сна, грузом.

Он проснулся, лёжа «звёздочкой» на твёрдом и ровном. Померещилась погань — вскочил, как ошпаренный...

Стоп, это уже один раз было! Вот в этой самой комнате Ромига метался по стенам от ярости. Потом позвал Латиру, они говорили, пели, собрались в дом Иули.

Почему опять та же комната в Пещере Совета? Почему он тут один? Где мудрый? Или весь их разговор был Ромигиной галлюцинацией? Мороз по хребту...

«Мудрый Латира, здравствуй! Ты меня слышишь?»

Нет ответа! Ромига не умеет различать оттенки молчания в безмолвной речи. Просто, нет ответа — и предчувствие, очень поганое.

Нав тщательно просканировал комнату. Нашёл следы присутствия: свои, Латиры, Стурши, ещё каких-то голки. Следы старые, следы недавние — и совсем свежие. Нет, не привиделось! Латира был здесь, не более часа назад. Но потом-то куда делся? Впрочем, на изнанке сна бывают ловушки, иногда даже смертельные.

«Вильяра! Ты меня слышишь?»

«Да! Нимин, наконец, ты нашёлся! Я сейчас...»

«Стой, опасно! Никуда не ходи, ничего не делай, сначала выслушай.»

«Где ты?»

«Я в Пещере Совета, и со мной пока всё хорошо. Только не ходи ко мне изнанкой сна. Попробуй позвать Латиру.»

Даже очень здоровое навское сердце частит, отсчитывая время тревожного ожидания.

«Нимрин, Латира не отвечает мне. Я вообще его не слышу. Он либо закрылся наглухо от мысленной речи, старый умеет... Либо он в такой же щуровой заднице, как побывал ты. Ты знаешь, сколько дней тебя искали?»

«Нет. А сколько?»

«Пять дней. Правда, я их почти все проспала. Мы же с тобою связаны. Мне привиделось, как поганый Онга усыпил тебя зельем глухого сна, а потом заморозил почти насмерть. Я сама чуть не умерла. Если бы не Латира... Старый добудился меня совсем недавно. Я сейчас в Латирином логове. Помнишь? Найдёшь?»

«Помню и найду. Я пойду пешком, так что, жди... Вильяра, пожалуйста, дождись меня там!»

Лежанка остыла, хорошо бы протопить очаг, но не хочется лишний раз шевелиться. Вильяра смотрит в потолок Латиринового логова и тихонечко, бессильно плачет. Она не сказала Ромиге, что она нагадала для своего второго наставника. Вильяра — никудышная гадалка, она могла ошибиться. Она вытянула «добычу в котле», и чёрный камушек подтвердил, что добыча — именно тот, на кого она гадала. Пусть гадание не действительно, пусть убийственный расклад — всего лишь игра случайностей!

Легко это проверить: вложить побольше колдовской силы и повторить гадание. Но ей так безнадежно тоскливо и страшно, что кровь стынет в жилах, и сердце замедляет ход, и разум соскальзывает обратно в небытие глухого сна. И воли совсем не осталось — стряхнуть эту одурь. Вильяра чувствует себя безнадежно больной, смертельно усталой, разбитой...

— Вильяра, мудрая, просыпайся! Эй!

Её долго-долго теребили и тормошили, а когда она с трудом разлепила веки, сразу же запечатали губы поцелуем.

— Нимрин,пусти! Ну, что ты делаешь?

— Бужу тебя и грею, по твоему же рецепту. Не знаю, что с тобой стряслось, но ты совсем, как ледышка... Вильяра, не спать! Вильяра, посмотри на меня! А ну-ка, собери взгляд.

Нимрин навис над ней, и в чёрных глазах его — тревоги больше, чем мужского желания. А Вильяре — не до удовольствий, совсем. Да, кажется, она сейчас сама не своя.

— Нимрин, слезь с меня, — вяло барахтается она под навалившимся сверху чужаком, который из полудохлого кожа-кости отъелся уже до своего обычного вида.

— Ни за что! — он крепко обнимает её, прямо поверх кокона шкур.

— Затопи очаг, погрей воды. Или дай, я сама.

У колдуньи всё же достало сил, чтобы вывернуться из нежеланных объятий и с головой замотать в шкуры самого Нимрина. Конечно, ненадолго, но возня её чуточку взбодрила. А уж как забавно Нимрин отфыркивался от шерсти...

Выпутался, проморгался. Смотрит — беспокойство из его взгляда никуда не ушло.

— Вильяра, ты пробовала ещё раз позвать Латиру?

— Он пропал, но он жив. Эта пещерка вся зачарована им. Чары не осыпались, значит, мудрый Латира жив! — убеждает колдунья сама себя. И тут же срывается, всхлипывает. — Я гадала на него, и выпала «добыча в котле».

— «Добыча в котле»? Истолкуй? — переспрашивает Нимрин.

У Вильяры челюсти сводит от нежелания говорить об этом, объяснять то, что известно любому охотнику. Не может быть, чтобы она не вложила чужаку толкование простых гаданий, он и более сложные вещи у неё перенял. Или желает полнейшей ясности?

— Если гадание верно, старый уже пропал. Совсем. Помогать ему поздно, — оглашает колдунья приговор судьбы, и тут же спохватывается. — Но он жив, точно жив!

— Возможно, пока жив, — сурово поправляет её Нимрин, всё сильнее хмуря брови и выделяя голосом слово «пока». — Я не желаю такого Латире, однако смерть бывает долгой. Когда приносят жертву или... Вильяра, пожалуйста, погадай на него ещё раз.

Дорога от Пещеры Совета до логова Латиры отняла у Ромиги не много времени, хотя нав и не рискнул преодолеть её одним порталом, а большую часть пробежал. Он очень спешил к Вильяре. Дурное предчувствие никак не отпускало. Вернее, уже не предчувствие — ощущение свершившейся беды, непоправимой. Но и предчувствие тоже: бед грядущих.

На бегу нав послал зов Стурши. Тень откликнулся и даже не стал отпираться, что приглядывает за Ромигой по поручению Онги. Да, с самого начала приглядывал, но потерял из виду после песни, которую спели Латира с Ромигой. Потом Стурши кое-как вынюхал след на изнанке сна и по следу нашёл одного лишь Ромигу. Да, конечно, Стурши вернул своего подопечного в Пещеру Совета. А что ещё делать с не сновидцем, заплутавшим на сонных тропах? Неизвестно, куда, когда, и в каком виде он оттуда выберется! А где Латира? Да кто же знает! Может затащил Ромигу и бросил, а сам драпанул. Может, перехватил их кто-то, кому нужен был только мудрый. Или ловушка, на одного Латире заговоренная.

Стурши болтал легко и охотно, сыпал версиями и сведениями. Поймать его на малейших неувязках не удавалось. А Онге Ромига зов посылать не стал. Перед сородичем Ромиге было отчаянно стыдно: пошёл искать Иули, полшага не сделал — уже потерял проводника и основного свидетеля. Нет, вряд ли Латира — единственный из мудрых, кто знает дом того нава. Но когда ещё других найдёшь, выпросишь, уговоришь показать — или отыщешь сам? А пока известно лишь с точностью до материка: дом на Арха Голкья. Искать, не переискать!

Вид Вильяры напугал Ромигу. Мудрая страшно осунулась, грива её пошла клочьями, глаза опухли и покраснели от нездорового сна и близких слёз. На поцелуй она не ответила, стала вяло отбиваться. И яснее ясного: не ради игры отбивается, а именно, не хочет. Насильничать Ромига никогда не любил, потому просто устроил небольшую потасовку в куче шкур, и даже позволил взять над собою верх, лишь бы пришибленная колдунья чуточку ожила... Ожила. Достиг результата, и ладно. На самом деле, ему сейчас тоже не до Вильяриных поблекших прелестей. Он по следу идёт, а след раздвоился. Поможет ли мудрая, или никакого с неё толку?

Толк... Ну, некоторую пользу из услышанного всё же можно извлечь. Вильяра подтвердила наихудшие Ромигины подозрения. Латира пока жив, однако он — «добыча в котле». Поистине, хуже был бы только «навозный колодец».

Повторное гадание выдало тот же безнадёжный расклад, а Вильяру пришлось выводить из истерики пощёчинами. С брезгливой жалостью смотрел Ромига на ту, в ком ещё недавно находил источник жизни. Теперь весь жар её потух. И всё, что Ромига в колдунье уважал, чем восхищался, к чему испытывал нежность, рассыпалось пылью. Осталась встрёпанная, кисло пахнущая нездоровьем мохнатая тварь, которая прежде властвовала над навом самым унижительным образом, но теперь воля её надломилась, а нет воли — нет власти.

Он просто плюнул бы напоследок и ушёл, но они всё ещё крепко связаны. И, сверх того, эта женщина кое-что обещала Ромиге. Нет, Вильяра ему нужна, и не мёртвым грузом! Колдунья что-то говорила про сон и про их связь. Если её доконала именно эта окаянная связь — может, пора разорвать колдовские узы, оставив данное друг другу обещание?

— Вильяра, скажи, тебе плохо от того, что мы связаны?

— Я не знаю, Нимрин. После того, как я искала тебя во сне, меня будто Тени выпили. Мне кажется, скоро они допьют меня до дна, и я умру. Латира долго расплетал на мне какие-то странные чужие чары, но не расплёл. Он ругался и повторял, что я должна разорвать связь с тобой, тогда, возможно, меня отпустит. А я боюсь, что ты останешься без

защиты от твоего врага-душекрада. И стихии Голкья перестанет принимать тебя, как моего близнеца по духу.

— Но если ты умрёшь, мне будет ещё хуже? Я правильно понимаю, Вильяра?

— Уже не знаю, Нимрин. Вдруг, Тени, которые меня сосут, питают тебя? Вдруг, Иули Онга навёл эти чары на нас обоих, чтобы тебя вылечить? Он же вылечил тебя?

— Вылечил. Но если ты права, при встрече я крепко набью ему морду!

Сказать — проще, чем сделать, однако предположение Вильяры, довольно логичное, привело Ромигу в ярость. Что бы Онга над ними ни творил, прежде мог спросить согласия! Хотя бы у сородича!

— Вильяра, скажи, а если ты сейчас разорвёшь связь, ты сможешь её потом восстановить? — уточнил Ромига.

— Должно пройти не меньше луны, и нам будет труднее, чем в первый раз.

— Но всё-таки, сможешь?

— Да, вдвоём мы сможем.

— Тогда рви скорее, к щуровой матери!

— Нимрин... Ромига, ты уверен?

— Да!

— Пой со мной.

Короткая песнь оглушила, будто «навский аркан». Так же беспощадно выдрала нечто из самого средоточия силы, породив головокружение и болезненную пустоту в груди... Гарку учили мигом оклемываться от подобных «плюх»!

Нет, магическая энергия не ушла, по крайней мере, не вся. Самочувствие не изменилось, сознание — даже малость прояснело. Зато Вильяре полегчало резко, на глазах...

«Что ты творишь, сопляк!?» — зов Онги, внезапный, как драконий помёт на голову. Не речь, а безмолвный гневный вопль!

«Что я творю?» — тут же переспросил Ромига, нарочито спокойно.

«Зачем ты позволил своей голки разорвать узы духа?» — Онга своей мысленной речью Ромиге будто гвозди в темя заколачивал, но просьбы сбавить напор — не дождётся!

«Эээ... Ну, например, чтобы ты больше не упрекал меня за грязную ауру. Или я просто решил, что мне пора освободиться от этого. Тебе-то что?»

«Мохнатая тварь посмела просочиться в моё убежище через тебя. Я наказал её. Моим Теням по вкусу пришлась её жизнь и сила. Ты не должен был нам мешать, перерезать пуповину.»

Ах, вот оно что!

«Онга, запомни раз и навсегда, это моя голки! Не смей посягать на неё!»

«Я вылечил тебя, а ты жалеешь для меня, нава, какое-то животное?»

«Голки — не животные.»

«Да что ты говоришь, маленький нав!? Или неудачники привыкли равнять себя с красной кровью?»

«У нас... Да пусть бы она была хоть вовсе — вещь! Всё равно, моя, и точка! Не тяни лапы к чужому, Онга!»

«А то что, Ромига? Собственность принадлежит тому, кто готов её защищать вооружённой рукой. Ты готов?»

«Да, я готов. Поединок?»

«Поединок. До первой крови, с тебя хватит. Знал бы ты, малявка, как я соскучился по хорошей драке! Сейчас открою портал, приходи ко мне, помашемся.»

«В твою нору? Да ни за что! Чтобы вы с Камнем опять навесили на меня поганые приворотные чары? Чьё это было? А, Онга?»

«Это мой Камень хочет, чтобы меня все любили. Он глуп, но предан, в отличие от двуногих. А ты, Ромига, маленький трус. Сам предлагал поединок, теперь отказываешься.»

«Я не отказываюсь! Но кто же дерётся дома? Выходи на снег, и я выйду. Или трусишь — ты? Не можешь сойти со своего любимого эшафота? Приклеился?»

Мгновение заминки, и короткий злой ответ:

«Выходи на снег, Ромига, я жду тебя под твоей норой! Чтоб потом за моей голки мне далеко не ходить.»

Вильяра окликнула Ромигу, когда он уже отодвигал крышку колодца:

— Нимири, ты куда? Что происходит?

— Иду бить морду! Ну, или, как уж там получится... Жди меня, Вильяра! Будь готова по первому зову бежать на изнанку сна. Пошли зов Нельмаре, другим мудрым, кому доверяешь. Ищите Латиру, а у меня пока — свои дела.

Нав прыгнул в колодец, предпочитая полёт — пресмыканию узким извилистым ходом. Затормозил, мягко встал на ноги. Выглянул из устья грота — Онга уже здесь, даже странно... Разминается, красуясь отменной выучкой и мощной статью, плавно скользит по-над снегом.

Нет, бросая вызов этому «живому ископаемому», Ромига не рассчитывал на лёгкую победу! Случись между навами полноценный бой, Онга снёс бы Ромигу одной магией, даже не подпустив на расстояние удара. И в смертельной схватке на оружии — маловато шансов против такого матёрого. Зато уловок, чтобы оцарапать противника в поединке до первой крови, навы со времён Империи изобрели предостаточно. Ромига знает большинство. Много тренировался, и Терга хвалил его...

Нет, никаких порталов! Пеший путь по снегу даёт время, чтобы приглядеться к чужой сноровке и оценить противника. Очевидно: легко не будет. С половины пути Ромига начал свою «дорожку», чтобы завершить её точно напротив места, куда каноническая последовательность движений приведёт Онгу. Два нава как бы не обращали внимания друг на друга, но замерли в стойке — одновременно. Ближе, чем Ромига рассчитывал, но так даже лучше. Говорить не о чем, всё сказано. Призвали клинки, отсалютовали... Однако!

Правая катана Онги — с обсидиановыми зубьями-вставками по лезвию. Такая рубит, колет — и оставляет зубцы в теле, а после боя, или казни, легко вставить на их место новые. Говорят, третий князь Нави запретил делать клинки-братоубийцы, а все существующие изъял и скрыл во Тьме. Ромига слышал это от старого кузнеца...

Не время удивляться, ужасаться — Онга атаковал.

Поединок навов — всегда вихрь, и снег выше колена не способен их замедлить. Как правило, первую кровь пускают с одного-двух ударов...

Ромига угадал атаку Онги. Уклоняясь, пустил в ход одну из любимых уловок. Успел, достал! Чиркнул противника по костяшкам пальцев на левой руке. Звонко выкрикнул, будто на тренировке:

— Касание!

Несколько тягучих чёрных капель канули в снег — Онга взревел:

— Ах ты, мелкая, кусачая дрянь!

И едва не нанизал Ромигу на свой жуткий клинок! Да, он имел право взять вторую, ответную кровь: в знак того, что спор завершён раз и навсегда. Только Ромига не захотел подставиться, а потом выковыривать обсидиан из кишок!

Град ударов, ни одного смертельного, но оплошай Ромига, каждый грозит серьёзной раной. И ясно уже, что вечно уклоняться и парировать он не сможет, а ударит на поражение сам — переведёт поединок в новое качество, даст противнику право раскатать себя.

Поединки между навами кончаются быстро: кроме тех, где один поединщик заведомо сильнее и растягивает удовольствие. Онга весело, азартно гонял Ромигу по снегу. Молодой нав начал выдыхаться, Онга — даже не вспотел. В смеющихся глазах его плясали искры. А ещё он безмолвно подзуживал Ромигу: «Ну, подставься! Выбери, какой удар нанесёт тебе наименьший урон. Или я решу сам...»

Да, пора заканчивать, но уж больно незавиден выбор! Левый клинок хотя бы чистый, без обсидиана, но и удары им Онга наносит более опасные... Кочка подвернулась, сбила шаг — всё решилось само. Братоубийца чиркнула по предплечью, и вот уже Ромига густо кропит снег из обрубка правой руки, а кисть с клинком — у ног.

Онга сразу отступил, опуская оружие: признал поединок завершённым.

— Вот так, маленький нав. Мы в расчёте. Мохнатая тварь того стоила?

Ромига с усилием оторвал взгляд от того, что ещё жило, но уже не с ним. Примерился — полоснул по культе, разом отсекая все поражённые обсидианом ткани. Скорее, пока распад не зашёл далеко. С запасом, чтобы, уж точно, начисто. Да, пожалуй, он сможет зачистить второй срез и приживить кисть. Будет коряво, зато быстрее, чем целиком её регенерировать. Эрли восстановили бы руку идеально за день-другой, но где те эрли?

Кровь густеет, схватывается коркой. Скоро придёт боль — он вытерпит. Смотрит Онге в глаза: тот доволен, как сытый дракон.

Ромига цедит сквозь зубы:

— Не одна голки — принцип. Стоили.

— Ладно, ценю стойкость. Приращу твою руку обратно. Будет совсем, как новая. Идём ко мне домой.

— Нет, Онга, мне нечего там делать, — отвечает Ромига, наклоняясь за обрубком и своей катаной.

Распрямитесь он не успел: Тьма накрыла внезапно, мгновенно.

Разбудило Ромигу ощущение дивной приятности: кто-то ласково перебирал ему пальцы, сгибал их и разгибал, легонько щекотал и покалывал подушечки... На правой руке?!

Нав от удивления дёрнулся... Нет: даже не вздрогнул! Всё тело — блаженный, расслабленный кисель. Ромига с трудом приподнял веки — увидел над собою пещерный потолок. Скосил глаза — увидел довольного Онгу, и веки тут же слиплись обратно. Кажется, довольство Онги и обволакивает Ромигу этим тёплым, вязким, приторно-сладким киселём. Паралич произвольных движений, паралич магии, при полной чувствительности... Ой, нет, при си-и-ильно обострённой!

О, сколько удовольствия могут нести самые обыкновенные касания! Онга всего лишь гладит по ладони — а Ромига уже заходится. Что дальше-то будет?

А дальше смыло все мысли, потому что Онга решил потрогать Ромигу везде, и каждый дюйм Ромигиной кожи отвечает новым наслаждением. Шея и плечи, грудь, живот — источники невыразимого кайфа. Прикосновения к внутренней поверхности бёдер взрывают мозг эйфорическим фейерверком...

Когда Онга успел поднять и развести в стороны Ромигины ноги? Он, что, уже внутри?! Которой частью себя? Вроде, это ещё пальцы, но блаженство щекоткой струится с их кончиков, растекается по всем закоулкам тела, пронизывает насквозь, будто разряды тока. Ромига извивался бы ужом, бился в судорогах, кабы не был парализован. От невозможности шевелиться — ощущения лишь острее, нестерпимее... Отчаянно хочется уже какой-нибудь развязки! И Онга словно отвечает невысказанному желанию: вынимает из Ромиги пальцы и входит тем, что ему некогда откромсала Нархана.

Да, Онга велик, но Ромигины мышцы — кисель, потому не больно... Боль — что это? Ромига забыл. Кажется, это антипод тому, что он испытывает сейчас. И кто-то, где-то, когда-то говорил ему, что противоположности сходятся. Даже показывал! Так плохо, что уже хорошо. Так хорошо, что уже плохо...

Онга вошёл медленно, плавно, до упора — замер, давая Ромиге время привыкнуть, насладиться полнотой внутри и, заодно, тем живительным жаром, что умеют дарить колдуны Голкья... Значит, не только они... Помедлил — с тем же размахом подался назад. Ромига попытался сжать кольцо мышц, задержать Онгу в себе, но тело-кисель по-прежнему не повиновалось, значение имела единственная воля: Онги!

Онга вышел — и вновь вошёл. Опять — и снова. Онга двигался с величавой, завораживающей медлительностью. Ромига дожидался каждого толчка в себя, будто Дня Владыки! Кажется, минула вечность. Такая наисладчайшая! Такая мучительно выматывающая: ритмом обретения полноты — потери — обретения — потери...

Собственное возбуждение тоже нарастало: малая часть киселя обрела твёрдость, чтобы Онга поиграл с нею... О, как он умеет!

Так хорошо, что уже плохо? Так плохо, что уже хорошо? Мелькнула неожиданно трезвая, будто чужая, мысль: чтобы разом покончить с этими дурацкими вопросами, довольно сделать крохотное усилие вот прямо сейчас — и соединиться с Онгой навсегда. Понять бы только, что за усилие: прежде, чем они достигнут оргазма! После может стать поздно... Для чего поздно?

А вот интересно, возможно ли затрахать нава до смерти? Ромига не слышал, но уже

всерьёз опасается стать первым. Онга в сексе, как и в поединке, устали не знает.

И ещё вкрадчивый голосок в голове: то ли собственные мысли, то ли чья-то безмолвная речь, тихонько нашёптывает. «Ромига, ты будешь лучшим Повелителем Теней, нежели Онга. Онга — вор, ты — обокраденный. Нет, не Онга обокрал тебя. Но Онга разживается чужим. А ты станешь богат своим, едва настигнешь и покараешь своего врага. Хочешь увидеть, где враг обитает? Хочешь?»

Ромига не ответил голоску ни малейшим движением мысли. Всеми силами он старался отрешиться от слишком ярких ощущений бесконечного секса, как в бою гарки отрешаются от боли. И всё же видение, посланное неведомо кем, накрыло его: красивый, летний город, затейливо одетые прохожие, мостовая в мозаичных узорах... Мелькнуло и погасло. Город Ромига не узнал.

«Кто ты?» — спросил он неизвестного собеседника. — «Как твоё имя?»

«Не помню... Тень. Просто тень.»

«Что тебе нужно от меня?»

«Изгони Онгу, встань на его место, повелевай нами!»

«Онга-то чем вам плох?»

«Онга пожрал одну из нас. Он ищет, как пожрать Голкья, потом — твой мир. Он никогда не насытится. Останови его, пока можешь!»

Вот те, здрасте! Такие заявления надо обдумывать всерьёз, но Ромиге, увы, нечем. И всякие голоса выслушивать да расспрашивать — тоже больше нечем.

Заслоняйся, не заслоняйся, а ощущения захлёстывают с головой. Плохо или хорошо? Хорошо или плохо? Кровь бешено стучит в висках, сердце готово вынырнуть из киселя тела и убежать, куда подальше... Простая мысль, даже примитивная, всё-таки пробилась сквозь эйфорию. Ромига не просил Онгу о сексе. Ромига не сказал Онге «да». Значит, Онга — насильник, значит, враг. То, что он делает, не может быть хорошо, даже если приятно.

В ответ на мысль — или само по себе? — сумасшедшее наслаждение разом обратилось в свою противоположность. Ромига попросту задохнулся болью. Сердце встало. Член Онги показался раскалённым штырём, обсидиановым клинком, раздирающим нутро.

Онга сделал ещё несколько движений, прежде чем заметил: что-то идёт не так. А дальше Ромига, вроде, и наблюдал происходящее, но как бы слегка со стороны. Все ощущения ушли — осталась кристальная, ледяная, отстранённая ясность.

Нет, по счастью, Онга не собирался убивать сородича таким заковыристым способом! Кажется, он даже испугался: всё у него сразу упало. Однако, не растерялся ни на миг. Ударом в грудину запустил сердце, потом принялся драть сомлевшее тело за уши, заодно освободив от парализующего аркана.

Тут-то Ромига и начал нормально приходить в себя. В себе оказалось неудобно, до крайности. Ромигу вырвало: кровью и желчью. На этом телесные неприятности, в общем-то, исчерпались, если не считать слабости — и звона в ушах от ругани Онги...

В кинжально острых ушах нава на грани бешенства!

Ну, коне-е-ечно! Ярость опоздала на целый акт, зато теперь норовит накрыть Ромигу с головой, как перед нею — эйфория и боль... Опоздала, погань! Ромига уже по горло сыт аффектами. Слишком странно здесь всё, чтобы давать волю простым реакциям: бей-беги. Слишком опасно, и ничего не кончилось! Пусть ярость схлопнется в чёрную дыру и грызёт там сама себя. А ты, нав, собери руки-ноги и потихоньку переберись с Камня... Ну, хотя бы на сталагмит-табуретку. Теперь замри. Дыши. Ровно, медленно... Вот так! Нав Ромига —

само торжество самообладания, уши у него круглые, и останутся таковыми, как бы ни разорялся Онга... Собственно, уши — ерунда, главное, что творится посередине...

— Придурок! Как! Ну как ты себя так вывернул, что едва не сдох? Я на этом Камне сколько раз пытался умереть — не вышло. А ты раз, и во Тьму наладился? Я даже не спрашиваю, зачем! Не вынес, что оказался под женщиной? Или твои голки внушили тебе, что лучше сдохнуть, чем стать ключом от силы? Так это у них называется, я ничего не путаю?

Онга спускает пар по-своему, руганью. Острые кончики его ушей пока не скрылись в волосах, и Ромига помалкивает. Дышит. Думает. Он и сам не понял: что натворил, или что с ним случилось? С кем он разговаривал? Бредил, или как? Под Онгину брань размышляете всё-таки затруднительно: такие обороты, поневоле заслушаешься!

— Под белой луной и большим солнцем, щуровыми болотами, с кочки на кочку, да под корягу — в асурский портал! Хрустальным замком тебе по голове и Железную крепость под ноги, лунной сталью — в печёнку, светом вековечным — по глазам. Кувырком по Большой Дороге, через сто миров, да прямо к Спящему в задницу!.. Ромига, я кого спрашиваю? Или ты, заодно, язык себе отгрыз?

Ромига уже достаточно спокоен, чтобы, вопреки гневу, иронично улыбнуться Онге.

— Я ничего не отгрыз, а просто слушаю и запоминаю маршрут. Онга, ты потрясающе ругаешься! Ни у наших, ни у мохнатиков я таких загибов не слышал! С кочки на кочку — в асурский портал. Это же просто поэзия какая-то! То есть, сначала под корягу... Жаль, записать нечем!

Углы Онгиных губ дёрнулись вверх, однако он не позволил себе ответной улыбки.

— Ромига! Прекрати паясничать! Я задал вопрос! Отвечай! — вот это уже не сотрясение воздуха, а команда, которой трудно послушаться. И пока незачем.

— Онга, как ты думаешь, что ты со мной делал? И что пошло не по твоему плану? — Ромига тоже умеет играть голосом, чтобы трудно, очень трудно не ответить, причём, по существу.

— Ты мне — вопросом на вопрос? Я вылечил тебе руку, потом парализовал и поимел... Не удержался! А ты сперва таял от восторга, будто у тебя сроду — ни одного умелого любовника. Потом вдруг скукожился и чуть подо мною не помер. Хочешь сказать, ты это не сам? Не нарочно?

Онга совсем перестал прятать эмоции. Недоумение, досада и растерянность выглядели подлинными. Даже какая-то почти детская обида, совершенно неуместная в таком матёром и древнем!

Ну, что же...

— Онга, я сейчас не спрашиваю, какого асура ты меня изнасиловал! Позже обсудим и сочтёмся... Скажи, ты накинул на меня только паралич? Эйфорию — не ты?

Онга потупился, дёрнул углом рта: на этот раз, вниз. Виноватое выражение ему давалось плохо, физиономия не привычна к такой мимике. Но кажется, ему, правда, было отчаянно неловко. За всё ли происшедшее, или только за часть?

Помялся — ответил:

— Не я. Камень.

— Отлично! То есть, у нас тут совершенно случайно завязался потрясающий тройничок! И кто кого имел? Ты меня? Или твой Камень — нас обоих? Или... Онга, а точно нас было всего трое? Или, может, нас ещё со всех сторон сношали твои Тени?

Уши Онги вновь заострились, и Ромига сбавил напор:

— Может, объяснишь, кто они такие, эти Тени? Или что?

Онга охотно соскочил с темы сомнительного группового секса на отстранённую:

— Каждый, на кого светит огонь, солнце или луна, отбрасывает тень. Тени, обитающие в недрах Голкья, помнят всех, кто когда-либо ступал на этот мёрзлый камень, и всё, что происходило здесь с начала времён. Жаль, вызвать их на разговор бывает не легко, а разбудить их память и получить ответы на вопросы — ещё тяжелее. Даже теперь, когда Тени признали меня своим Повелителем.

Онга не усидел на Камне — вскочил, заходил взад-вперёд, запетлял между сталагмитами и колоннами. Голос его, мощный и полнозвучный — таким бы армией командовать — всё оглушительнее гремел под сводом пещеры. И тёмные клочья вихрились вокруг него. Онга протягивал им раскрытые ладони, они струились меж его пальцев, ласкаясь и лаская, вились вокруг головы, путались в неровно обрезанных волосах, туманом затмевали лицо. И само лицо это, мужественное и вдохновенное, вдруг показалось Ромиге маской, пустой личиной, сквозь отверстия которой струится нечто... Да, без сомнения, тоже порождённое Тьмой изначальной, вечной и бесконечной! Отчего же в голове Ромиги упорно крутятся два слова: «имитация» и «профанация»? Почему так больно смотреть на Онгу, который этим живёт и дышит? Слишком заигрался нав не в свою игру?

— Онга, наверное, это здорово, повелевать тенями мохнатиков на какой-то мороженой каменюке, задавать им тысячу вопросов и толковать ответы. Но когда мы с тобой уже пойдём домой, на Землю?

Онга замер на полушаге, резко обернулся: зрачки его полыхнули жёлтым.

— Ромига, я мог бы уйти на Землю прямо сейчас. Даже, возможно, увести тебя. Но я никуда не пойду без моего Источника. Я уже почти придумал, как взять его с собой. Подожди ещё несколько дней, маленький нав.

Конечно, подходящих Источников много не бывает! Это как бы аксиома. Отчего Ромиге кажется, что затея Онги — дурная? Внятных аргументов у него нет: даже для себя.

— Ну, допустим... Онга, я могу тебе помочь?

Сосредоточенный, оценивающий взгляд:

— Я думаю над этим.

— Хорошо, Онга. Только, когда надумаешь, не забудь спросить моего согласия? А то исцелил руку — хорошо. Но я же ясно сказал, что не желаю идти к тебе! Я приживил бы кисть сам. Какого асура ты утащил меня?

— Сам? — хмыкнул Онга. — Да, ты кое-что умеешь. Но ты остался бы колчерукиком надолго. А я не желаю угодить под твое проклятие!

— Ах, вот оно что! Проклятие... Онга, скажи, кто мешал тебе рубануть чистым клинком? Или поранить меня слегка, как я тебя?

Онга снова будто бы смутился:

— Я прочил тебя за дерзость и глупую привязанность к мохнатой твари. А потом уже вспомнил: кто Ромигу убьёт или всерьёз покалечит... Тьфу! Надо же было додуматься! Чем ты, малявка, настолько ценен для Нави, что на тебя наложили такое?

Теперь Ромига опустил взгляд и старательно закрылся: обсуждать геомантскую эпопею с Онгой он совершенно не желал. Тем более, финала её Ромига пока так и не вспомнил. Он должен был, собиравшись освободить старого чела от заклятия обещания, грозившего тому неизбежной гибелью. Успел ли?

А на вопрос Онги ответил предельно кратко и общо:

— Просто один мой друг и наставник изо всех сил старался меня защитить... Кстати, Онга, у тебя ведь тоже кое-что подобное есть. Откуда у тебя взялась катана-братаубийца?

— А я получил её по должности... Или отобрал у палача, посланного за моей головой... Или снял с трупа на поле боя...

Онга с абсолютно серьёзным лицом, нарочито неспешно перебирал взаимоисключающие версии и тут же посылал Ромиге видения: одинаково яркие и достоверные. Попробуй, отличи подлинное воспоминание от игры воображения! Или все — вымысел?

— Гадаешь, как оно было на самом деле? Уже не важно! Зато моя красавица пригодилась мне против Теней, что подняла на меня Нархана. Имперский форпост простоял здесь меньше полугода. Тени тех навов успели народиться, но не успели заматереть. Ещё немного, и я отбил бы от них.

Новое видение: Онга дерётся против целого арната. На первый взгляд, навы, как навы. На второй — заторможенные куклы с дешёвыми мозгами. Как они его всё-таки смяли, Онга не показал: лишь как падают разрубленные тела, как закипает, пузырится чёрная кровь и стремительно разлагается плоть... Так не бывает! Слишком быстрая, слишком сильная реакция на обсидиан! Минута-другая, и никаких трупов: распались, дымом изошли, дым всосался под снег... Нет, с навами так не бывает, точно!

— Онга, те навы, с Тенями которых ты сражался... Они умерли на Голкья? — спросил Ромига, пытаясь увязать в голове неполные, противоречивые сведения.

— Нет, тут тогда никто не погиб. Просто бросили форпост и ушли отсюда. А Тени не могли за ними последовать, они здесь родились и здесь пребывают, — спокойно пояснил Онга.

— А ты убил тех Теней, с кем дрался?

Онга сделал отрицательный жест:

— Развоплотил. Нархана потом призвала всех обратно.

— А куда они девались после? — продолжал расспрашивать Ромига, пока собеседник снисходит до объяснений.

— Это было очень долгое «после». Тени не выжили в дневном мире. В конце концов, все вернулись в пещерный мрак.

— А ты сейчас можешь их призвать? Как Повелитель?

Онга, присевший, было, на Камень, вновь подскочил, заметался по пещере. Фыркнул:

— Могу, но не хочу!

А чёрный туман так и завивался вокруг него, так и ластился!

— Они до сих пор тут, рядом, но мне опротивели их тупые рожи. Навами им никогда не стать, даже убедительным подобием. Зачем мне эти куклы, когда у меня есть ты? Ты — живой! Ты такой маленький, нелепый, трогательный — а ведёшь себя, по-настоящему... Ромига, постарайся не держать зла! Я посягал на тебя, как на вещь... Я разучился... Я забыл, как это бывает между двумя разумными, равными... Но ради тебя... Ради возвращения в Навь, ради Тьмы-прародительницы я постараюсь вспомнить! Веришь мне?

Ромига кривовато улыбнулся: он всё ещё переваривал эпитеты, которыми Онга наградил его. Очень хотелось узнать, почему нелепый-то? Однако сородич задал вопрос, требующий немедленного и точного ответа.

— Я надеюсь, Онга.

— Позволь мне коснуться тебя, в знак нашего примирения?

Онга припал на одно колено перед сидящим Ромигой и медленно, осторожно протянул руку к его щеке. Ромига сдержал желание отшатнуться, рывкнуть: «Не трогай!» Просто слегка отстранился, проворчал с угрозой:

— Онга, дома, в Цитадели, я тебя сам разложу и натяну. Вот тогда мы будем квиты... Коснись — и остановись на этом.

— Хорошо.

Ромига чуть подался вперёд. Пальцы Онги преодолели последний дюйм пустоты. Касание — просто касание. Тёплое. Приятное. Очень приятное. Такое приятное, что хочется продолжить! Длительный и длительный восхитительный контакт двух тел, до полного, наиполнейшего слияния...

Ромига шарахнулся кувырком со своего сталагмита, вскочил на ноги, зарычал:

— Онга, стой!

Древний нав так и застыл на одном колене: сосредоточено, будто к чему-то прислушиваясь.

— Онга, это ты? Или твоя Каменюка снова имеет нас?

Кажется, Онга с трудом разлепил губы, чтобы ответить:

— Я не знаю, что опять случилось... Нет, это не я. Ромига, лучше тебе уйти отсюда, пока я разбираюсь... Да, я обязательно разберусь!

— Онга, пошли вместе! Домой, на Землю. У Нави есть Источник, нам всем хватает Нечего тебе здесь ловить! Или потом вернёмся.

— Ну, нет уж, Ромига! Я с места не сдвинусь, пока не распутаю эту сеть. Пока не выплету ниточку силы и не протяну её между мирами. Мохнатые твари не достойны своего сокровища, а мне... Нам оно пригодятся больше.

Что такое знаменитое навское упрямство, Ромига знал не понаслышке: сам такой. Но хотелось бы понять, что конкретно Онга затевает?

— Ты собираешься притащить с собой на Землю этот Камень? Или правильнее — пригласить его? Любопытно, а что сам Камень думает по этому поводу?

— Да, он мне дорог. Однако сам он — не Источник, а точка выхода силы. Источник — весь этот поганенький мирок. Или вся сеть Зачарованных Камней на нём. Шаманы голки сами уже достоверно не помнят, как и что они сотворили. Тени не забыли ничего, но разговорить их и осмыслить услышанное — мне нужно время. И мне нужно больше власти, чтобы все покорились. Да, больше...

Отрешённый, погружённый в себя взгляд Онги Ромиге отчаянно не нравился. Предчувствия... Нет, благие предчувствия не посещали Ромигу уже давно: мрачные, поганые, скверные, отвратительные, ужасные. Однако нынешние, пожалуй, били рекорды.

— Онга! Нав! Что ты собираешься делать?

— Я думаю об этом, — Онга встал, потянулся, присел на Камень. — Ромига, иди-ка ты пока к своей голки. Стурши говорит, она соскучилась и беспокоится. А ты ещё собирался кое-кого искать, ты помнишь?

— Ну, так у меня же пропал проводник! Сбежал без объяснения причин, или его похитили, я не понял.

— Ах, вот оно что! Ты мне не сказал... Тогда, тем более, иди, ищи обоих. Шаманы голки сейчас делят власть. Мало ли кто мог подстроить ловушку твоему Латире? Этот шустрик — один из претендентов в главные. Есть или был, в зависимости от проворства соперников.

— Онга, а ты можешь спросить о нём Тени?

Древний нав прикрыл глаза, помолчал. Воззрился на Ромигу сквозь усталый прищур:

— Ясно одно: твой Латира не умирал. А следы он умеет путать, не хуже моего Стурши.

Я не буду тратить время и силы на поиски шамана, другое сейчас важнее. Иди, Ромига, тебя ждут к ужину.

На этот раз — никакого Стурши в проводники: перед Ромигой завертелся чёрный вихрь портала. Нав шагнул туда, а вышел на ровном заснеженном пространстве, где они с Онгой спорили на клинках. Поединок случился ночью, сейчас — вечер перед закатом. А портал-то дальний, как бы не межконтинентальный... Ну, чего бы, правда, ни сорить энергией, сидя задницей на Источнике? Да хоть на месте выхода силы! Даже странно: когда Онга явился на поединок, Ромига не ощутил всплеска от портала.

Нав постоял над местом, где был ранен, сжимая и разжимая кулак, складывая пальцы в позиции для разных арканов. Рука, правда, как новая, будто ничего не было. А здесь тонкий снежок едва припорошил кровавый след. И комбинезон надо чинить: с ним-то Онга не стал возиться, просто отдал Ромиге кусок рукава. Ладно, это уже совсем ерундовая забота... Нет времени переваривать происшедшее, потому что ещё ничего не кончилось!

Ромига без особой надежды позвал Латиру: тот не ответил. А Вильяру не стал звать, решил сразу увидеть. Прочувствовать и осознать, наконец, как он воспринимает её после песни разделения? Колдунья разорвала магические узы, но не забрала всего, что подарила кузнецу найдёнышу. Песнь понимания необратима, это хорошо. Но насколько чуждым, отталкивающим покажется теперь наву облик, повадка, аура голки? Да в каком состоянии он Вильяру застанет, в конце-то концов? В прошлый раз ведь была совсем плоха!

Он лез в Латирино логово в спешке и тревоге, а обнаружил внутри, ну прямо-таки, идиллию. Вильяра и Стурши расстелили на полу шкуры, разложили доску и азартно резались в камушки. Выглядела мудрая здоровой, двигалась точно и шустро. Кажется, она выигрывала, но с небольшим отрывом, и до конца партии было далеко.

В очаге рассыпчато мерцали угли, в котелке побулькивало, доходя до готовности, какое-то варево: судя по запаху, без опасных незнакомых травок.

— Да укрепится кровля дома сего! Тёплого вечера вам и мирного ночлега! — с облегчением приветствовал Ромига двух голки, которых меньше всего ожидал увидеть вместе. — Не ждали?

— Ждали, — отозвались они в один голос. — Отряхни снег дорог своих и входи. Тёплого вечера и мирного ночлега!

Вильяра ссыпала камушки в кошель, сложила доску:

— Стурши, доиграем потом. Ужинать! Нимрин, мы ждали тебя ужинать.

Ромига смотрел на неё, слушал глубокий грудной голос и тихо радовался, что реакции отторжения — нет. Бешеного влечения, впрочем, тоже, и хвала Спящему! Довольно того, как до сих пор ведёт его на Онгу: даже гнев на насильника гаснет перед его несносным обаянием! Камень... Как бы отодрать Онгу от этого щурова булыжника? Или булыжник от Онги? Мысли — по кругу, желания спутаны...

А Вильяра, на правах хозяйки, отогнула шкуры, освобождая место под котелок. Ловко сняла его с углей вместе с таганом, установила на полу поровнее. Взяла ложку себе, вторую вручила Ромиге.

Стурши вытащил свою ложку из-за голенища: он не разулся у входа в дом, и куртка лежала рядом, небрежно свёрнутая. Привычка беззаконника, всегда готового к мгновенному бегству? Ромига с интересом разглядывал своего несостоявшегося убийцу, тот разглядывал Ромигу. Озорно ухмыльнулся, сверкнув острыми клыками, чуть подмигнул.

Если бы Стурши хоть единым словом, хоть безмолвной речью намекнул на происшедшее между двумя навами, Ромига сорвал бы на нём злость, не думая о последствиях. Но Стурши благоразумно промолчал. Или попросту не любопытствовал, как развлекается его Повелитель?

Ужинали молча. Ромигу потряхивало, каша из каких-то зёрен и мелко настроганного мяса не лезла в горло. Отбить у нава аппетит — асур знает, что такое! Вильяра смотрела, как он ест, с явным беспокойством. Не удержалась, спросила.

«Нимрин, я видела твою кровь на снегу. Ты выглядишь сильно потрепанным. Ты здоров ли?»

«Сейчас — да. Онга поранил, Онга вылечил. Лучше посмотри, есть ли на мне какие-нибудь чары?»

«Ты мечен тенями, Нимрин. Больше, чем всегда. У тебя даже теневой корешок наметился. Тоненький, слабый, но не пристало живому таскать за собой такое.»

«А я, точно, живой?»

«Точно. Мне есть, с чем сравнивать, рядом сидит несомненная Тень.»

«Откуда тут взялся Стурши?»

«Он прятался на изнанке сна, я его выманила. Вернее, сначала я попыталась его прогнать, но я не превозмогла приказ Повелителя Теней. Онга велел Стурши стеречь меня, пока ты в отлучке. А раз Тень всё равно где-то поблизости, то лучше пусть он будет на виду. Мы с ним нашли, о чём поболтать: о Наритьярах, о Вильгрине, моём единоутробном братце, о Латире мудром и его делах на ярмарке, о других посвящённых. Стурши наблюдателен и сметлив, он открыл мне глаза на многое, до чего я сама прежде не додумалась.»

«Стурши знает, где Латира?»

«Нет. Он стережёт тебя и меня. Повелитель Теней запретил ему отвлекаться на поиски.»

Мудрый Латира вышел с изнанки сна совсем не там и не так, как собирался. Тяжкая одурь отпускала сознание неохотно. Тело горько жаловалось на ремни, впившиеся в запястья и щиколотки, натянутые немилосердно, на разрыв мышц.

Мудрый сразу догадался, что будет дальше: с алтаря-камня в Доме Теней не сходят живыми. По крайней мере, до сего дня живым не ходил никто, рождённый на Голкья... Ох, недаром малая нагадала своему временному наставнику «дичь в котле». Ох, недаром!

Жутко, до дрожи! Был ли у мудрого Латире другой путь? Он искал, до последнего, и не нашёл.

Пещерный мрак столь непрогляден, что глаза в нём слепы, а колдовское зрение отказало. Латира увидит кое-что, когда его начнут приносить в жертву, но пока он может полагаться лишь на осязание и слух. Судя по звукам, он тут один. Странно, что вопреки ритуалу, его привязали одетым-обутым. Или он провалился в ловушку, а ловец пока не пришёл за добычей? Похоже. Выскользнуть из сапог, освободить хотя бы ноги! С обычными ремнями получилось бы, зачарованные не отпускают. Глупо надеяться, ещё глупее — не пытаться...

Латира не сразу заметил, что за его мучительной, бесполезной вознёй наблюдают не только извечные обитатели Дома Теней. На пределе слышимости померещилось чьё-то лёгкое, размеренное дыхание, потом непроглядный мрак приоткрыл два глаза, два жёлтых огня. Так вот какой ловец явился проверить ловушку: Иули! Но кто из них?

Огни приблизились вплотную, жёсткие руки бесцеремонно ошупали добычу, сдёрнули пояс и отбросили куда-то в сторону.

— Иули, не смей! — воскликнул мудрый. — Тебе этого не простят, не спустят. Ты умрёшь, и все такие, как ты!

Мудрый не рассчитывал напугать ловца: тот наверняка уже всё решил и знает, что делает. Латира лишь надеялся на ответ, чтобы напоследок опознать голос. Если Повелитель воплотит Тень, и оставит ей хоть немного прежней воли и разума, это может быть полезно. Но с «дичью в котле» не разговаривают.

Иули старательно обыскал карманы своей добычи, потом легко сжал пальцами виски мудрого, и Латира, наконец, услышал его.

— Эльяр алдык, урган кектоай, — чётко, медленно выговорил незнакомый голос, и эхо заметалось по пещере вспугнутой кричавкой. — Урум цитай...

Вильяра с тревогой смотрела, как Нимрин, толком не насытившись, откладывает ложку. Пусть, она разорвала их связь и не чувствует его, как прежде. Однако даже со стороны она видит, понимает достаточно, чтобы злиться на Иули Онгу. Сама Вильяра возвращались такой прибитой из круга, из-под Наритьяры Старшего. Она видела, как это происходило с другими. И Стурши своей болтовнёй живо ей напомнил...

Стурши много любопытного рассказал, однако хочется уже выставить его вон — а никак! Всё равно будет болтаться на изнанке сна, подслушивать-подглядывать, доносить своему Повелителю. Не побеседуешь с Нимрином вслух наедине. А переговариваться покупечески трудно: надо держать и лицо, и внимание. Нет, кое-что мудрая с Нимрином всё-таки обсудила. Но ни его дел с Онгой, ни перипетий в Совете Мудрых даже касаться не стала.

А Нимрин расслабился в тепле и уюте логова: сразу после трапезы забрался на лежанку и попросил без нужды не будить.

Ромига уснул — и сразу забыл о холодном мире Голкья. Он бродил по большому, яркому городу под непривычно белым небом. Он вроде бы кого-то искал, но не помнил ни имени, ни лица, ни ауры того, кого ему следует найти. Напрочь позабыл, зачем ищет? Не понимал, что будет делать, если поиски вдруг увенчаются успехом? Но остановиться не мог, шагал, как заведённый, по узорчатым мостовым, тщетно вглядываясь в лица прохожих.

Они были очень разными: в этом городе, насквозь пронизанном незнакомой магией, перемешались крови нескольких семей. Жители слегка шарахались от пришельца в необычной одежде, и он, присмотревшись к местной моде, набросил морок. Обращать внимание сразу перестали, и ему стало совсем тоскливо. Будто он — пустое место. Зеркало, из которого сбежало отражение. Призрак, глядящий в собственную могилу: разрытую и ограбленную. Стрела, потерявшая цель.

Заполнить пустоту — нечем. Невозможно утолить тоску: лишь сгинуть вместе с нею, перестать быть... А вообще-то, именно для этого он здесь и бродит, для этого ищет! Как только найдёт, некто искомый заберёт его целиком. Но где искать? Даже безмолвной речью не позовёшь того, кого ни разу не видел в лицо...

Щипок за ухо, окрик:

— Эй, Нимрин, ты куда!? Ты же не умел ходить изнанкой сна!?

Запахи шкур, дыма, еды со специями. Тяжесть собственного тела... И снова острая,

обидная боль.

— Вильяра, я здесь. Прекрати драть меня за уши!

— А ты не спи, а то щуры уведут! — голос Стурши где-то рядом.

Ромига приоткрыл глаза — ощущение пустоты отступило. Ему всего-навсего приснился тоскливый кошмар... Или?

— Не щуры, а душекрад твой, — мрачно уточнила Вильяра. — Ты же направился напрямик к нему в пасть! Поблагодари Стурши, что он заметил. Я-то едва не прокараулила! Сейчас я тебя научу... Напомню тебе все осторожные песни! И чтобы ты без них больше ни на мгновение глаз не смыкал!

Мудрый Альдира искал старого друга. Латира был жив, но не откликнулся на безмолвную речь, стихии молчали о нём, и даже новая поисковая песенка, от которой никто пока не умеет прятаться и прятать, не помогла.

Мудрые очень быстро осваивают новую ворожбу. Чужак научил Вильяру, Вильяра — Нельмару и Альдиру, те — остальных. Общими усилиями, с опорой на Камни, мудрые растянули сеть поиска на всю Голкья. Тщетно: две пропажи, Наритьяра Младший и Латира, так и не нашлись. Видимо, оба мудрых застряли где-то за пределами дневного мира. В кругах Зачарованных Камней, в Домах Теней, на изнанке сна?

Правда, старейший Ркайра уверяет, будто вычислил круг, скрывающий Наритьяру. Якобы, жёлтый Камень, возле которого погиб один несостоявшийся Солнечный Владыка, ныне растит ему на смену другого. И все меченые солнцем готовы были хороводиться вокруг этого Камня до явления Владыки, но мудрая Вильяра запретила бродить по своим угольям кому-либо, кроме Нельмары, Альдиры и Ркайры: в порядке большого одолжения.

Альдиру замкнувшийся в себе солнечный Камень даже близко не подпустил, и не надо. Альдирина забота — Дома Теней: он вознамерился обойти все, известные ему, а не только доступные с поверхности. Дело, само по себе, опасное, тем более, когда в мире зреют, одновременно, Солнечный Владыка и Повелитель Теней. Потому Альдира взял в напарники Тринару, лучшего сновидца среди ныне живущих мудрых.

Альдира шагал по изнанке сна из одного Дома Теней в другой: проверял, насколько они заброшены? Не призывал ли кто недавно Камень-алтарь? Не лежит ли на алтаре Латира: привязанный, возможно, раненый, но живой? Жертвоприношение мудрого пока не свершилось, в этом-то уверены все! Альдира проверял, а Тринара оставался на изнанке сна: стерёг напарника, готовый в любой миг вытащить его, спасти от гнева бесплотных Теней или кого-то более телесного.

Домов Теней меньше, чем кругов на лике Голкья. По крайней мере, известных — всего семьдесят шесть. Чтобы понять, что творится в каждом из них, достаточно сто двадцать восьмой доли солнечного круга: где-то — меньше, где-то — чуть больше[1]. Итого, с запасом, сутки на полный обход. Но чутьё подсказывало Альдире, что из всех обитаемых уголков, цель его, вероятнее всего, найдётся на Нари, Арха или Марахи Голкья. В такой последовательности он и начал искать.

Вопреки своему первейшему опасению, мудрый убедился, что Дома Теней на Нари Голкья никто не тревожил. Древние Тени там начали сонно ворочаться, ощущая набирающего силу Повелителя, но давным-давно не выглядывали вовне и не особо этого жаждут. Даже «качели смерти» Наритьяры Среднего и неудачная попытка Ашмиры призвать алтарь-камень мало изменили в общем раскладе.

Зато на Арха Голкья Альдира попал в цель первым же броском! Дом Теней Скунда! Тот самый, где Скундара зарезал Стурши, а Тень Стурши — Скундару. Понятно, что Дом беспокоен после двух жертвоприношений подряд. Но Альдира совершенно не рассчитывал найти там вновь призванный алтарь, а на алтаре... Вспышкой яростного света мудрый разогнал пещерный мрак, заставил туманных обитателей пещеры трусливо расплескаться по стенам, прикинуться копотью, плесенью...

С первого взгляда мудрый понял: жертва — здесь, жертва жива, и это Латира! Он возликовал. Да, снять друга с алтаря будет не просто. Но Альдира знает все песни для Камня и для зачарованных пут. Хватит ли ему силы? Не помешает ли ворожбе тот, кто уложил жертву на Камень? Не уложит ли он Альдиру туда следующим?

Мудрый шагнул ближе, заглядывая в лицо распростёртому на Камне — и отшатнулся в ужасе. Слепые, бессмысленные глаза сведены к переносице, перекошенный слюнявый рот... Альдира с юности помнил каждую чёрточку этого лица, видал друга во всяких видах, знал его ум, терпение, упрямство... В худшем случае, он ожидал найти Латиру изрезанным, при смерти — нашёл без единой царапины, но совершенно безумного.

Песнь ясного рассудка, которую Альдира затянул вместо освобождающих, не отозвалась в глазах Латиры ни малейшим проблеском узнавания. И по откликам в ауре Альдира ощутил, насколько бесполезны здесь любые целительские усилия. Будто жадный и неумелый душекрад отъел разум Латиры, безнадёжно сквасив тому мозги, но оставил в неприкосновенности всю жизненную и колдовскую силу мудрого. Это само по себе грозило бедой. Пути зачарованы так, чтобы сдерживать любые колдовские выплески, но стоит Альдире отвязать жертву...

— Латира, друг мой, прости меня, я пришёл слишком поздно, — тихо выдохнул Альдира, леденея от тоски. — Твой разум умер, а пустое тело я у Теней не отниму. К тому же... Быть может, среди Теней ты ещё сможешь возродиться... Почти самим собой.

Мудрый медленно, как в дурном сне, нашарил на поясе нож. Он мог просто добить изувеченного друга. Мог растерзать его по полному обряду, под надлежащие песни, и призвать обратно Тенью: в силе и разуме, если им обоим очень-очень повезёт. Но так или иначе, зарезав на алтаре-камне чужую добычу, он сам накормит Теней и бросит вызов их Повелителю! Готов ли Альдира к такой участи, вытянет ли против матёрого Иули, пережившего саму Нархану? Или против другого Иули, молодого: певца великих песен, убийцы почти дозревшего Солнечного Владыки?

Гнев на всех Иули, ступавших по Голкья, поднялся медленной лавой, толкая Альдиру на опрометчивое. Но мудрый усилием воли разжал пальцы и оставил нож в ножнах: «Латира, прости меня, что я опоздал!» Альдира зажмурил отчаянно слезящиеся глаза, слепо шагнул назад: «Тринара, забери меня отсюда скорее. Наши поиски окончены, идём в Пещеру Совета!»

Конечно, он ещё вернётся: даже потерявшему разум Латире не пристало умирать на алтаре от жажды и голода. Но прежде, Альдира разьяснит кое-что с этими проклятыми Иули...

[1] Около 15 минут.

Сон про чужой город перетряхнул Ромигины мысли. Нав слишком близко подошёл к тому, чтобы отыскать своего врага, заглянуть ему в глаза, но не победить, а погибнуть окончательно и бесповоротно. Мороз по хребту от осознания своей слабости в этом противостоянии, и уши болят!

А ещё спетые вместе с Вильярой обережные песни отлично прочистили мозги. Смыли липкое, приторное очарование Онги. Ромига ещё раз вспомнил всё, с первой минуты знакомства с древним навом, и пришёл к печальному выводу: Онга столь же опасен, непредсказуем и неуправляем, как неведомый душекрад из города под белым небом. Онга опасен лично для Ромиги, для Голкья со всеми её обитателями, а возможно, даже для Земли. Если Онга наберёт ещё могущества и явится туда со своим Источником, точно будет опасен!

Именно это давеча твердил Ромиге голосок безымянной Тени. Нав, конечно, не спешит верить, незнамо кому, но пока все наблюдаемые факты ложатся в строку. Значит, Онгу надо остановить, и похоже, нет у Ромиги иного способа, кроме убийства. Убийства нава... Нет, Ромига не станет оправдывать себя, что симбионт Зачарованного Камня и Повелитель Теней — уже не вполне нав! Но как Ромига переживёт чёрную кровь на своих руках, он решит после.

Если справится с Онгой: надо же ещё придумать, как! Если переживёт последствия гибели Повелителя Теней. На Камне-то Ромига тоже полежал, и голосок звал его самого — в Повелителя. Не достигнет ли Ромигу это «счастье» сразу, по факту убиения Онги? Как из этой ямы выбраться живым? Возможно ли такое, в принципе?

Расспросить бы обо всём Латиру, но Латира сгинул. И с Вильярой не поговоришь вслух при Стурши, неотлучном соглядатае Онги. Убить его, что ли, то есть, развоплотить? Нет, рано!

Мудрая и Тень продолжали, как ни в чём не бывало, играть в камушки и обмениваться репликами, малопонятными чужаку. Язык-то известен, а смысл речей ускользает. Знакомые слова каждый из собеседников наматывает в три оборота и перевязываются крест-накрест с подвывертом. Именно так принято беседовать в бездомном доме, в неведомом клане — и среди старожиллов ярмарки. Принцип Ромига усёк: Вильяра с ним кое-чем поделилась, и в память Стурши он заглядывал. Просто не нашёл в себе сил разгадывать местные кеннинги и шарады: будь они традиционная приправа к игре или нечто большее.

После обережных песен нав сделал вид, что снова задремал: чтобы поразмыслить без помех и принять решение. Однако информации не хватало.

«Вильяра, скажи, чужую безмолвную речь можно подслушать?» — перво-наперво отведомился он у мудрой.

Та, не сбив дыхание, не сорвав хода, ответила:

«Все думают, что нет, и я о таком не слышала. А что?»

«А скажи-ка мне, мудрая, что будет, если убить Повелителя Теней? Латира или твой первый учитель рассказывали тебе об этом?»

Тут уже Вильяра призадумалась, подзадержалась с ответом:

«Латиру я спрашивала сама. Повелителя Теней, как и Солнечного Владыку, почти невозможно убить ни простому охотнику, ни даже мудрому. Удача Великих — превыше всех

удач, и стихии берегут их, пока Повелитель с Владыкой не сойдутся в смертельной битве или в Песни Равновесия. Удивительно, что ты, Нимрин, добрался до Наритьяры Среднего и так запросто отнял у него жизнь. Между вами же не случилось даже маломальского колдовского поединка?»

«Нет, не случилось. Я просто подстерёг его и убил из засады.»

«Возможно, ты, воин из-за звёзд, умеешь нечто, о чём молчишь. Или взбудораженные стихии не защитили того, кто раскачивал «качели смерти». Или твоя удача — тоже удача Великого... Кстати, обрати внимание, как смотрит на тебя Стурши.»

«Как?» — Ромига лежал с закрытыми глазами, да ещё отвернувшись к стене. — «Я не вижу.»

«Как зверь на доброго хозяина. Стурши слушает Онгу. Как Тень, повинуется Повелителю. Однако Стурши опасается за своё существование, он проговорился мне об этом. Примани его, яви ему силу вашей стихии, и Тень с радостью уйдёт под твою руку. Я, мудрая Вильяра, думаю, что ты, Иули Ромига, способен стать Повелителем Теней. И не тем, кто станет жечь мир в безумной битве стихий, а тем, кто пропоёт Песнь Равновесия.»

«Я правильно понял? Эту Песнь поют только вдвоём, по согласию?»

«Да. Нельмара надеется, что его временный ученик Наритьяра Младший сохранит достаточно здравомыслия.»

«А если — нет?»

«Тогда он нападёт на тебя, или ты — на него, и вы скорее всего, убьёте друг друга, разметав пеплом по снегу половину Голкья.»

«А если кто-то один выживет?»

«Я не знаю. До сих пор не выживал никто. Но все, кто вступали в битву, надеялись обрести невиданное могущество и совершенную власть над Голкья: над живыми её и тенями, над всеми стихиями. А ещё они звёзды желали зажигать и гасить, играя мирами по собственному произволу. Ради этого колдуны рвались в Великие, тот же Наритьяра Средний. Но я думаю, Нимрин, вряд ли победитель останется сам собой, сохранит облик и сознание двуногого разумного. Дичать-то начинают уже в самом начале пути, задолго до битвы.»

Абсолютное могущество и власть... Ромига представил, как щелчком пальцев уничтожает город под белым небом вместе с затаившимся там врагом-душекрадом: не размышляя о целесообразности и соразмерности — просто потому, что может. Как делает шаг — и на Земле тоже карает и милует любого. Как свысока глядит на всех, перед кем привык почтительно склоняться... Ох, недолго он, такой крутой и красивый, проживёт в Тайном Городе! Или, быстрее, не станет Тайного Города и всей Земли?

Ромигины мечты и цели всегда далеко отстояли от запредельного могущества. Зато Онга... Нав, который пережил Первую Войну, странствия по Внешним Мирам и Нархану... Эффекты «одичания» на нём уже наблюдаются воочию...

«Вильяра, скажи, что ожидает тех, кто споёт Песнь Равновесия? Как это, вообще, происходит?»

«Нимрин, ты однажды уже пел Великую в солнечном круге, ты лучше меня знаешь, как это будет для Повелителя Теней. А Солнечный Владыка, наоборот, идёт в самый тёмный круг. Латира говорил, Песнь Равновесия пели всего трижды. Из тех шести колдунов выжило четверо, и трое перестали быть колдунами: надолго или навсегда. Я говорю тебе о них, Нимрин, и о цене, которую они заплатили. Но никто не ведает, что станет с рождённым в другом мире, с Иули.»

По крайней мере, Вильяра честна. Боль от светлого круга нав либо переживёт второй раз, либо нет. А вот такие далеко идущие последствия... Ромига уже утратил геомантию, которую едва начал осваивать. Магия с ним изначально, он жизни без неё не мыслит. Утратить магические способности ради того, чтобы на какой-то мёрзлой каменюке восстановить равновесие стихий? Ладно, не на какой-то: на той самой, где он сейчас живёт, и не в силах по собственной воле сменить место жительства...

«Вильяра, а ты могла бы просто увести меня с Голкья куда-нибудь подальше?»

«Куда? К твоему душекраду? Нимрин, если тебе вдруг надоест жить, прыгни к нему в пасть сам, как сегодня. А если пока не надоело... Отбиться от душекрада, который тебя уже закогтил, не под силу и матёрому сновидцу. И не запутаешь след: в любом из миров твой враг рано или поздно найдёт тебя. Голкья хотя бы немного защищена от таких, как он. Обережные песни здесь помогают. Но если ты скажешь, Нимрин, я уведу тебя куда-нибудь подальше.»

«Нет, пока не скажу.»

Ромига замолчал, обдумывая ситуацию, формулируя новые вопросы, а Вильяра поспешила отыграть у Стурши упущенное во время разговора преимущество.

Вот же с кочки на кочку в асурский портал! Всё или ничего! Потрясающая дилемма! И не вариант — плыть дальше по течению, куда вынесет: слишком много нехорошего обещал Ромиге оценивающий взгляд Онги...

«Ромига, Альдира мудрый хочет поговорить с тобой наедине,» — сказала вдруг Вильяра. — «Выйди на снег, а Стурши останется со мной.»

«Мудрый Альдира? Кто он?» — сразу уточнил Ромига.

«Старый друг Латиры и возможный будущий глава Совета Мудрых.»

«Чего он хочет от меня?»

«Он хочет поговорить, мне он больше ничего не сказал. Нимрин, ты по-прежнему под моим покровительством, под защитой хранительницы Вилья. Если Альдира полезет драться — ты сразу зови меня на помощь.»

Ромига не стал прыгать в колодец, воспользовался основным выходом из логова. Крупный, мощный голки сидел на снегу чуть в отдалении, монументальной неподвижностью напоминая скифскую каменную бабу. Нав подошёл и поздоровался, честь по чести. Мудрый буркнул ответное приветствие и остался сидеть, скупым жестом указал Ромиге на снег перед собой.

Нав тоже присел, скрестив ноги, и некоторое время они буравили друг друга взглядами, далёкими от приятных. Начинать разговор первым Ромига не хотел: мудрый позвал его, а не наоборот.

«Ты не Повелитель Теней,» — безмолвной речью, с непонятной интонацией сказал, наконец, Альдира. — «Ты можешь им стать, но пока не стал.»

«Да, и что? Ты нашёл Латиру, о мудрый?»

Альдира едва заметно поморщился и не ответил — спросил сам:

«Когда Латира пропал, куда он вёл тебя по изнанке сна?»

«В жилище своего друга Иули,» — повторил Ромига то, что уже говорил Вильяре. — «Ты нашёл Латиру?»

Мудрый снова проигнорировал вопрос, однако Ромига уловил смутный образ, который его совершенно не порадовал.

Альдира же спросил:

«Ты не Повелитель, но и не Тень. Слуга ли ты Иули Онге?»

Ромига ответил, в понятиях охотников и фактически верно:

«Нет, я его родич. Однако Онга давно покинул наш Ддом, или его изгнали за беззаконие, я точно не знаю. Я не повинуюсь Иули Онге и не желаю иметь с ним дел.»

«Ты намерен бросить ему вызов и стать Повелителем Теней?»

Ромига ухмыльнулся, развёл руками:

«А надо?»

Кажется, он обескуражил собеседника. Голки высоко поднял кустистые брови и набрал побольше воздуха, будто намереваясь сказать что-то вслух, но посмотрел Ромиге в глаза, помолчал — сдулся.

«Мне самому — ни за каким шуром это не надо!» — уточнил Ромига. — «Я хочу избавиться от закогтившего меня душекрада и вернуться домой. Онга утверждает, что может помочь, но сам занимается, не пойми чем.»

«Иули Нимрин, согласен ли ты взглянуть на мудрого Латиру и сказать мне: Онга ли сделал с ним... То, что с ним случилось?»

«Где Латира?» — спросил Ромига, не скрывая беспокойства.

«Я отведу тебя к нему изнанкой сна.»

«А ты уверен, что мы сами не потеряемся, как он?»

«Не уверен, но предлагаю испытать нашу удачу.»

«Ну, давай. Сейчас я предупрежу Вильяру мудрую, и веди.»

«Я ещё не сказал Вильяре, что с Латирой, её временным учителем...» — начал Альдира, Ромига перебил его.

«Ты и мне не сказал ничего! Ясно, что с Латирой случилась какая-то погань. Намекни, хотя бы, какая?»

«Его привязали к алтарю-камню в Доме Теней, и он потерял разум. Не от страха, не от соседства Теней — от неведомой мне чужой ворожбы. От вашей ворожбы, Иули.»

Ромига скрипнул зубами. Ох, как не рад он был, что втравил Латиру в поиски безымянного Иули! Пусть, старый голки не успел стать наву закадычным другом, однако среди местных привязанностей занял второе почётное место после Вильяры. А уж как дорог старик ей... Нет, Ромига не желает становиться горевестником. По крайней мере, не побывав на месте, не убедившись... Просто скажет Вильяре, что собирается вместе с Альдирой кое-что проверить.

Проверить, да! Мелькнувший образ, плюс описание, давали картину, ужасно похожую на последствия «иглы инквизитора». На месте-то следы аркана уже ни с чем не перепутаешь! Сам Ромига, точно, не вышибал Латире мозги. Значит, под подозрением двое: Онга и неуловимый безымянный Иули, в дом которого Латира с Ромигой шли, да не дошли...

«Веди!»

Нав думал, придётся перебираться ближе к мудрому, слушать колыбельную, терпеть прикосновения малознакомого, не слишком доброжелательного голки... Будто серое крыло смахнуло их с Альдирой и вынесло в большую пещеру, усадило на пол друг против друга в тех же позах... Ромига сразу взвился на ноги, озираясь. Зажёг несколько «светляков» и отпустил их в полёт.

Пещера — не дом Онги, но похожая. Другой, но похожий камень-алтарь... Сипло дышащее, дурно пахнущее тело на алтаре... Да, Латира. Да, жертва «иглы». Да, аркан строил Онга — и даже не позаботился замести свой след.

Ромига быстро просканировал — убедился, что мозг Латире превращён в кашу. Убедился в отсутствии не только осмысленных, а вообще, каких-либо реакций на внешние раздражители. Подумал, что возможно, «летучая песнь» исцелила бы любые повреждения мудрого. Но чтобы спеть «летучую», мудрый должен быть в уме и сознании. Другим её не поют, только себе. Замкнутый круг. Безнадёжно, как всегда. Нав призвал нож...

— Стой!

Ромига резко обернулся к Альдире:

— У тебя есть другие предложения?

— Нимрин, если ты добьёшь Латиру на алтаре, ты накормишь Тени и бросишь вызов их Повелителю, — сухо сообщил Альдира. — Ты всё-таки решил занять его место?

Ромига помнил здешние заморочки с Камнями и кровью, потому собирался, для начала, срезать вязки и унести Латиру прочь из этой дыры. Но раз уж зашёл такой разговор...

— Допустим, я решил, — сказал он, угрюмо уставясь в тёмно-янтарные глаза мудрого. — Достаточно просто убить, или нужен ритуал? Что ещё я должен знать обо всём этом?

— Чем полнее ритуал, тем больше пищи Теням. Если они хорошо насытятся, ты сможешь призвать Тень во плоти, в силе и разуме.

— Его? — кивком указал нав на пускающего слюни Латире. — В силе и разуме?

— Да. Я почти уверен, что... — начал Альдира.

— Нет, — припечатал Онга, безо всякого портала выходя из стены, из густого скопления чёрных пятен. — Это моя добыча, я не отдам её никому! Маленький Ромига, если ты надумал тоже поиграть с Тенями, не ленись, начни всё с самого начала. Найди себе Дом Теней, призови алтарь, поймай какого-нибудь охотника, а лучше, мудрого. Этот, который

тебя сюда привёл, прекрасно годится, а ещё лучше — твоя Вильяра. Вынь свои инструменты и постарайся, чтобы жертва на алтаре умирала долго и красиво, как на площади Глашатаев.

Онга говорил на языке охотников, лишь название главной площади Уратая произнёс по-навски. Ромига с Альдирой застыли. Не то, чтобы их парализовало, но голос Онги завораживал своими бархатистыми переливами, собирая всё внимание, не оставляя ничего ни на мысль, ни на движение.

— Когда обитатели пещеры доедят жертву, и Камень уйдёт, обожди немного и воплоти Тень, — продолжал поучать Онга. — Да не забудь, прикажи ей делать всё, что она должна делать, и запрети всё, чего ей нельзя. А теперь смотри, слушай и запоминай обряд, маленький глупый нав. Жаль, этот голки не соображает и почти не чувствует. Его память понадобилась мне раньше, чем его телесность и его сила. Но для примера сойдёт и так.

Онга погасил Ромигиных «светляков» и затянул приветственную песнь Камню, а двое свидетелей окончательно остолбенели.

Копаясь в памяти Стурши, Ромига видел уже подобный обряд его глазами, слышал его ушами. Не было нужды ещё раз внимать Онге, чтобы всё хорошенько запомнить. Ромига упорно и тщетно выпутывался из оцепенения. Если бы ему удалось построить «навский аркан»! Всего два шага до Повелителя Теней, увлечённого изуверским действием и песнью. А за голенищем — чёрный в рыжую крапину обсидиановый нож: трофеем от несчастного поганца Арайи. И поединок с Онгой показал, что древний нав сильнее и выносливее, не Ромига чуточку быстрее в атаке. Ромига успел бы ударить: если бы не был тут бесполезной и безвредной мухой в янтаре!

Так он и досмотрел обряд до последнего лучика света в Латириной крови. Алтарь с останками жертвы погрузился в пол. Онга что-то выкрикнул и ушёл в стену, откуда явился. Лишь после этого оцепенение начало отпускать обоих свидетелей.

— Альдира! Эй, Альдира!

«Не шуми, Нимрин. Лучше, попробуй призвать Тень Латиры. Вдруг всё-таки получится?»

Увы, нет. А вокруг всё стремительно менялось, и явно, не к лучшему. Создав «светляков» взамен погашенных Онгой, Ромига разглядел, что именно изменилось. Дом Теней опустел! Повелитель увёл их с собою, кажется, до последнего пятнышка. А свод над головами мудрого и нава подозрительно похрустывал, грозя обвалом. Срочно уходить!

Ещё один взмах серого крыла... Ромига не заметил маленький клочок чёрного тумана, в последний миг юркнувший ему в рукав.

— Вы должны, должны, должны были освободить его! Остановить, убить поганого Онгу! — вопила Вильяра мудрая. В диком горе и ярости мотала она головой, разбрызгивая слёзы, драла себе щёки ногтями до крови. — Да вывернут его щуры двадцатью двадцать раз наизнанку и завяжут узлом, да проклянут его все стихии, да уведут его сны в гнилые миры без возврата, да позабудет его собственная Тень...

Ромига попытался обнять колдунью, но отступил, едва избежав тяжёлых кулаков. Хитрый Стурши то ли смылся на изнанку сна, то ли спел «морозную дымку» и не отвечивал. Альдира застыл у входа в логово недвижимым истуканом.

— Вот так и стоял ты, Альдира, пока беззаконный чужак резал лучшего твоего друга? Так и стоял, да? — набросилась на него Вильяра. Из глаз её сверкнули две молнии, вроде «эльфийских стрел», но мудрый предусмотрительно окружил себя щитом.

— Мы оба так стояли, Вильяра, — вызвал Ромига огонь на себя, тоже заранее накинув защиту. — Я готов был убить Онгу, но мы словно в смолу влипли. Похоже, этому обряду невозможно было помешать.

— Нимрин, даже если б нас не приморозило, мы не убили бы Онгу! — с выражением внезапного прозрения на лице перебил его Альдира. — Мы развоплотили бы Тень! Обряд вела Тень от лица Повелителя!

Ромига вскинулся. Он и так уже зол был до острых ушей: на себя. Ведь выступил наживкой на крючке! Пошёл искать Иули по уговору с Онгой и навёл Онгу на Латиру! Не ожидал от родича ни такой подставы, ни такой прыти на изнанке сна...

Рявкнул:

— Альдира, ты рехнулся! Какая Тень? Что я, Онгу в лицо не знаю?

— Ты, чужак, не знаешь куда смотреть. Даже я не сразу понял. Повелитель действовал Тенью, как своею рукой. Но сам он не почтил нас своим посещением. Мы не убили бы его там. И Латире поздно было помогать — или рано. Ты, Нимрин, сможешь воплотить его, если обретёшь силу. И настоящего Онгу ты найдёшь, чтобы победить его и стать единственным Повелителем Теней.

— Ну, и кого же мы принесём для этого в жертву, друзья мои дорогие? — свирепо выскалится нав. — Кто из вас готов?

По исцарапанным щекам Вильяры ещё текли слёзы пополам с кровью, Альдира побледнел, но лица обоих мгновенно обрели выражение угрюмой готовности, и ответили мудрые дружно, в унисон.

— Любой, на кого падёт жребий!

Встали плечом к плечу, распрямили спины, вскинули подбородки, будто воины в строю.

— Любой из мудрых, — уточнил Альдира. — Или из нас двоих, если ты решишь, что времени нет. Я отведу тебя в Дом Теней и помогу с призывом Камня.

— И я тоже пребуду с тобою все зимы и лета, о Повелитель, — нарисовался Стурши третьим в строю. — Онга не приносил меня в жертву, не воплощал, не брал клятв, и я не собираюсь носить его лицо. Я не хочу быть ему руками — или чем похуже. Или чтобы он сожрал меня, как Нархану.

— Онга призвал и поглотил Тень Нарханы? — переспросил Альдира. — Это многое объясняет...

Ромига зарычал: слова, на всех языках, любой степени цензурности у него иссякли. А трое голки вновь уставились на нава, будто верные воины — на полководца. Он встряхнулся, перевёл дыхание, возвращая себе способность мыслить здраво и отстранённо. Да, он готов принести в жертву любого из них. Даже Вильяру, и особенно её! Посчитаться с ведьмой за унижение их первой встречи! Однако наву из Тайного Города претит сама идея: превращать живых союзников в непонятную нежить. А главное, втянувшись в череду обрядов, он пойдёт по пути, указанному Онгой, следом за Онгой — значит, никогда Онгу не догонит.

— Слушайте меня внимательно, о мудрые и Тень! Вы предложили мне свои жизни и своё служение — я принимаю их. Вы сейчас поклянетесь мне... Живые — поклянетесь сердцами своими, а ты, Стурши — своим даром сновидца. Поклянетесь, что будете верны мне: отныне и до песни Равновесия. Пока не пропета песнь, вы не переметнётесь на сторону моих врагов, не используете против меня, друг против друга и против наших будущих союзников то, чему я вас научу, и что я вам дам. Вы будете повиноваться мне: в бою — беспрекословно, прочее время — с рассуждением. Вы будете говорить мне о моих ошибках и своих сомнениях, правдиво и полно отвечать на мои вопросы, потому что я многого не знаю об этом мире... Клянетесь?

— Клянёмся, — ответили они снова в один голос.

Потом Альдира немного поторговался за точность формулировок...

— Ну что же, осталось скрепить клятву.

Артефактов для заклęcia обещания у Ромиги не было, пришлось вспоминать исходный аркан и строить его на крови: своей и клянущихся. И едва Стурши, последний из троих, повторил слова клятвы, едва сработал на нём аркан — Ромиге померещилось, будто развязался какой-то мучительно затянутый узел, и мир вздохнул с облегчением.

А кое-кому, напротив, не полегчало! «Что ты творишь, маленькая хитрая погань! Как ты посмел увести у меня слугу!? Убью! Развоплощу!» — заорал Онга в Ромигиной голове, и это было зверски больно. Однако терпел Ромига с радостью, так как бешенство врага косвенно подтверждало правильность избранного пути.

«Нам выйти на снег?» — переспросил Ромига, но ответа Онги не дождался.

Зато Стурши свился винтом, захрипел и забился в судорогах, совсем как Арайя перед смертью... Нет, приступ миновал, и довольно быстро. Стурши сидел на полу, тяжело дышал, отирал рот от пены — и тут же ухмылялся, зло и торжествуя. А на Ромигу смотрел с восторгом и обожанием... Правда, недавно он и на Онгу так смотрел, а прежде — на Наритьяру Среднего. Не стоит обольщаться, напомнил себе нав, а приглядывать за этим поганцем в оба. И всё равно Ромига порадовался, что союзник цел.

Им предстояло много работы. Именно работы, причём такой, которую Ромига не любил, а потому почти не умел. Сожалел сейчас, что в боевой артефакторике не продвинулся дальше базового курса, да и то: сдал — забыл, как человеческие студенты. Но быстро обучить голки тайногородским приёмам боя показалось ему сложнее, чем зачаровать некоторое количество простейших одноразовых амулетов. Хотя бы, для начала!

Тем же, по взаимному согласию, занялись мудрые. Попутно нав и голки объясняли друг другу, что и зачем они делают: вовсе без учёбы не обошлось.

Основу для амулетов нашли в логове Латиры. Вильяра открыла сундучок, доверху набитый снизками камушков и монет с дырками. Монеты — явно не местные, но хозяин логова уже не расскажет, какой сновидец или путешественник между мирами затащил их на Голкья.

Из любопытства Ромига уточнил, распались ли Латирины заклатья? Вильяра ответила, что по ним-то она и поняла: старого больше нет. Защиту логова колдунья мигом подхватила и перевязала на себя. А обитателей ярмарки Латира не баловал: мол, старенький уже, давайте всё — сами... Мудрая замолчала, кусая губы, Альдира тяжело вздохнул... Горечь потери успешно переплавили в деловую злость.

Стурши в изготовлении амулетов не участвовал. Он как-то особо старательно пропел обережные песни и прилёг вздремнуть. А через некоторое время подскочил, как ошпаренный. С возгласом, полным обиды и недоумения.

— Повелитель, я же не нарушил клятву? Почему?

— Что «почему»? — переспросил Ромига.

— Я прошёл по следу твоего душекрада, мне любопытно стало, что за погань такая? Я его нашёл! Увидел! Решил прирезать — не смог. Не смог пройти на ту сторону звёзд!

— Нет, если бы тебя наказала клятва, ты бы не увидел его совсем... А покажи-ка мне эту рожу?

Стурши легко сплёл иллюзию, и Ромига несколько мгновений изучал лицо пожилого мужчины, похожего на чела. Душекрад, если это был он, мирно почивал в уютной постели и вид имел бледный, одутловатый, нездоровый. То есть, он не выглядел грозно, вот ни капельки! Но если бы вдруг открыл глаза... Один глаз — зрячий, второй изуродован бельмом! Ромига всё-таки видел прежде это лицо. Узнал. Шерсть дыбом...

Переспросил, с трудом претворяя рычание в речь:

— Стурши, ты увидел его, но не смог проникнуть к нему во плоти?

— Да, не смог! Я подумал, это клятва, хотя не нарушал! Или, может, защита какая?

— Нет, это твоя новая природа, Стурши, — покачал головой Альдира. — Став Тенью, ты сохранил дар сновидца. Ты ходишь изнанкою сна по всей Голкья. Но на другую сторону звёзд Теням пути закрыты. Удивительно, что тебе ещё снятся иномирные сны. Думаю, ты увидел душекрада лишь потому, что вы с ним, оба, ты и он, связаны с Нимрином.

Следующие пять минут Стурши горячо, изобретательно костерил Скундару.

А Ромига размышлял, и когда Стурши выдохся ругаться, тут же спросил Альдиру:

— Мудрый, ты сказал, Теням закрыт путь на ту сторону звёзд. А Повелителям?

— Я не слышал, чтобы кто-то из Повелителей, будучи в силе, пытался покинуть Голкья. Но один из тех, кто пел песнь Равновесия, после ушёл путешествовать по мирам. Несколько раз уходил и возвращался.

Сделанные амулеты нужно было испытать, отработать взаимодействие в группе, и Ромига вывел своих голки на снег. Интересная получилась тренировка, познавательная. Нав убедился, что мудрые — сильные союзники и опасные противники. Уязвимые места у них были: Ромига по счастливой случайности угадал одно, когда убивал Наритьяру Среднего, и теперь старательно выстроил защиту для «своих» голки. Защита работала, не взирая на кустарщину. Пожалуй, выйди Онга на снег против Ромигиной команды, они его дружными усилиями здорово потрепали бы, а то и завалили. Да только Онга не спешил к ним, мериться силой!

Ромига голову изломал, сочиняя план кампании. Как выманить противника из логова и навязать ему бой на своих условиях, с надеждой на победу? Или подловить врасплох и прикончить? Никаких идей, кроме: держаться в гуще событий, наблюдать, действовать по обстановке... Да, стратег из Ромиги ещё хуже, чем артефактор!

Тренировку прервали на середине: Нельмара объявил срочный сбор всех мудрых в

Пещере Совета. Ромигу Нельмара тоже пригласил: лично прислал зов и был очень почтителен, но повестку дня раскрывать не стал. Нав спросил «своих» мудрых, чего ждать от сборища? Вильяра лишь плечами пожала, Альдира заворчал, что ему не нравится эта срочность и таинственность. Пошли пешком, благо, недалеко.

По пути Альдира рассказывал о расстановке сил в Совете. Мудрые отложили выборы Голкиры и затаились, продолжая подспудно спорить о претендентах. Альдира, в сердцах, обозвал это побегайской чехардой перед носами двух зверей: чёрного и белого. Ромига истолковал его слова, что пока Повелитель Теней и Солнечный Владыка не явят себя миру и не определятся с формой противостояния, мудрые мало, что могут, и не рискуют ничего планировать. Альдира подтвердил: примерно так и есть, но если случится битва, самые горячие безоглядно в неё втянутся, а кто похолоднее — будут любой ценой беречь свои кланы и уголья.

Вход в Пещеру Совета не отличался помпезностью. Похоже, во времена навского форпоста он был запасным, голки расширили и переделали его на свой лад. А череда коридоров и лестниц навевала ностальгию: здесь ещё чувствовалось дыхание великой Империи. Однако ледяные натёки на потолках и стенах ясно указывали, что древний форпост заброшен, магия, хранившая его, иссякает, а новым хозяевам дела нет до сосулук в боковых ответвлениях коридоров.

— Альдира, Вильяра, скажите, почему охотники не заселили этот дом?

— Он холодный, неудобный, и древние чары Иули... В общем, зимовать здесь — здоровья не хватит, — сказала Вильяра.

— А как же мудрые? Совет? Ваши собрания?

— Мудрые на то и мудрые, чтобы не бояться чужой ворожбы.

Мудрая говорила вполголоса и была настороже. Ромига — тоже.

— То ли из прихоти, то ли на спор, один из прежних хранителей Вилья открыл запечатанное логово Иули, — пояснил слова Вильяры Альдира. — Он изучил его сверху донизу и счёл непригодным под жильё для охотников. Но для мудрых он зачаровал Залу Совета, лучшую на всей Голкья. В других местах мы уже почти не собираемся.

Ромига поморщился от противоречивости чувств и предчувствий. С одной стороны, древние стены, помнящие руки и магию навских мастеров, придавали ему уверенности. С другой... Кажется, именно сегодня мудрым безопаснее собраться в любом другом месте.

«Повелитель, позволь мне навестить мою женщину?» — спросил вдруг Стурши, которого, естественно, не звали на общий сбор мудрых, но он тихо тянулся следом.

Ромига не сразу сообразил, о ком речь, однако навское «не сразу» всё равно очень быстрое. Переспросил: «Митаю? Её не развоплотили?»

«Нет, Повелитель, только заперли и усыпили. Когда Латира умер, она проснулась и теперь зовёт меня.»

«Иди. Остерегайся Онги и жди, что я тебя позову, в любой миг.»

Получив разрешение, Стурши мигом скрылся на изнанке сна.

— И зачем ты его отпустил? — тут же возмутилась Вильяра.

— Он всё равно не вошёл бы в Залу, — прежде Ромиги ответил Альдира.

Да уж, с субординацией в команде — плоховато! Однако реплика мудрого прозвучала уместно, несла информацию, полезную для всех, и нав не стал заедаться. Тем более, внятно ответить на Вильярин вопрос сам не мог. Отпустил Стурши, почуяв: так надо. Хотя «чуйке» этой веры нет: сколько раз она заносила Ромигу через татский городок на асурские выселки.

— В Зале разойдёмся по местам? — уточнил всё тот же неугомонный Альдира.

Ромига прокрутил в уме разные варианты:

— Мы не знаем, зачем Нельмара собрал всех. Глянем от входа — решим.

Зала Совета оказалась почти полна: кто жил дальше, явились раньше. На центральном возвышении стоял Нельмара, а рядом с ним... Альдира мгновенно перехватил прянувшую вперёд Вильяру, зажал ей рот ладонью. Ромига пригляделся и тихонько скомандовал:

— Расходимся по местам. Слушаем.

Нав взял свою колдунью под руку, безмолвной речью велел ей: «Очнись! Веди!»

Мудрые рассаживались по секторам, в зависимости от расположения своих угодий. Места Альдиры и Вильяры — довольно далеко друг от друга, но по одну сторону возвышения.

Вильяру трясло, однако она быстро собралась. Нав из-за плеча мудрой, с места воина и телохранителя, всё разглядывал и разглядывал двух стоящих на возвышении голки, вернее, их ауры. Раздражающе светлую — Нельмары, тёмную и «хвостатую» — Латиры.

Онга призвал Тень и послал... Неужто, в самом деле, на переговоры? Неужели взялся за ум и желает уйти мирно? Ромига мог бы спросить напрямую, но увы, не рассчитывал на правдивый ответ, а любой другой лишь собьёт с толку. Латира скользнул по наву пустым взглядом, будто не узнал.

Наконец, видимо, кворум собрался. Нельмара вскинул руки, пропел приветствие — мудрые дружно отозвались — и временный глава Совета начал речь.

— Братья и сёстры по служению, я собрал вас сегодня, чтобы вы слышали волю двух Великих: Солнечного Владыки, имя ему Наритьяра, и Повелителя Теней, имя ему Онга чужак из Иули, — мудрые в зале замерли и затаили дыхание. — Сегодня я встретил наше Солнце в круге у Синего фиорда и говорил с ним. Владыка желает песни Равновесия, я с радостью и надеждой доношу это до всех вас. А мудрый Латира явился к нам Тенью, — голос Нельмары дрогнул, по лицу скользнула гримаса отвращения. — Но тем вернее изречёт он нам волю своего тёмного Повелителя. Я передаю ему слово.

Тишина, будто зала пуста.

— Братья и сёстры по служению, — начал Латира...

Нет, не Латира — Тень! В отличие от Стурши, и даже от Митаи, перепутать это с живым голки было решительно невозможно! Мёртвое лицо, стеклянный взгляд, голос без интонаций.

— Мой Повелитель, Иули Онга, окажет этому миру величайшую милость и не сотрёт его в порошок, как собирался, в наказание за предательство проклятой Нарханы. Мой Повелитель споёт песнь Равновесия, чтобы Голкья отпустила его на ту сторону звёзд. Иули Онга споёт песнь и уйдёт. Радуйтесь, о братья и сёстры по служению.

На слух Ромиги, призыв радоваться прозвучал как-то чересчур заупокойно, однако всеобщий вздох облегчения поднял в зале ветерок...

Ромига ждал подвоха — Ромига дождался: мощнейший «навский аркан» ударил из Тени, опустошая мудрых, выпивая тонкие чары Залы. Надолго ли хватит Альдире и Вильяре кустарных амулетов, а самому Ромиге — боевых навыков? Не поддавшись аркану, высасывающему энергию, гарка метнул в Тень «эльфийскую стрелу». Но это взорвалось раньше, чем словило Ромигину молнию. Зала мгновенно заполнилась клубами едкой пыли, такими плотными, что вытянутой руки не видать. В сплошной мгле кто-то чихал, кашлял, вскрикивал, слепо шараялся из стороны в сторону, падал — и затихал. Нав задержал

дыхание сразу. Он мог терпеть ещё долго, он помнил, где выход, и нашёл бы его ошупью, и Вильяру бы вытащил...

«Зелье глухого сна. Очень много зелья!» — сообщила мудрая. — «Хорошо, что я зачаровала нам знахарские бусины. Могу увести тебя изнанкой сна, Нимрин. Или останемся? Только имей в виду, я ничего не вижу в этом мраке!»

«Я вижу во мраке, но не вижу в пыли. Вильяра, твоя колдовская сила при тебе?»

«Да.»

«Пой «морозную дымку» на нас обоих!»

Ромига позвал Альдиру — тот не откликнулся.

Позвал Стурши — тот ответил сразу: отчаянной скороговоркой сообщил, что Митая обернулась подобием Онги, Стурши еле-еле от неё сбежал, и прячется теперь по дальним закоулкам Дома Иули, потому что выход наружу закрыт, совсем закрыт! Ромига приказал Стурши найти настоящего Онгу и убить, раз уж не сумел зарезать того душекрада. Стурши принял приказ с радостью, мол, для своего истинного Повелителя, да ради такого славного дела он не побрезгует даже натянуть на себя чужое лицо и немного подумать чужие мысли.

Последнее копошение в зале затихло, а пыль не думала оседать. Вильяра до боли сжала руку нава: «Сила при мне, но «дымка» не плетётся. Уходим?»

Выучка гарки требовала: выскользнуть из-под неожиданного удара превосходящего противника, отступить, перегруппироваться, а после атаковать свежими силами. Беспощадная логика подсказывала: Онга собрал мудрых в одном месте и взял в плен явно не для того, чтобы угостить печеньками и отпустить! Готов ли Ромига списать в безвозвратные потери всю магическую элиту Голкья, вместе с одним из трёх своих бойцов? Может позволить себе роскошь тактического отступления, или отступать некуда — пора принимать бой? Навы думают быстро, но правильное решение ускользало, даже интуиция помалкивала...

Внезапный вихрь взвихрил пыль — вымел её прочь: то ли в коридор, то ли вовсе в никуда. На возвышении застыл в горделивой позе очень высокий и крупный нав. Ещё несколько таких же бродили по зале, осматривая бесчувственных голки. Ещё один, с катанами в руках, соткался из воздуха совсем рядом... Все — вылитые Онги!

«Вильяра, уходим!» — всё-таки скомандовал Ромига. Как руку — от огня, так прочь от этого арната близнецов! «В нижние ярусы! Стурши сказал, выход наружу закрыт!» — добавил нав, уточняя приказ. Колдунья сдёрнула Ромигу на изнанку сна мгновенно, как умела. Кажется, ближайший Онга смотрел им вслед с ласковой улыбкой...

Очнулся Ромига уже связанным, да так крепко, что даже не взглянешь, куда именно приколота брошка с акулой? Держали его за шиворот, ноги не касались пола. В нескольких шагах ещё одна копия Онги держала на весу за гриву оглушённую, связанную Вильяру.

— Вот и все в сборе, — радостно констатировал один из Онг. — Я знал, что любопытство приведёт тебя сюда, маленький нав, и твоя ведьма не отстанет. Я окажу вам величайшую честь: позволю наблюдать за моими сборами на Землю. Возможно, даже поучаствовать в них! А пока не мешайте.

Онга красиво, плавно взмахнул руками, и связанные пленники воспарили ввысь, ровно туда, где прежде сияло чудо местной ворожбы — образ Голкья. Они зависли там, будто две мухи в паутине. А внизу деловито хозяйничал Повелитель Теней, единый во многих лицах. Ромига тщетно пытался высмотреть среди двух или трёх десятков одинаковых «навов» настоящего Онгу. Альдира объяснил, куда смотреть, но теньевые корни вились и

переплетались, будто змеиное кубло или щупальца спрута. Зрелище завораживало, жуткое в своей противоестественности.

Онги рассортировали мудрых: тридцать шесть обладателей самых светлых аур раздели и уложили по кругу у стен залы, остальных свалили кучкой у центрального возвышения. Один из Онг так и торчал посередке, памятником самому себе... Отступил на пару шагов, и сквозь гладкий базальт, как зуб сквозь десну, прорезался тёмно-серый, ноздреватый Камень-алтарь. Онга привычно присел на него, и Ромигу накрыло видением, ярким, будто всё происходило с ним самим.

Охота не задалась. Дикая стая загнала и окружила нава, а магической энергии давным-давно у него не было, совсем. Руки и, ноги, крепкое охотничье копьё, две верные катаны, да ядовитая кровь в жилах. Нет, он перебил всех зверей раньше, чем они успели им отравиться, но сам не уцелел. Одна тварь прокусила предплечье, раздробив обе кости, другая выдрала клок из бедра, третья — из бока. Он перевязал раны, но на морозе и без энергии тело почти не регенерировало. Теперь он хромал в сторону дома, не особо надеясь дойти. Конечно, ведьма найдёт его, когда хватится. Но искать станет не скоро: они поссорились.

Начинающаяся пурга грозила смертью, похуже зверей. Нав шёл быстро, насколько мог, пока не сломал лыжу на очередном спуске. Полетел кувырком, разбередил раны, да ещё голову разбил! Вот же всё одно к одному! Откопавшись из сугроба, он присел на скальный выступ, так предательски подвернувшийся под лыжи — или на другой какой, уже не важно!

Тепло под задницей, вместо стылого холода, он принял поначалу за бред замерзающего, а встать не смог... Нет, не от слабости! Ощутил вдруг, кроме тепла, то, чего не чаял встретить во Внешних Мирах! Энергию! Не совсем родную, но подходящую! Израненное, усталое тело быстро наполнялось жизнью и силой. Раны стремительно заживали. Вернулась надежда... Нет, уверенность, что он выбрался из очередной передрыги, да не просто так, а с прибытком...

Онга встал с Камня, видение угасло. Встал и пропел нечто. Под каждым из тридцати шести лежащих мудрых прорезались ещё Камни-алтари. Они выростали из-под пола, оплетали руки и ноги жертв змеящимися ремнями. Онги наблюдали за процессом с довольной ухмылочкой: одной на всех, Ромига из-под потолка — с бессильной яростью.

— Онга, что ты делаешь? — спросил, не особо надеясь на ответ.

Однако до ответа милостиво снизошли. Один из двух Онг, стороживших двери в залу, был не прочь поболтать, пока другие Онги старательно расчерчивали пол магическими символами. Они даже «светляков» понаделали, чтобы не полагаться только на ночное зрение. Такой сложной графической формулы Ромига не видал ни разу...

— Я строю портал на Землю. Для себя и для своего Источника, — заявил Онга. — Ты был прав, Ромига, Большая Дорога очень основательно закрылась. Я проверил и убедился. Однако шаманы голки изобрели новый способ открыть её. Когда всё будет готово, я опробую этот способ на них самих, — говорящий сделал эффектную паузу. — Хотя, в идеале, для портала нужен всего один разумый, рождённый на Земле, и один голки. Добровольцы.

— Не дождёшься! — сплюнул Ромига.

— Да я же не уговариваю — просто рассказываю! — рассмеялся Онга и продолжил, на языке охотников. — Две одарённые жертвы из двух миров, по своей воле, без принуждения, будь то силой или колдовством, под особую песнь должны собственными руками пронзить себе сердца. Тогда Большие Врата надёжно и безопасно для любых путешественников соединят родные миры жертв, — Онга вновь перешёл на навский. — Красиво задумано,

правда? Шаманы голки знают, что их мир гибнет, и давно подыскивают себе новый домик. Они и на Землю облизывались, но прикинули — пока не по зубам. А не станет этих шаманов, и всё! Облизываться больше некому! Дикари станут теми, кем выглядят, и жизни большинству — до ближайшей весны. Некому спасти их от буйства стихий, мне ведь понадобится много жертв! Все шаманы, кого я поймал! Мы с Камнем уйдём быстро. Мы вдребезги разнесём всё это щурово равновесие. К асурам! Мне плевать! Нет, я рад отомстить сородичам Нарханы! А ты, Ромига, останешься здесь среди хаоса. Будешь песенки петь и подлизывать разлюбезные тебе мохнатые задницы. Потому что я тебя с собой не возьму! Зачем мне попутчик, к которому опасно поворачиваться спиной?

— Нимрин, он хочет уйти? — шёпот Вильяры был таким тихим, что Ромига еле расслышал. — Пожалуйста, давай, отпустим этого Иули? Давай, выстроим ему портал? Лучше, мы умрём вдвоём с тобой, чем все-все мудрые!

Ромига скрипнул зубами: он очень дорого ценил свою жизнь, а Онге не верил ни на грош. Однако, если их с Вильярой хотя бы спустят из-под потолка и развяжут руки, свободы манёвра прибавится. Может, и безмолвная речь станет доступна в какой-то миг? И Стурши с Альдирой не попались Онгам?

— Онга, а если я вызовусь добровольцем, ты отпустишь мудрых? — спросил Ромига поохотничьи.

Онга ответил на том же языке:

— Да, как только я увижу, что портал открылся, я отпущу их сразу. Но если они насочиняли ерунды, и обряд с двумя жертвами не сработает, тогда я попробую по-своему... Ромига, ты, правда, настолько любишь мохнатых, что готов зарезаться ради них?

Правда состояла в том, что Ромига отчаянно тянул время и выгадывал: сам уже плохо понимая, что именно.

Как солгать магу, который заведомо сильнее и собрался ловить на вранье? Крепко уверовать в собственную ложь! Ромига нарисовал в воображении несколько картин, очень ярких. И они запросто ещё могут реализоваться в действительности...

— Нет, Онга, я не настолько люблю охотников, чтобы платить им своей шкурой за твои беззакония! Зарезаться самому — быстрее, и не так больно. А моя ведьма готова умереть вместе со мной, чтоб не дожить до такого позорища, как у вас с Нарханой!

Уши заострились: разом у всех Онг! Ромига даже испугался, что переборщил...

Их с Вильярой уже спускали вниз.

Твёрдый пол под ногами, петли вязок чуть ослабли. Повелитель Теней смотрит свысока, Ромига вскидывает голову:

— Онга, поклянись сердцем, что отпустишь всех мудрых живыми и невредимыми, как только мы с Вильярой откроем портал!

— А не всё ли равно тебе будет, маленький нав? Или ты надеешься пережить обряд? Не надейся! Ножичком проткнуться — суцая ерунда, но портал разрывает тела жертв на элементарные частицы.

— Просто я хочу сохранить этот мир для живых, — Ромига, правда, этого хотел, при любых раскладах. — Онга, поклянись, что отпустишь всех мудрых, это наше с Вильярой условие. Сам клянись, а не Тенью!

— Ты не поверишь, Ромига, но уже никакой разницы! — рассмеялся тот Онга, что сидел на Камне. — Я совершенно один и неделим. — он встал, подкинул на ладони артефакт заклęcia обещания.

Ромига вглядывался изо всех сил, выискивая признаки, о которых говорил ему Альдира, и не мог понять, кто перед ним: Тень? Повелитель? Кроме ауры, которая, тат знает уже, на что похожа, должна быть одна верная примета...

— Онги, призовите катаны!

Громовой хохот множества глоток в ответ:

— Какой же ты неприлично умный, маленький нав! Бываешь иногда! У кого в руке «братоубийца», тот изначальный, тот Повелитель Теней, так? А при том, невдомёк тебе, дурашка, что Повелителю уже не страшно заклятие обещания. Оно меня не уничтожит захочу — исполню, захочу — нарушу. Придётся поверить мне на слово, Ромига. Или не поверить. Сам запутался, да? Хватит уже тянуть время! Давай, наконец, освободим этот несчастный мир от нашего тлетворного присутствия!

Ромига не запомнил, как они с Вильярой очутились друг против друга, по обе стороны Онгиного Камня. Ноги спутаны и будто приклеены к полу, а руки свободны. В правой — нож: обычная сталь. Ромига привычно крутанул клинок, оценивая тяжесть и баланс. Распустил застёжку комбинезона, нацелил остриё между рёбер и царапнул кожу, до крови...

Странное безмыслие накрыло его: он делает то, что нужно Повелителю, он идёт по единственно верному пути, он должен... Стоп! Сказано же, никакого магического принуждения! Обряд же сорвётся!

А так и надо, пусть срывается! Повелитель тащит его куда-то, а он не хочет. Он родился здесь. Ему хорошо и правильно здесь. Здесь он хочет и может хранить Повелителя. Он сам никуда не пойдёт и Повелителя не пустит. Никуда, никогда! Этот маленький, глупый — почти такой же, как Повелитель. Кровь у них одного вкуса, легко перепутать. Жаль, если умрёт. Трудно выбрать, кого беречь. Он совсем не умеет выбирать...

Кто — «он»?

Ромига смотрел на Камень-алтарь, на серую глыбину с проушинами для ремней по углам, на древний могущественный артефакт, жадный до крови. Этот Камень лезет в голову и норовит пустить их с Вильярой жизни дракону под хвост — и сам же горько жалуется Ромиге на Онгин произвол?

«Маленький, пожалуйста, помоги! Помоги удержать Повелителя!» — почти настоящая безмолвная речь, прямо-таки отчаянный призыв.

«Укажи мне его, настоящего, и ты останешься на Голкья!» — ответил Камню Ромига. — «Только не смей мутить мне мозги!»

— Начинайте уже! — торопит Онга. — Я знаю, Ромига, твоя ведьма знает нужную песню. Или всё-таки начну я, по-своему, а вы полюбуетесь?

— Онга, а ты ничего не забыл? Например, снять с нас «рыбацкую сеть»?

— А зачем её снимать? Моя «сетка» не помешает порталу раскрыть вас изнутри.

Мертвенно-бледная Вильяра дрожащим голосом затулила приветствие Камням. Их сейчас много в зале, побольше, чем в ином круге, петь долго. Мудрая вцепилась двумя руками в рукоять ножа, она готова после всех песен ударить себя. Уверена, что своей жертвой кого-то спасёт. По крайней мере, очень надеется!

«Вильяра, не спеши!» «Альдира!» «Стурши!» Нет, никто не слышит Ромигину безмолвную речь, не отзывается. Из собеседников остался лишь Камень, и Ромига просит: «Ну же, покажи мне, который тут — Повелитель?»

Ток силы от Камня колыхнул теневые корни, будто течение — водоросли, и Ромига, наконец, разглядел одну ауру, чуть плотнее других. Нет, не у того, кто маячит в середине — у того, кто лениво подпирает притолоку...

Увидел — не только Ромига. Одна Тень вдруг истаяла — возникла у дверей и атаковала обладателя плотной ауры. Мгновение, чтобы понять: нападающий выглядит Онгой, но дерётся не как нав: как голки, обученный навом... Недоученный! Потому жизни ему — на пару ударов сердца: не Онга, так сам себя посечёт... Нет, немислимым образом перестал путаться в собственном оружии, и «братоубийца» Онги никак его не достанет! Теперь кажется, древний нав сцепился сам с собой, противники равны, никто не побеждает...

«Маленький, помоги Повелителю! Скорее!» — затеребил Ромигу Камень.

«Так освободи же меня! Скорее!»

Кто-то из Теней, с неразличимо смазанным лицом, отцепил у Ромиги со спины нечто, и «рыбацкая сеть» спала вместе с вязками. Некогда разминаться, восстанавливать кровообращение. Лишь рвануть из ножен за голенищем обсидиановый нож, наследство Арайи, и быстрым порталом — к дерущимся.

Их клинки мелькали стремительно, их ауры сплелись в неразличимый клубок, будто стараясь пожрать друг друга, но Ромига заметил: у одного из двойников обычные, чёрные

навские глаза, у второго — отчаянно яркие синие. Противники так увлеклись друг другом, что не обратили внимание на третьего, возникшего рядом. Ромига уклонился от клинков обоих — с низкого выпада вогнал нож в бок черноглазому.

Клинок застрял и едва ли достал до сердца, однако исход схватки предрешил: в следующий миг синеглазый снёс подранку голову с плеч. Ромига выхватил из руки падающего тела «братоубийцу», рубанул ею крест-накрест, отскочил и замер в боевой стойке. Синеглазый неловко опустил оружие, будто вновь не очень представлял, как с ним обращаться. Облик Тени плыл, черты Онги переплавлялись в охотничьи: Стурши не пожелал носить чужое лицо дольше необходимого.

А Ромига помнил трудную смерть Наритьяры Среднего, потому не считал бой оконченным... И отсечённая голова Онги тоже не считала! Острые уши, осмысленный взгляд, шея перерезана не обсидианом — простой сталью... Ромига «братоубийцей» шуганул подступающих со всех сторон Теней, чуть подумал, да и порубил голову древнего нава на мелкие куски его же любимой катаной. Для верности, тут же бросил на останки «кольцо саламандры». И дымно-туманному облачку, которое попыталось утечь в коридор, скомандовал:

— Онга, стоять! Я теперь Повелитель Теней! Слушай мою команду! Повелеваю тебе отныне не являться нигде в твоём прежнем облике и сознании! Ни в одном из миров! Ни телом, ни духом, ни призраком, никак иначе! Да примет, упокоит и возродит тебя в должный срок сама вековечная Тьма!

И развязался ещё один узел. Узел многое удерживал, теперь это многое обрушилось на Ромигу. Нав пошатнулся от павшего ему на плечи могущества. Немой вопль Камня, полный страдания, слился с приветственным кличем воплощённых Теней. Ромига посмотрел на них — увидел точные копии себя. Сменили Повелителя — сменили лицо! Скосил взгляд на Стурши — тот остался при своём неповторимом облике и взирал на толпу Ромигиных двойников с явным презрением.

Ярость! Ромига заметил, как заостряются уши Теней, а после ощутил свои. Ударить непокорную Тень! Подмять, сломать, подчинить — или попросту развоплотить...

«Это мой воин,» — напомнил себе Ромига. — «Стурши дал мне клятву верности и только что прекрасно показал себя в бою. А ещё, наверняка, он ценит своё существование превыше дара, которым поклялся мне. Если я атакую, он будет драться отчаянно. Ромига, не бери пример с Онги, не затевай бой с Тенью на взаимное уничтожение!»

Сомнение в победе над каким-то голки неприятно резануло, и Ромига поморщился. Гримаса — мимолётная, однако все двойники повторили её, один в один, и нав ощутил многократно усиленное эхо собственных эмоций. Чувства, мысли, ощущение тела: всё плыло, будто он стремительно распадался на десятки существ, ведомых единой волей и разумом, но частично автономных. Нет, любой правильно обученный маг умеет управлять своими проекциями! Но больше трёх штук за раз Ромига не удерживал никогда. Как Онга исхитрился водить всю эту толпу? Нужно ли для этого спятить — или можно обойтись?

Теперь на лицах Ромигиных двойников отражалась всё более глубокая растерянность. А поганец Стурши задрал свой незаконный нос ещё выше и нахально, с ухмылочкой, уставился наву в глаза. Это и отрезвило, лучше воды на голову.

— Стурши, найди мне Альдиру, срочно!

Командный голос Ромигу не подвёл. И система тренировок, отработанная на молодых масанах, сработала безупречно. Стурши сорвался с места быстрее, чем усомнился в праве Ромиги отдавать ему приказания. Вот и хорошо. Вот и правильно.

Новоявленный Повелитель Теней уже спокойнее обозрел прочих своих подданных. Их одинаковость по-прежнему раздражала и давила на психику, но вносить разнообразие в эту картину он будет последовательно и постепенно.

— Мудрый Латира, я призываю тебя! Явись ко мне во всей своей полноте и целости! Не причиняй мне вреда, покуда не прозвучит над Голкья песнь Равновесия, а во всём остальном ты волен.

Низкорослый пожилой голки протолкнулся из задних рядов Теней. Забавно, что чёрный комбинезон он не стал переколдовывать во что-то охотничье, а лишь подогнал по себе.

— Ну, здравствуй, настоящий Повелитель! — приветствовал он Ромигу и поклонился низко, церемонно, с достоинством, присущим ему при жизни. Распрямил спину, улыбнулся. — Уважил старика! Призвал первым!

Радость в голосе, живая мимика, и глаза блестят торжеством. Будто лишь в дурном сне примерещился Ромиге идиот на алтаре, кукла-марионетка на Совете... Но теневой корень — увы, не мерещится.

— Я тоже рад тебя видеть, о мудрый Латира, — отозвался нав. — Знаешь ли ты, как освободить всех этих? — он широким жестом обвёл мудрых на алтарях.

Латира сразу нахмурился:

— Ты, Иули, истинный Повелитель Теней. Но даже тебе эти алтари не отдадут жертвы просто так. Слишком голодны они, чтобы уйти без малого подношения, которое даёт власть над бродячими Камнями. Думаю, тебе это подношение обойдётся дешевле, чем кому-либо другому. Мудрым такая власть — только во вред. Тебе, Иули, может ещё пригодиться.

Мудрый, ставший Тенью — или Тень в облике мудрого — бросает слова резко,

отрывисто, будто через силу. И сам Ромига чует насторожённое недовольство Камней. Древние алтари жаждут поживы! Какая-то кровь даже пролилась где-то рядом, но не на них! Камни ропщут... Без слов! Взрыкивают, будто полудикие помойные псы на Ромигиной родине. Сам учил знакомых челов: окружают такие — не вздумай испугаться, а тем паче, показать свой страх. Но и прикармливать опасно: отожрут подачки вместе с руками.

— Камни, властью Повелителя Теней я приказываю немедленно отпустить тех, кого посулил вам в жертву Иули Онга!

Увы, здесь командный голос не сработал, голодные звери лишь зарычали отчётливее. И хлынула горлом короткая злая песнь: приветствие Камням, недопетое Вильярой, теперь — в иной тональности и ритме. Братоубийцу — в ножны. Простым ножом Ромига полоснул себя по руке и побежал по кругу, припечатывая окровавленную ладонь к каждому Камню-алтарю.

За его спиной змеились, расплетаясь, ремни: освобождали всё ещё бесчувственные жертвы, и Камни уходили в пол, будто никогда не являли себя в Пещере Совета. Горька им оказалась чёрная кровь, но сытна, очень сытна! Ромига ощущал их довольство и готовность явиться к Повелителю на первый же зов, немедленно.

Долго ли обежать тридцать шесть Камней на боевой навской скорости? Совсем не долго. Но тридцать седьмой Камень, веками хранивший — не сохранивший — жизнь Онги, не стал дожидаться его убийцу. Нав взлетел на возвышение в середине залы — увидел там лишь скорчившуюся Вильяру, да кровавую лужу, растекающуюся из-под её тела.

Первая мысль: почему Камень ушёл, не взяв эту кровь? Вторая... Ромига услышал, как дышит колдунья — хрипло, с тихим мучительным подскуливанием... Жива, в сознании, и ей дико больно! Нав опустился на колени рядом, быстро сканируя повреждения. Не удержал возгласа:

— Щурова сыть! Кто?

Ответа не услышал, лишь скрип зубов. Быстро накинул несколько целительских арканов. Провёл рукой по мохнатой куртке, нащупал и сорвал запирающий магию артефакт, не разбираясь, действует ли он, или сдох вместе с Онгой. Скомандовал:

— Вильяра, пой летучую! Быстро!

Но сил на песнь у колдуньи не нашлось: видимо, слишком много крови из неё уже вытекло. Обмякла, завалилась на бок. Из длинной раны, которую она до сих пор зажимала руками, поползли наружу внутренности. И некогда выяснять, кто её так — или сама себя? Сознание потеряла, однако пока жива. И повреждения выглядят тяжёлыми, но не смертельными. Можно попытаться помочь.

— Латира, сюда!

Но старый голки опасливо и смущённо мнётся поодаль, а у возвышения плечом к плечу встали Тени с лицами Ромиги. Они голодны, ужасно голодны! Они жаждут отведать крови мудрой, насытиться её сладкой плотью, её жизненной и колдовской силой. Разве ведьма не унижала их Повелителя? Разве не заслужила мести? Пусть, пусть Повелитель возьмёт у неё самое вкусное: печень и сердце, а остальное отдаст им! Скорее, скорее, пока жертва дышит!

Желание Теней — почти как своё... Почти!

— Тени, слушайте моё слово, слово Повелителя. Эта женщина — не еда! Она нужна мне живой.

В отличие от Камней, Тени покорны. Они не ропщут, что у них отняли добычу. Они мигом забывают свой голод и тут же подсказывают, как Повелитель может быстро-быстро вылечить раненую голки. Залатать её рану их переменчивой плотью, как Онга лечил сам

себя и Ромигу... Только Латира горестно кривит губы, делая отрицательный жест. Природу нава такое лечение не слишком-то исказило. А для мудрой — лучше умереть или стать Тенью целиком и полностью, чем принять его. Трудно уложить в голове тонкости, но кажется, именно так.

Что ж, остаётся ещё вариант...

— Тени, я буду лечить эту женщину сам, средствами живых. А ваша задача пока — аккуратно одеть тех мудрых, кто были на алтарях. Потом уложите их поудобнее. Их и всех остальных. И приглядывайте за ними! Как только начнут просыпаться, дайте мне знать. Мягко удерживайте на месте до следующего моего распоряжения.

Ромига перевернул Вильяру на спину, освободил от одежды, очистил будущее операционное поле и пространство вокруг тела, достал и подготовил к работе набор инструментов.

Плохо! Нож вонзился глубоко и прошёл наискось, снизу вверх: рассёк кишечник, задел поджелудочную и печень. Плохо, но не безнадежно. От целителя-недоучки всего-то и требуется, чтобы живучая, почти как он сам, пациентка выжила, пришла в себя хоть ненадолго и спела летучую песнь. Анатомия голки не слишком отличается от других разумных с красной кровью, их Ромига латал чаще, чем навов...

Безмолвная речь Стурши: «Повелитель, я тут нашёл Альдиру. Он, в общей куче, но кажется, ему проломил башку.»

Вот же асурский свет! Помочь одновременно двум своим голки Ромига не в состоянии. И Вильяру сейчас ни за что не бросит.

— Мудрый Латира, Стурши докладывает мне, что твой друг Альдира крепко получил по голове. Осмотри его, пожалуйста, и постарайся привести в чувство. Если не получится, лечи его тоже средствами живых, — Ромига уловил чьи-то хищные поползновения в сторону ещё одного подранка, свирепо рыкнул. — Тени, никто из мудрых — не еда! Никто из двуногих не еда! Запрещаю вам питаться разумными! Ваша пища — дичь!

Ответом ему — разочарованный вздох, но Тени Голкья — не масаны, их природа позволяет неограниченно долго существовать на такой диете... А кому за особые заслуги причитается вкусное, можно прикинуть потом.

Вильяра искренне приготовилась убить себя и стать вратами между миров. Ради избавления Голкья от Иули Онги, ради толики надежды, что чужак уйдёт, не поубивав здесь всех и не порушив всё. Чары чужака связали её, только голос остался свободен для единственной песни, да руки с ножом — для единственного движения, которое жертва должна была совершить сама.

Когда трое Иули вдруг сцепились насмерть, когда голова одного из них покатила по полу, чары разом ослабли. Колдунья вздохнула с облегчением... Зря! Чужая воля мгновенно накрыла её, оглушила: даже сопротивляясь изо всех сил, мудрая не удержала собственную руку с ножом, смогла лишь отшагнуть назад и осесть на пол, мимо жаждущего крови Камня.

Спеть бы летучую, да колдовская сила по-прежнему связана. И в призрачное обличье колдунья не перешла, как ни старалась: значит, никак не помочь раненому телу, не спрятаться от боли. Боль грызла её, будто зверь — дичь, выжирала заживо потроха, мutila рассудок.

Вильяра уже не понимала, мерещится ли ей многоголосый хор: «Не упрямясь! Отпусти свою кровь, не пережимай рассечённые жилы, отпусти, отдай её нам!» Кто говорит с ней:

бродячие алтари, Тени? Какая разница! Она не согласна идти ни к Теням, ни к щурам...

Нимрин, живой, рядом! Сквозь боль и дурноту Вильяра успела ему обрадоваться. Его колдовство принесло мгновенное облегчение. А потом, кажется, он что-то требовал от неё, очень настойчиво, но боль отступила — последние силы разом иссякли. Вильяра сорвалась, да и полетела кувырком в чёрный колодец без дна...

Кроме физических повреждений, ещё и магические! Будь Ромига опытнее в целительстве, он заметил бы искажение ауры и не усугубил его своей поспешной ворожбой. Однако подумал: чары Онги должны осыпаться в миг его смерти, Камень ушёл... Вильяра теперь тоже уходит.

Проще всего — отказаться от своего решения, призвать обратно любой прикормленный алтарь, провести обряд и вернуть себе ведьму — Тенью. Ромига то и дело возвращается к этой мысли, но упёрся вылечить живую — лечит. Уже почти не надеясь на успех, запускает останавливающееся сердце, режет, шьёт, колдует...

Альдира тихо подошёл и присел рядом. Осторожно вплёл свою песнь в арканы, творимые Ромигой. Мудрый лучше нава знает, как поддержать жизнь соплеменницы, и дело, наконец, пошло на лад...

Вот и закончили. Впервые глянули друг другу в глаза, а не на пациентку.

— Ох, Иули, не поблагодарит тебя наша красавица за такие швы!

Да уж, швы на коже — редкие и грубые. Но шовного материала едва хватило, а материализовать новый Ромига не захотел. Слишком неуверен Повелитель Теней в своей дальнейшей участи, вот и ни к чему делать Вильяру заложницей игры стихий.

Скроил циничную гримасу, фыркнул:

— Да ладно! Внутри-то всё ещё хуже. Глянь, сколько я от неё отрезал. Считаю, выпотрошил. Но едва пропоёт мудрая вашу заветную песенку — станет вся, как новая... Кстати, Альдира, как твоя голова? Не болит?

— Уже нет. Мне повезло, что я быстро очнулся, и мне достало колдовской силы. А что будет с Вильярой... Скажи, почему твой сородич напоследок ударил по ней, а не по тебе?

Неприятный вопрос, и задан дерзко, но Ромига не стал цепляться к тому, без кого вряд ли вытянул бы операцию. Ответил просто, самой очевидной из версий.

— Потому что Онга — безумец. Был... Альдира, ты ведь позаботишься о Вильяре дальше? Хорошо позаботишься?

— Позабочусь, Иули. Как о себе самом.

Сказал это Альдира с большим чувством и остался сидеть рядом с раненой, держа её руку в своих. Он пристально наблюдал, как Ромига чистится сам, чистит и прячет инструменты, а затем уничтожает всё лишнее вокруг. Дотла, чтоб ни капли, ни клочка плоти не осталось вне тела колдуньи. Ни на её искромсанной одежде, ни на полу...

Когда нав закончил, мудрый спросил:

— Повелитель, неужели, ты не доверяешь своим Теням? Или не желаешь искушать их кровью?

Ромига скривил губы:

— Я просто привык замечать за собою следы.

Альдира одобрительно кивнул и промолчал. Нав материализовал лёгкое, тёплое одеяло, укутал им Вильяру. Согреть сейчас раненую нужно, а если потом одеяло исчезнет, то и не опасно: чай, не швы. Вот теперь с Вильярой — всё. Вместе влипли, навредил, чем сумел.

ПОМОГ, ЧЕМ СМОГ.

Ромига встал и огляделся — увидел то же, что исподволь, стараясь не отвлекаться, наблюдал глазами своих двойников: как мудрые постепенно оклёмываются от зелья глухого сна. Нельмара, вон, уже сидит, разговаривает с Латирой. Ромига знает, о чём их беседа. Десятками ушей он слышит всё, что творится в Пещере Совета, и ничего не пропустит, как пропустил предсмертный удар Онги по Вильяре. Нет, теперь-то Повелитель Теней перестал чувствовать себя спотыкающейся сороконожкой! В любой миг он способен перенести фокус внимания и фокус действия в любого из своих слуг. Потрясающее ощущение, просто дух захватывает, и голова кругом!

А всё-таки к беседующим мудрым Ромига шагает сам. Нав из Тайного Города запретил себе привыкать к многозрению и полифонии, к потенциальному вездеприсутствию и всезнанию Повелителя Теней Голкья. Потому что даже если наву Ромиге несказанно повезёт, и он не свернёт себе шею, как Онга и прочие предшественники, если победит Солнечного Владыку и станет местным тёмным божеством — домой в таком виде он уже не вернётся.

«Маленький глупый нав, что ты забыл в своей родной дыре, когда под ноги тебе катится целый мир? Зачем тебе возвращаться домой?»

«Кто это спрашивает?»

Безмолвный смех — колокольцами под черепом. Ромига трясёт головой, но смех всё звучит: эхом, отголосками, дальними переливами.

«Кто ты, весельчак?»

Нет ответа.

«Смотри мне! Поймаю — заплачешь!»

«Истинного Повелителя Теней слово — ныне слышу я!» — и снова звонкая щекотка смеха, плавно переходящая в тишину.

Так, интересно, и когда это мудрый Нельмара отрастил себе настолько неприятную ауру? Издали ещё ничего, а вблизи так и тянет прихлопнуть его: погасить... Стоп, а ведь аура-то не изменилась, изменился Ромигин взгляд на неё! Нав сощурил глаза, как на яркое солнце, и опустил на шкуры напротив мудрого. Перевёл дыхание, заговорил.

— Мудрый Нельмара, в начале совета, вероломно прерванного моим предшественником, ты сообщил, что Солнечный Владыка Наритьяра готов спеть песнь Равновесия. Ныне Повелитель Теней — я, и я тоже готов спеть эту песнь. Истинно моё слово, да не вернуться мне домой, если лгу! Я хочу начать, не откладывая. Ты — хранитель знаний. Расскажи мне, чужаку, всё, что я должен знать, приступая к обряду. А ты, о мудрый Латира, будь мне свидетелем и помощником.

Нельмару от близкого соседства Ромиги тоже перекорёжило: он побледнел, заёрзал на шкурах, но отодвигаться не стал и не отвёл пронзительно светлого взгляда. Выдержав паузу, заговорил.

— Да будет по слову твоему, о Повелитель Теней. Слушай. Запоминай. Ты — чужак, но вместе с нами ты останавливал «качели смерти». Ты пел с нами тогда, значит, ты знаешь, как просты Великие Песни. Им не учат и не учатся, они никогда не повторяются. Мы просто звучим ими, когда слушаем стихии и отвечаем: голосом и силой. Величайшую из песен, песнь Равновесия, начинают вне круга. Наритьяра будет петь на Ярмарочной горе, ты — у

Синего фиорда. Я отведу тебя на место, а твой помощник Латира проводит на место Солнечного Владыку. И ты запоёшь, иначе не сможешь даже коснуться Камня. Ты продолжишь петь, чтобы светлейший круг впустил тёмного. И ты не умолкнешь, покуда стихии не вернутся к равновесию.

Говоря это, Нельмара склонял голову всё ниже, а под конец речи густые брови напрочь занавесили чересчур сияющие для голки глаза. Ромига некоторое время ждал продолжения, глядя на судорожно стиснутые кулаки мудрого, потом резко переспросил.

— Это всё?

— Да. Это всё, что ты просил меня рассказать, Иули.

— Нет, это не всё, — вступил в разговор Латира. — Повелитель Теней и Солнечный Владыка обычно зовут с собою слуг, чтобы те сторожили подступы к Камням. За Наритьярой таскается целая толпа меченных солнцем, значит и ты, Иули, можешь выставить Теней на стражу. На Великих, взыскующих равновесия, ещё ни разу не покушались, да и удача ваша велика. Но мало ли, какой безумец захочет занять место одного из вас?

— Я таких безумцев больше не знаю, — нервно отмахнулся Нельмара. — Но давайте договариваться. О числе и расстановке стражи, о времени начала песни. Владыка Наритьяра поручил мне говорить от своего имени.

И начался торг, живо напомнивший Ромиге родной дом — Тайный Город — и милых соседей, разнообразных генстатусов.

Торговались, в основном, Латира с Нельмарой: посредники — хорошая идея. А сам Повелитель Теней, с переменным успехом, пытался привести в осмысленный порядок наследство Онги.

Вот, например, Тени-двойники: прекраснейший инструмент! В частности, чтобы разведать обстановку во всех закоулках Пещеры Совета и вокруг. Ромига раньше предполагал, а теперь убедился, что недра Голкья заменяют Теням порталы на любое расстояние. Лишь в дома охотников Тени проникать пока не могут: чары защищают жильё от тёмных гостей. Но если Тени ещё немного окрепнут... А они умножают свою силу при любой возможности! Берегись, всё живое, кроме разумных, которые пока под запретом. Но Повелитель же скоро отменит это противоестественное ограничение? Обязательно отменит? Почувствуй, Повелитель, как сладко: ловить и пожирать, упиваясь и насыщаясь сперва ужасом, потом болью разрываемой заживо добычи. Пусть, охота — между делом, на бегу, азарт её затягивает. Вкус живой плоти и крови Ромига ощущает, будто у себя во рту. И эйфорию, и чувство сытости... А на разумных-то охотиться было бы веселее, чем на малую дичь! Сам же когда-то пробовал, знает! Разумные лучше осознают происходящее, и позабавиться с ними можно разными способами. И наделать из них новых Теней...

«Стоп! Отставить охоту и жратву! Сначала — дело!»

Тени повиновались, но чувство такое, будто суровый отец отнял игрушки у детей: своих и горячо любимых. Чувство, прежде неведомое одинокому наву... А ему не только это свалилось на голову: какофония противоречивых чувств и ощущений, мельтешащий калейдоскоп образов. Будто Ромига не просто убил Онгу, а напоследок забрал его память «иглой инквизитора»... И не только Онги: всех охотников, когда-либо зарезанных на алтарях, съеденных Тенями... В смутных отголосках — вообще, наверное, всех... Нав узнал так много, что рассудок тонет в избыточной информации. Давным-давно молодой, глупый Ромига мечтал знать всё обо всех, проживать чужие жизни и приобретать опыт. Мечта сбылась, но как же быстро настало пресыщение!

Вообще, нав Ромига, по природе своей, довольно хищное существо. Однако, обработать «иглой», изнасиловать, убить и съесть целый мир — для него как-то слишком. Он такого не хочет, и ему это ни зачем не нужно. Тем более, слишком очевиден тупик в конце пути. Ненасытный суперхищник выжрет кормовую базу — всё живое на планете — и подохнет с голоду. Даже безумец Онга признавал это. Потому очень спешил скатать в клубочек мир Голкья, со всеми его Зачарованными Камнями, сунуть в карман и отправиться пожирать другие миры. Портал, который должны были открыть Ромига с Вильярой — начало. А все мудрые предназначались в жертву — для некой трудно вообразимой трансмутации, в результате которой Онга надеялся сразу заполучить портативный Источник, универсальный портал Большой Дороги и непобедимую армию двойников. Вышла бы, с большой вероятностью, обыкновенная чёрная дыра, но древний нав готов был рискнуть...

Да, Ромига проникся пониманием, почему некоторые его предшественники сворачивали с пути абсолютного могущества на зыбкий путь равновесия. Как ни велик риск, как ни страшны издержки, а для Повелителя Теней это единственный путь в жизнь. Нет, Ромига сделал выбор раньше, на основании чужих слов и общих рассуждений, а теперь лишь окончательно утверждает в своём решении... Но как же трудно вынести разочарование Теней! Смертная тоска, горчайшая обида, одна на всех, разрывает сердце Повелителя. А как его сразу кинулись уговаривать! То жалобно, то льстиво, то угрожающе... Что особенно давит, голоса ужасно похожи на голос его собственных мыслей.

«Молчать! Отставить похоронные настроения!»

Тени впервые не повиновались своему Повелителю.

А впрочем, нет, не впервые. Ромига, вроде бы, ясно ощущал, где кто из Теней находится, смотрел их глазами, действовал их руками... Вдруг в одной из дальних кладовок обнаружил Стурши, самозабвенно милующегося с рыжей девчонкой Митаей. Как же отыскал хитрец среди десятков одинаковых Теней — нужную ему? Да не просто отыскал: незаметно для Ромиги отбил от стаи, уговорил или заставил принять первоначальный облик... Повелитель и дальше бы не заметил «безобразия», но эхо эмоций парочки очень уж выбилось из общего настроения Теней: в приятную сторону. Нав не стал разгонять пылких любовников, пусть хоть кому-то здесь будет хорошо. И путь один из этих кого-то, непредсказуемый, как броуновская частица, не пугается под ногами...

А то вон уже, мудрые приходят в себя, злые и напуганные. Самую драматическую часть событий они благополучно проспали. Но кое-кто сильно психует, обнаружив себя без магической энергии, под присмотром кучи одинаковых Иули. Приходится снова и снова успокаивать, объяснять.

— Да! У Теней уже новый Повелитель, и он — то есть, я, Иули Ромига — твёрдо намерен спеть песнь Равновесия. Нет, я не лгу! Не видать мне вовеки родного дома, если лгу! Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, для вашей же безопасности. Всех отпущу, но прежде поклянитесь, что не помешаете нам с Наритьярой петь.

Одни клянутся сразу, другие упираются. А Пещера Совета по-прежнему наглухо закрыта на вход и на выход, даром, что десяток солнечных, не явившихся на общий сбор, старательно ломятся снаружи.

Онга основательно перестраховался! Собрал вместе большинство мудрых. Атаковал «навским арканом». Сверху присыпал «зельем глухого сна», местным аналогом «пыльцы морфея», который не только усыпляет, а связывает на время все магические способности. Да ещё зарядил давным-давно уснувшие артефакты, доработал и вывел на максимальную

мощность древнюю защиту форпоста. Теперь сквозь неё не пройти никому, кроме Теней... Уф, кажется, удалось эту защиту деактивировать! Что один нав построил, другой, при большом желании, завсегда разломает.

Мудрые покидают пещеру: кто пешком, кто изнанкой сна. Да, кое-кто из них — достаточно одарённый сновидец, чтобы проделать это совсем без энергии. Магия сна — странная дисциплина, в чём-то сродни геомантии, и голки так причудливо переплетают её с магией стихий, что даже у потенциально всезнающего Повелителя Теней ум за разум...

Альдира просит позволения унести Вильяру в свои угодья, в дом Травников, где живёт дальняя знахаркина родня, и за раненой будут хорошо ухаживать. Подальше от стихийных возмущений, которые неизбежно породит Величайшая песнь.

«Иди, Альдира. Береги её там. И постарайся поскорее вернуть угодьям Вилья хранительницу.»

«Да, это очень важно, я постараюсь. Удачи тебе, Иули Ромига.»

А Латира и Нельмара, несмотря на отвлекающие факторы, уже почти всё обговорили. Чем дальше, тем сильнее Ромигу кроет ощущение, что он распоряжается организацией своей казни. Не может уже отделить похоронные настроения Теней от собственного. Тени горько сетуют, угрюмо ворчат, жалобно ноют. Глумливый голосок-хохотунчик весело и остроумно уговаривает отбросить дурацкую затею с равновесием, быстренько передавить поганых солнечных, начиная с Нельмары, и повелевать Голкья в своё удовольствие. Всё труднее сосредоточиться, сохранить рассудок ясным, а волю — единой... То есть, именно своей собственной. Тени-то вполне едины в устремлениях, и Повелителю с каждым вздохом тяжелее тянуть их в нужную ему сторону.

Ромига внёс окончательные коррективы в расстановку стражи и спросил:

— Мудрый Нельмара, мудрый Латира, скажите, а что станет с воплощёнными Тенями, когда мы с Наритьярой допоём песнь?

Мудрые переглянулись, ответил Латира:

— Я тоже хотел бы это знать, но я не знаю. Старые Тени, которых Иули Онга насильно вытащил в дневной мир, развоплотятся сразу. А вот останусь ли я, останутся ли Стурши с Митаей? Никто не скажет наверняка. После прежних песен немногие Тени, призванные в полноте, задерживались, доживали свою охотничью жизнь. Кто дичал, тех, конечно, изгоняли: «слезами голкья» или ворожкой. Мой учитель упокоевал таких сам и учил меня. Старейший Тмисанара, больше кого бы то ни было, знал о Тенях и о стихии, их порождающей. Он полагал, что истинное равновесие мгновенно лишит телесности любых воплощённых, а духи, пленённые мраком, вернёт на путь всех умерших охотников.

— Истинное равновесие? — переспросил нав. — Что это?

— То, чего никогда не было. Прежние песни не были совершенны из-за Онги на алтаре. Что удастся вам с Наритьярой теперь, когда остались только ты и он, никому не ведомо.

— То есть, мудрый Латира, может так выйти, что я убью тебя этой песнью? Правильно я понял?

Старый голки мотнул головой и резким взмахом руки отмёл сказанное Ромигой:

— Нет, Повелитель, это Онга убил меня. А ты подарил мне ещё немного жизни, почти настоящей.

— Почти?

— Как ты думаешь, Иули, почему я не бросился на помощь малой? — в голосе Латиры прозвучала неприкрытая горечь, и Ромига вспомнил, как мялся старик за спинами остальных

Теней, желающих одного: жрать!

— Ты тоже хотел её крови?

Латира кивнул, подтверждая то, о чём не стал говорить вслух, потом добавил:

— Той воли, что ты даровал мне, достаточно, чтобы я удержался от живоедства и прочих незаконных дел. Но бдеть за собой мне предстоит день и ночь. Мудрый Шускара, мой давний собрат по несчастью, выдержал полтора года такого существования. Говорят, Зачарованные Камни приняли его. Надеюсь, и меня не отвергнут.

Повелитель Теней как бы осведомлён: Шускара — легендарный победитель Нарханы. Мудрый, которого столь же легендарная ведьма обратила в Тень, но так и не подчинила. Ромига с удовольствием послушал бы живой рассказ о них из уст Латиры, но время, время...

— Мудрый Латира, надеюсь, в Тенях ты не разучился готовить свою замечательную похлёбку? Угостишь? — Ромига хотел добавить, мол, на прощание, но сдержался. А шутки про последнее желание смертника голки и вовсе не поймут.

Латира с сожалением развёл руками:

— Прости Повелитель, но не должно тебе до песни принимать никакую рукотворную пищу. Вернёшься, тогда и накормлю.

— Или другие накормят, — вставил Нельмара. — Если догадки старейшего Тмисанары верны.

Латира метнул косой взгляд на хранителя знаний, но промолчал. А Нельмара обратился к наву.

— Иули Ромига, Солнечный Владыка Наритьяра торопит нас. Он желает начать песнь скорее.

— Ну, раз ужина не предвидится, я тоже — за. Моя стража — на месте. Время — самое подходящее. И можешь не провожать меня, Нельмара. К жёлтому Камню над Синим фиордом я дойду сам.

— Как пожелаешь, Иули. Ты, конечно, в праве отказаться от провожатого, но ты же...

Да, Ромига и прежде не умел, и в Повелителях Теней не выучился ходить изнанкой сна. Он просто закрутил перед собой тёмный вихрь портала и шагнул на знакомую тропу, чуть выше того места, где убил Наритьяру Среднего.

Над миром пылал ярчайший, ветреный и морозный закат. Долины уже погрузились в синеву, а на холмах снег переливался всеми оттенками пламени. Но не время, не место любоваться пейзажем, когда ярче снега, ярче заходящего солнца сияет впереди огромный менгир!

Камень приветил Ромигу знакомой болью во всём теле. И пуще того, дал понять, что Повелитель Теней дерзнул выскочить из портала слишком близко к Солнечному средоточию. Порыв ветра вышиб дыхание, струя пламени и ледяных игл ударила в лицо... Нет, пока не в полную силу, не на поражение: незваного гостя лишь предупредили. Ромига встряхнулся, сбросил машинально выставленные щиты и встал прямо. Сама близость Камня довольно мучительна, но пока нав стоит на тропе, пока не начал петь, здешние стихии всерьёз его не тронут.

«Наритьяра, ты слышишь меня? Ты на месте? Ты готов начинать?»

«Да, я готов!» — безмолвная речь Солнечного Владыки отдалась болью в висках, столько в ней старательно сдерживаемой неприязни к Повелителю Теней... А ещё, наверное, рыжему колдуну так же погану у тёмного Камня, как Ромиге — здесь.

«Удачи тебе, братец по служению.»

Долгая пауза, но когда нав решил уже, что ему не ответят, услышал: «И тебе удачи, чужак... Побратаемся, если будем живы.»

Ромига глубоко вздохнул и запел, приветствуя Камень. И сделал первый, малюсенький шаг вперёд. Всё, отныне пути назад нет, как нет его у стрелы, летящей в цель.

...А Нельмара прав: песнь Равновесия — это проще простого. Тяжело, больно, но предельно просто. Упрямый нав проломится сквозь бешенство стихий. Он не промажет собою в цель, лишь бы не сгореть на подлёте...

Опасение — не праздное! Пологая, натопанная охотниками тропа превратилась в полосу препятствий, в череду смертельных ловушек. Путь до Камня Ромиге дался тяжелее, чем в прошлый раз — до центра круга. Боевая трансформа? Ну, да. Заметил, что руки почернели, лишь прикладывая их к Камню. И не отдёрнул, не отшатнулся, когда навстречу полыхнуло не просто солнечным пламенем — самим Светом вековечным. Нав зажмурился, чтобы сберечь глаза, но враждебная стихия била сквозь веки, резала, жгла... Да какая тут, к Первым песнь! Вопль боли и ярости, длящийся и длящийся, хотя дыханию в груди давно пора иссякнуть, а самой жизни — осыпаться пеплом к подножью щурова менгира.

Но кто встал у Камня, как вкопанный? Кто воеет и рычит, успешно подавляя Тьмою Свет, рвущийся навстречу? Приблудный нав Ромига? Нет, Повелитель Теней, во всей мощи своей! Проклятое наследство Онги — вековыми мучениями порождённое, тоской одиночества вскормленное, безумием увенчанное — Ромига принял... И теперь избывает, медленно, но верно, в чудовищном противоборстве сил. Да, без сомнения: сила Повелителя Теней иссякает, но неистовое сияние тоже меркнет.

Всё-таки не повезло: наследство Онги закончилось раньше. И стал Ромига перед враждебной стихией, каким его Тьма родила. И досталось ему крепко, но не до смерти, прежде чем осознал: не за тем он сюда явился, чтобы бодать Камень, будто баран — ворота. Круг никогда не впустит тупое, упрямое животное. Разумного, ведающего свои пределы — может быть.

Скрепя сердце, нав перестал атаковать. Дрожа от омерзения, позволил чуждой стихии касаться себя, кое-как загнал обратно, под кожу, черноту боевой трансформы. Он же не масан: солнце ему не враг, и солнце Голкья — в том числе. Солнце. Это просто солнце. «Камень, откройся!»

Поверхность под ладонями, наконец, дрогнула, подаваясь навстречу Ромиге — и в стороны. Будто Камень, в самом деле, был обычными воротами, которые открывались наружу. «Хорошая шутка, ценю!»

И стало совсем легко. Шаг в ворота не обжог, не ранил. Идти и звучать, чего проще! Дойдя до середины, приветствовать все Зачарованные Камни: уже не слепящие сиянием, просто светло-жёлтые на белом снегу. Лечь в снег и принять силу, как Ромига делал не единожды. А в синем небе, почти в зените — косматое белое светило, полдень высокого солнцестояния. Ну, да: внешний мир Камням — не указ, они хранят своё время... Ну и пусть их... Усталый путник лёг на спину и прикрыл слезящиеся, обожжённые глаза, греясь под чужим солнышком. Чтобы дойти сюда, он истратил все свои резервы. Он пуст, как из-под «навского аркана», и пустота не позволяет ему приятно расслабиться...

Да потому что окаянные жёлтые Камни не дают магическую энергию, а тянут её из него! А поскольку энергия кончилась, уже саму жизнь, саму суть его пытаются выпить: чтобы потемнеть ещё чуточку, чтобы прийти к истинному равновесию!

«Эй, хватит! Мы так не договаривались!»

Нав не рассчитывал на ответ: безмолвная речь без вложения магической энергии — всего лишь чётко сформулированная мысль в собственной голове, никто её не услышит. Он обратился к Зачарованным Камням чисто риторически, понятия не имея, способны ли они вообще разговаривать, или такое умел лишь алтарь Онги?

Ромига не ждал ответа, однако кто-то ему ответил: внятно, осмыслено и с явной угрозой!

«Мы вообще не договаривались, маленький нав. С такими, как ты, не договариваются. Хотя ты — удивил.»

Ромига попытался вскочить на ноги, но не ощутил тела. Внутри — пустота, вокруг — тоже... Нет, уже не совсем пустота: крайне неуютное присутствие, тяжёлый взгляд... Некий собеседник, как бы тоже бестелесный, но способный слышать Ромигину мысленную речь и отвечать.

«Кто ты?»

«Голос в твоей голове.»

Трудно возразить: голос. Незнакомый, удивительно веский и властный голос. Ромига предпочёл бы ему ехидного хохотунчика... Психа Онгу бы предпочёл! Но вряд ли Онга восстал из Тьмы, чтобы побеседовать со своим убийцей. Хотя некто тоже обозвал Ромигу маленьким навом, по-навски. Но слова произнёс иначе: так брезгливо, будто сплюнул. А в остальном, изволит общаться с навом на языке охотников. Удивительно красивый выговор, без местных особенностей, которые Ромига сумел бы опознать. Голос не мужской и не женский, не молодой, не старый. Конечно в мысленной речи нет голоса, как такового, одни интонации, но по ним многое угадывается... Не в этот раз. Ощущение присутствия — слишком чужое для любого сородича и даже для голки. Асур знает, на что похоже! Разве, немного, на Наритьяру Среднего? Но этот тоже вряд ли восстал... Откуда бы то ни было.

«Ты — Тень?»

«Нет, нав, не угадал, с Тенями ты покончил... На время, конечно!» — холодный голос,

прямо, ледяной.

«Тогда кто же ты? Один из мудрых? Зачарованный Камень?»

«А вот теперь я мог бы ответить, что ты угадал. Я бываю всем этим.»

«А кто ты есть на самом деле?»

«Первоначало. Учитель. Пращур. Луч Света, отделяющий Тени от Тьмы и дающий им силу в дневном мире. Всё это, и многое другое, не вмести́мое твоему убогому разуму.»

Ромига опешил от такой самопрезентации. Сказано-то на полном серьёзе, и безумием не сквозит, как из речей Онги! Нав напомнил себе, что мудрые Голкья живут долго, очень долго. Какой-нибудь старейший, из тех, что шляют между мирами, а домой заходят изредка, может считать себя патриархом всея Голкья. Вероятно, застал здешний форпост Империи Навь, знает и не любит навов. Можно допустить даже, имеет какие-то основания считать себя выше. Удивительно, что Ромигу это почти не злит. Кажется, нав исчерпал свою ярость, свою способность испытывать гнев ещё за пределами круга. Но прохладно рассуждая, чего бы не вернуть собеседнику небольшую шпильку?

«С убогими — не разговаривают.»

Спокойный ответ: «Ну, почему же? Разговаривают, если больше не с кем.»

Вот же тварь высокомерная!

«С каких это пор мудрому на Голкья не с кем поговорить на равных?»

Ромига задал вопрос — и вдруг заново сложил воедино все слова собеседника. Ум вскипел от невероятной догадки, которая должна была привести нава в бешенство, а повергла лишь в безграничное удивление...

«А ну, покажись, недовымерший!»

«Невозможно, и незачем,» — сказал тот, как отрезал.

«Ты, тварь... Бельмо на глазу Спящего... Ты ж не со скуки зашёл сюда поболтать! Чего тебе надо от меня, асур?»

«Чтобы ты знал о моём существовании, нав,» — с прежним ледяным спокойствием.

Вот же выкидыш Спящего! Ничего не отрицает, ничего не боится! Ну, прямо сказать: Ромига после песни — не противник. Тогда почему проклятый Светлый не заявился во всей красе, лицом к лицу? Брезгует спонтанными проявлениями генетической ненависти? А вот нету её сейчас у Ромиги: какие-то жалкие ошмётки. Удивительно и жутковато, если вдуматься. Но отчасти, удобно: беситься-то бессмысленно, в драку бросаться нечем. Наву — нечем, а у Светлого всё на месте? Да кто ж его разберёт! Телесный он, на самом деле, или бесплотный — всё едино, враг. Матёрый, наглый, смертельно опасный. Почему не убивает, разговоры разговаривает? Ладно, поболтаем ещё.

«Теперь я знаю, и?»

«...И чтобы тебя не убили сразу, как только ты покинешь круг.»

Препоганая у асура привычка: продолжать говорить, будто не слышал ответной реплики. А по существу сказанного — крайне неожиданный поворот. Надо же, какой заботливый вражина!

«Тебе-то что, асур? Я же знаю вашу старую поговорку: навом меньше, мир светлее. Что с тех пор изменилось?»

Собеседник снова проигнорировал Ромигины слова и продолжил гнуть своё: «Скажи мне, нав, существует ли место на Голкья, которое ты считаешь безопасным? Тайное логово? Или дом, где тебя укроют хотя бы на несколько суток, пока твоя покровительница Вильяра бессильна?»

Бессильна, значит. Но жива — уже хорошо. Если информация верна... Ромига очень надеялся, что Альдира приведёт колдунью в чувство, и она встанет на ноги раньше, чем он выйдет из круга. Он так отчаянно спешил сбуть с рук неподъёмное наследство Онги, что не проработал пути отхода после песни Равновесия. Заботился, чтобы они с Наритьярой добрались до кругов живыми, а что потом... У Наритьяры-то полно сторонников среди мудрых, и никуда они не исчезнут, даже избавившись от перекосов в ауре. А покорные Ромиге Тени — развеялись. А друзей среди голки у чужака... Да, хотя бы, просто доброжелателей... Ну, вообще-то, целый дом во главе с Лембой! И в доме у Синего фиорда куда легко дойти пешком от этого Камня, верховодят сёстры Вильяры, Даруна и Нгуна. А есть ещё тайное логово Латиры: Ромига примерно представляет, как туда добраться. Но не выкладывать же сразу все карты перед вековечным врагом? Тем более, не уточнив, кто вышел на охоту за Ромигиной головой.

«А если у меня нет убежища, то что? Ты пригласишь меня в гости?»

«Приглашу. Но поверь, нав, тебе там не поздоровится. Так что решай скорее, кто из охотников приютит тебя?»

«Это зависит от того, кто из них желает моей смерти. Кто?»

«Большинство мудрых желают изгнать тебя поскорее, и ты не должен их за это осуждать. Они уверены, что избавившись от Иули, упрочат достигнутое равновесие стихий. И они правы, по сути. В их выкладки закралась единственная ошибка: они ничего не знают обо мне.»

Ромига тоже не знал, даже когда ощущал себя всеведущим. И конечно, нав ни капли не доверяет собеседнику, проверить его слова не может, однако сказанное — логично, и укладывается в известные факты. Похоже, все старшие дети Спящего своим присутствием нарушают магическое равновесие мира Голкья. Поляризуют, если можно так выразиться, систему Зачарованных Камней, а через Камни — колдунов голки, которые ходят в круги за силой. Голки периодически выдвигают из своих рядов Повелителей Теней и Солнечных Владык, те дерутся или поют песни Равновесия, сбрасывая напряжение. А потом снова всё повторяется, по кругу. Возможно ли, что асуру необходим противовес из нава (навов?), чтобы система колебалась вокруг точки равновесия, но не пошла в разнос? Онга убит, Иули Латиры сгинул, остался один Ромига. Который, вообще-то, не намерен задерживаться на Голкья сверх необходимого.

«Потрясающе! Веришь, или нет, я тоже предпочёл бы остаться в неведении о тебе, асур. Вымершим тварям следует лежать в земле и не отсвечивать.»

«Ты настолько не любопытен, нав?»

«Я любознателен и любопытен, но бывает бесполезное знание, а бывает вредное. От вас, Светлых, один вред, как ни поверни. И попробуй мне прямо сейчас доказать обратное! Ну-ка? Кто из мудрых объявил на меня охоту? Где они меня караулят?»

Асур перечислил две дюжины имён, и Ромиге чуток полегчало: в списке не оказалось Альдиры, Нельмары, ближайших Вильяриных соседей и Наритьяры с его солнечной свитой.

«Эти мудрые — самые непримиримые твои враги, нав. А четыре пятых Совета намерены попросту вышвырнуть тебя с Голкья, не откладывая. Для тебя это тоже верная смерть, я знаю. Но не мгновенная. А эти двадцать четыре готовы убивать, как только увидят. Стража, которую выставили на холмах перед песней, разошлась или развоплотилась, враги поджидают тебя вокруг Камня. Если не дождутся, будут искать генетическим поиском по всему миру. Они уже умеют это, а научил-то их ты, на свою голову! Да ещё кровь свою

оставил прямо в Пещере Совета. И хвастался, глупый нав, будто привык замечать следы.»

А вот в самом деле, надо же так по-дурацки проколоться! Большая часть крови попала туда, куда Ромига метил: на алтари. Но каплю-другую он всё же обронил на пол, и не заметил, не озаботился уничтожить сразу, а потом накатили другие хлопоты...

«Если всё так, как ты говоришь, асур, то мне бесполезно прятаться. Я только подведу моих друзей охотников. Опасаюсь, они не выдадут меня сразу, попытаются защитит и пострадают.»

«Дом Кузнеца? Там тебе благодарны настолько, что встанут против мудрых? И ты тоже бережёшь этих охотников?»

Если бы диалог не был настолько бесплотным, нава уже тошнило бы от осведомлённости собеседника. Ромига не подтвердил ничего наверняка, да от него, похоже, и не ждали. Вековечный враг просто наслаждался зрелищем нава, загнанного в угол. Или думал, что Ромига сам запросит у него помощи? Конечно, в умении Первых прятаться и прятать никто не сомневается. Но умереть — проще.

«У меня есть для тебя одна очень хорошая новость,» — сказал асур после долгого молчания и снова умолк.

«Внимательно слушаю,» — Ромига не стал тянуть дракона за хвост: он слишком устал пребывать в непонятном «нигде», устал от разговора и, вообще, устал.

«Песнь Равновесия изменила тебя достаточно, чтобы твои враги не взяли твой след.»

«Что ты сказал!?» — впервые за разговор наву стало настолько страшно.

«Сейчас ты — несколько иное существо, чем был в Пещере Совета. Генетический поиск на тебя не укажет.»

Ромига надолго замолк, отчаянными усилиями пытаясь вернуть ощущения тела, оценить правдивость сказанного асуром. Или враг над ним продолжает глумиться?

«У меня есть для тебя вторая новость. Плохая, но тебе понравится.»

«Да неужели?»

«Изменения — не навсегда. Рано или поздно твоя тёмная сущность возобладает и вернёт тело к своеобразному состоянию. Но не в ближайшую луну. Поэтому я провожу тебя к дому, где тебе благодарны. Если вы с охотниками будете соблюдать осторожность, враги не найдут тебя там.»

Ромига не успел ни возразить, ни согласиться, ни спросить, какой же татской матери этот асур ему помогает? Просто ухнул на четвереньки в глубокий сугроб. Вокруг — темно, как никогда в жизни, а сам он гол, бос и без капли магической энергии. Побарахтавшись в обжигающе холодном снегу, встал на ноги. Огляделся по сторонам. Так... Темно, потому что ночь, а ночное зрение отказало. Однако под ясным небом видно всё же достаточно, чтобы понять, где он: у серого Камня возле дома Кузнеца. Асур сказал, асур сделал!

А Ромига, хотя сыт по горло Зачарованными Камнями, первым делом сунулся за энергией. Сунулся — понял, что не просто выжат в ноль, не только не может взять силу от этого Камня, а вообще не чувствует магии... Зато отменно чувствует мороз и ветер! Ситуация из неприятной переросла в смертельно опасную, и он не стал тратить время зря — побежал.

Мчался на максимальной скорости к знакомому входу в дом, надеясь, что там не заперто. Если заперто, метнётся к большим воротам, где стража. Но судя по тому, как быстро коченеют босые ноги, рискует не добежать...

Ему повезло.

Если подкаменнику отрезать голову, ондохнет далеко не сразу. Ползает, обвивается и душит, пытается заглотить добычу уже не существующей пастью. Медленно теряет силы, но не перестанет дёргаться даже тогда, когда начинанёт гнить. Слишком туп, чтобы осознать конец своего бытия, потому с таким упорством противится смерти.

Убив Иули Онгу, Стурши вдруг ощутил себя сродни безголовым подкаменникам, за которыми наблюдал подростком. Ощутил и озадачился! Размышления о своей сущности и состоянии — ужасно непривычное дело. Удалой колдун с роду не занимался подобными глупостями. Но то — при жизни. Пока верил, что удачлив, неуловим и всемогущ, что стихии берегут его, а сны привечают. А потом с ним случилась похлёбка в гостях у старого друга, алтарь, ножик-улу и чёрные звери. Ужас растворения в пещерном мраке, возрождение Тенью и, как неотъемлемая часть его новой природы, удушливый поводок чужой воли. Убивая поганца Скундару, Стурши ещё надеялся скинуть этот поводок. Пытался стать вольной Тенью, ничьей — и тут же покорно склонился перед одним Иули, потом перед вторым.

Иули Ромига, прозванный Нимрином, почти не дёргает за проклятый поводок. И в обращении будто не делает разницы между живыми и Тенью. Но именно исполняя его приказы, Стурши осознал, что никому, никогда не сможет служить так беззаветно и предано, как живым служил Великому Безымянному. Не сможет, даже если захочет сам! Потому что любой приказ Повелителя ломает волю Тени, словно тонкий лёд, и выносить это тошно, а противиться почти невозможно. Со Скундарой Стурши ерепенился, искажал его повеления, выворачивал их наизнанку. Но только потому что воля Скундары была слаба и моталась туда-сюда, как побегайкин хвост. С Иули — не забалуешь! Стурши смог уйти от одного Иули к другому, даже схватился почти на равных с тем, кто грозил Тени полнейшим истреблением и поглощением. Но сам, без второго Иули, Стурши ни за что не победил бы первого. Иули Ромига тоже не справился бы с Онгой без Стурши. Они честно поделили победу напополам. А потом новый Повелитель Теней ненадолго растерялся, дал слабину... Но приказал — и Стурши побежал исполнять, не думая.

А ещё Стурши клялся Иули Ромиге своим сновидческим даром, не зная, что от дара осталась лишь половина. Пусть, самая дорогая ему половина! Ведь Стурши, пока мог, редко забредал на другую сторону звёзд. Зачем ему, если Голкья милее всех миров и во сне, и наяву! Но невозможность того, что прежде было проще простого, вгоняет в тоску. Может, к шурам ополовиненный дар? Тени ходят по Голкья своими путями: в камень — из камня. Может, плюнуть на клятву, и пока Повелитель не ждёт подвоха от Тени, подобраться на расстояние удара, да прирезать его? Не скинуть поводок, так уничтожить последнего, кто способен за поводок дергать? Довершить то, что Стурши не довершил в Снежных Норах? Отдать последний долг Великому Безымянному, которого позабыли уже все, кто ему присягал... Нож из «слёз голкья» Стурши украл у одного из мудрых, пока безликие Тени растаскивали сонных и одевали. Главное, самому не коснуться лезвия, но это легко. Иули Ромига совсем не ждёт удара...

«Стурши, ты хочешь освободиться?» — безмолвный вопрос старого Латиры застал беззаконника врасплох, среди вероломных замыслов.

Стурши опасался этого мудрого, когда он был живой, и в Снежных Норах напал на

Иули, как на более лёгкую добычу. Латира-Тень, возрождённый Повелителем, всё тот же хитрющий прошмыгин сын! Наверняка, он спрашивает не просто. Но лгать ему — глупо. «Да, я хочу освободиться. А ты?»

«И я хочу. Ты не ожидал такого ответа от правой руки Повелителя?»

«Нет, не ожидал. И что ты собираешься делать, о мудрый, чтобы освободиться?»

«Я не собираюсь, я делаю. Помогаю Повелителю на пути к истинному равновесию. Сам я ему помогаю и никому не позволю сорвать песнь: ни живому, ни Тени. Особенно тебе, Стурши, я не позволю покушаться на Повелителя. Знаю же: у тебя хватит поганства, и нож у Зангиры ты стащил не просто так. Но со следующим Повелителем нам может повезти гораздо меньше, чем с этим Иули. Вдруг, следующий не даст нам и той воли, что у нас сейчас есть?»

«А ты думаешь, следующий — будет?»

«Я уверен. Но если Повелитель и Солнечный споют сейчас, как должно, то новых потом может не быть. Мы с тобой успеем невозбранно уйти тропой духов. Я желаю освободиться именно так. А ты?»

Стурши снова вспомнил безголовых подкаменников, мучительно елозящих по камням, даже когда их ободрали и выпотрошили. Даже в котле с кипятком они угомонились не сразу! И хотя похлёбка получилась вкусной, мясо — нежнейшим, вожак ватажки молодых охотников велел больше не добывал такую дичь. Слабак! Одно слово, будущий Скундара! Стурши и тогда не жалел тупую живучую добычу, а сейчас — подавно. Но трепыхаться так самому? Противно. Унизительно.

Беда в том, что удалой колдун ужасно, невыносимо желает быть. Ощущать себя живым или почти живым: до недавнего времени он не чуял разницу «почти» настолько остро. Вторая беда: Стурши не верит в утешительные сказочки про щуров с их загадочными тропами. Скольких врагов, своих и Великого Безымянного, Стурши убил! Убил наяву и рвался добить их во сне. Но как ни выкрикивал он мертвецов по именам, нарушая древний запрет, как ни искал их на изнанке сна, ни один призрак не явился к нему на зов. Стурши не верит в тех, кого не встречал, чьих следов не видел. А забывать себя и растворяться в стихиях — ещё противнее и унизительнее, чем бегать на поводке.

— Стурши! — оклик вырывает колдуна из угрюмой задумчивости. Рыженькая девчонка тербит его за рукав, снизу вверх заглядывает в лицо. — Стурши, любезный мой! Прости Митаю, что не сохранила себя, приняла облик прежнего Повелителя. Прости, что я гонялась за тобой. Ты простишь меня, о Стурши?

Он смотрит в яркие золотые глаза с тревожно расширенными зрачками. Прихватывает пальцами кончик мохнатого уха: легонько и нежно. Гладит по голове, приминая густую мягкую гриву. Обнимает и крепко-накрепко прижимает девушку к себе. Говорит с горечью.

— Наверное, это я должен просить прощения у тебя, Митая. Это я увёл тебя на путь Теней. И поэтому всё у нас с тобой идёт вот так... Не так. Сам я по-дурацки жил и по-дурацки помер. Теперь ни жив, ни мёртв. И женщину свою не могу назвать женой и привести в свой дом. И дома-то у меня, беззаконника, не было и не будет.

Митая тоже крепко обхватывает его руками, стоит, прижавшись, а потом поднимает удивлённое личико:

— Стурши, ты же сам сказал! Где мы с тобою встретимся, там и есть наш дом! Охотиться Повелитель запретил: всем-всем и строго-настрого. Нас с тобой он никуда не гонит, ему довольно тех, кто носит его лицо, он забыл про нас двоих. Давай побудем мужем

и женой, пока можно? Я знаю уютную комнатку, где много-много шкур и подушек. Пойдём туда?

Стурши улыбается Митае. Глядя в широко распахнутые золотые глаза, он ощущал себя живым, безо всяких «почти». Он хочет и может сделать с Митаей то, что делают живые со своими женщинами, со своими жёнами. Он больше не занимается глупостями: не думает ни о безголовых подкаменниках, ни о Тенях, ни о Повелителях.

— Ты права, Митая. Пошли в ту комнатку, покувыркаемся.

Тень с лицом Иули заглядывает к ним в самый неподходящий миг — исчезает, подмигнув, прежде, чем Стурши успевает отвлечься от своей женщины и рывкнуть на незваного гостя.

Усталая, довольная Митая дремлет у Стурши на плече, и это лучшее, что с ними двоими могло случиться в этой жизни. Да пусть уже не жизни — не важно. Она — не первая женщина Стурши и даже не первая, с кем ему было так хорошо. Но она — последняя. Сновидец закрывает глаза и ныряет в её сон.

Возможно, они никогда не проснутся. Возможно, у них больше нет привычных тел. Два облачка серебристого тумана идут по-над снегом, не тревожа мерцающую гладь. Над ними — близкие, яркие звёзды, а вокруг звёзд летают миры, где можно славно покуролесить... Когда-нибудь потом, когда двум призракам наскучит просто быть рядом друг с другом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net